
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

АРЕТА

СКАЗАНІЕ.

Раича.

APETA.

АРЕТА.

СКАЗАНІЕ

изъ

временъ

Марка Аврелія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1849 г. Апрѣля 20 дня.

Цензоръ В. Флеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«При Маркѣ Авреліѣ въ Александріи процвѣтало христіанское училище, извѣстное подъ именемъ *Дидаскаліона*; основаніе этого училища приписывается Св. Евангелисту Марку. Преемники его принимали сюда всѣхъ, желавшихъ познакомиться съ положеніями и истинами новой религіи. Скромное названіе заведенія—Дидаскаліонъ—училище—и смиреніе посѣтителей долго усыпляли Александрійскихъ ученыхъ. Члены Музея, этой знаменитой въ свое время Акаде-

міи въ Александріи, равнодушно смотрѣли на людей, которые искали образованія въ простомъ *училищѣ.* Въ Дидаскаліонѣ однакожъ преподавали въ послѣдствіи времени Философію, Исторію, Космографію, Греческую Миѳологію; но объясненіе Слова Божія господствовало надъ всѣми этими науками. При всемъ томъ языческимъ ученымъ казалось, что Дидаскаліонъ не болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ заведенія другихъ сектъ, которыхъ было здѣсь много.»

«Между тѣмъ въ Александріи христіанское общество умножалось, и ненависть черни къ нему обнаруживалась страшнымъ образомъ; убійства слѣдовали за убійствами; чернь не прощала ему явнаго отвращенія къ священнымъ ея обрядамъ и часто, не довольствуясь

отдѣльными жертвами, требовала общаго наказанія всѣмъ, презиравшимъ боговъ. Правительство иногда уступало ея требованіямъ,—начинались гоненія.»

«Музей поставленъ былъ въ затруднительное положеніе; большинство его членовъ клонилось на сторону противниковъ. Римское правительство не обращало особеннаго вниманія на сущность дѣла, и только въ угожденіе черни, подстрекаемой жрецами, по временамъ воздвигало гоненіе на мнимыхъ безбожниковъ — на христіанъ, но не считало ихъ опасными для себя и не вмѣшивалось въ споры ихъ съ язычниками. При Адріанѣ, сначала оно подкрѣпляло еще доводы — аргументы — философовъ гоненіемъ, которое въ церковной исторіи называется *четвертымъ*; потомъ и

это пособіе для жрецовъ исчезло. Ходатайство Аѳинскаго Епископа Кодрата и тамошняго философа Аристида было принято Адріаномъ съ уваженіемъ. При Антонинѣ церковь наслаждалась миромъ. Маркъ Аврелій, — не смотря на то, что и при немъ было на христіанъ гоненіе, впрочемъ не продолжительное, — благопріятствовалъ Евангельскому ученію своею философіею. »

Вотъ отрывокъ, изъ Исторіи Александрійской школы, принятый мною за основаніе предлагаемаго читателямъ *Сказанія*; что касается до созданія, или правильнѣе, возсозданія, — оно развилось частію изъ легендъ, частію изъ Т. Мурова Эпикурейца.

Взыскательная критика можетъ упрекнуть меня за анахронизмъ: герои моего

Сказанія жили слишкомъ за полвѣка до Павла Ѳивскаго, иначе Ѳивейскаго, перваго основателя пустынножительства; но почему не предположить, что и прежде были христіане, которые во времена общихъ и частныхъ гоненій удалялись въ Ѳиваиду, гдѣ еще за нѣсколько столѣтій до нашей Эры изрыли множество пещеръ Месраимы, потомки Эѳіоплянъ? Вѣроятно, что христіане, иногда одни, иногда съ семействами, удалявшіеся во время гоненій въ пустыни, при благопріятныхъ обстоятельствахъ возвращались на родину, къ своимъ, къ друзьямъ, короче—въ общество.

Я почти увѣренъ, что Сказаніе мое найдетъ не многихъ читателей. Не мудрено,—я и писалъ его для не многихъ

и, по преимуществу, для себя; это—бытія моего сердца, или правильнѣе, исповѣдь моей совѣсти.

Само собою разумѣется, что я, не по чувству самолюбія, но по другому чувству, которое, какъ святыню, храню въ душѣ моей, порадуюсь, если на мои завѣтныя думы, перешедшія въ слово, отзовутся сердцá моихъ соотчичей, и еще болѣе порадуюсь, если опытъ мой на поприщѣ легендной поэзіи обратитъ на себя вниманіе молодыхъ поэтовъ, болѣе меня даровитыхъ, и увлечетъ ихъ на эго поприще высокой поэзіи.

Раичь.

I.

Арета, по принятіи христіанской вѣры, испытываетъ несчастіе за несчастіемъ и, доведенный наконецъ до бѣдности, оставляетъ Римъ и отправляется въ Египетъ; при переѣздѣ чрезъ Средиземное море въ Африку, хозяинъ корабля — это былъ пиратъ — разлучаетъ его съ женой и оставляетъ съ дѣтьми на пустынномъ берегу.

1.

«Благодарю Тебя, мой Богъ,
За все, за самыя лишенья!
Онѣ грядущихъ благъ залогъ,
Въ нихъ зрѣетъ сѣмя утѣшенья.»

«Въ былое время я скорбѣлъ
О всякой на землѣ потерѣ;
Слѣпецъ—тогда я цѣпенѣлъ
Въ оземлененной предковъ вѣрѣ.»

«Была то грустная пора,
Душа о бренномъ тосковала;

Но я прозрѣлъ, съ очей кора
Печальной слѣпоты упала,—

«И объ утратѣ благъ земныхъ
По прежнему уже не плачу:
Ты далъ, Ты взялъ обратно ихъ,—
Я *тамъ* найду, что *здѣсь* утрачу.»

«Благодарю Тебя, мой Богъ,
За все, за самыя лишенья!
Онѣ—грядущихъ благъ залогъ,
Въ нихъ зрѣетъ сѣмя утѣшенья.»

Такъ, въ изліяніи души,
Въ невозмущаемой тиши,
Арета Господу молился
Успокоительной мольбой
И, смолкнувъ, въ сердце углубился.

Но вотъ въ молитвенный покой,
Съ слезами на очахъ, рыдая,
Вошла супруга молодая.

«Что сталося съ тобою, другъ?
Спросилъ встревоженный супругъ;
Откуда слезы и рыданья?»

— Ихъ выдавили изъ души
Невыносимыя страданья....
Насъ Богъ оставилъ.... —
«Не грѣши!
Ты Господа гнѣвишь.»
— О, вѣрю!
Но можно ли, всѣхъ благъ потерю
Извѣдать, все похоронить
И—ни слезы не уронить?...
Какъ горько, другъ мой, въ дни несчастья
О прошломъ счастьи вспоминать!..
Насъ Дворъ ласкалъ, намъ льстила знать;
А нынѣ?... нынѣ и участья
Никто не принимаетъ въ насъ....
И всѣ, какъ не дозрѣвшій класъ,
Всѣ радости въ цвѣту убиты...—
«И ты жалѣешь, другъ, о томъ,
Что свѣтомъ мы съ тобой забыты?
Что мы по терніямъ идёмъ?
Но лучше ль терній въ мірѣ розы?
Не радость ли намъ сѣютъ слёзы?
И стоитъ ли коварный свѣтъ
Того, чтобъ мы о немъ скорбѣли?

Повѣрь мнѣ, —благъ въ немъ чистыхъ нѣтъ, —
Онъ не укажетъ высшей цѣли,
Онъ не проложитъ къ ней пути,
Не приведетъ въ тотъ край желаній,
Куда лишь избраннымъ войти
Дано по тернамъ испытаній. »

«Свѣтъ ! свѣтъ!... и что такое онъ ?
Ристалище, гдѣ преступленья
Къ постыднымъ цѣлямъ безъ препонъ
Несутся въ вихрѣ изступленья,
Гдѣ злодѣянію вѣнокъ
Плететъ другое злодѣянье,
Гдѣ слава чистая—попрёкъ,
Святое чувство—посмѣянье!.. »

« Я жилъ, я знаю этотъ свѣтъ,—
Я самъ подъ Божіей защитой
Пробилъ въ немъ къ чистой славѣ слѣдъ;
И чтожъ ? мнѣ поприще закрыто,
И суждено намъ доживать
Остатокъ дней на тризнѣ славы...
Но, другъ, судьбы Господни правы ;
Къ чему о прошломъ вспоминать ?

Насъ посѣтило искушенье
И грозно возстаетъ на плоть;
Но не оставитъ насъ Господь...
Терпѣнье, Лидія, терпѣнье!»
— Въ твоихъ словахъ небесный гласъ
Мнѣ слышится, но нужды, нужды!
Онѣ растутъ и давятъ насъ.—
«Христіанина нужды чужды;
На Господа свою печаль
Возверземъ, онъ насъ препитаетъ.»
— Мнѣ не себя,—дѣтей мнѣ жаль;
Что въ будущемъ ихъ ожидаетъ?...
Все, все—и домъ нашъ и поля—
Давно насилья достоянье...—
«Чтожъ, другъ мой? Господа хваля,
Снесемъ и это испытанье!
Страдалецъ Іовъ болѣ насъ
Извѣдалъ въ жизни злоключеній
И—не роптал, и душу спасъ,
Пройдя по тернамъ искушеній.»
— Дерзну ль на Господа роптать?
Я вѣрю, другъ, мздовоздаянью;
Но годы цѣлые страдать

И не видать конца страданью...
Ужасно!... признаюсь тебѣ ,—
Не разъ я Бога искушала
Въ мучительной съ собой борьбѣ,
Не разъ себя я вопрошала:
Зачѣмъ мы вѣру праотцо̀въ
На вѣру новую смѣнили?
Мы, прежде чтившіе боговъ,
Честимые—въ довольствѣ жили;
Мы измѣнили имъ, и намъ
Съ тѣхъ поръ все въ свѣтѣ измѣнило.
Пришли бѣды во слѣдъ бѣдамъ,—
И вотъ у счастья надъ могилой
Стоимъ и не живя живемъ,—
И хлѣба, одного лишь хлѣба,
Какъ милостыни, свыше ждемъ.
Не раздражили ли мы неба?—
« Что̀ сталось, Лидія, съ тобой?
Ужель твоя изсякла вѣра?
Прибѣгнемъ къ Господу съ мольбой;
Онъ милосердъ,—всему есть мѣра;
Онъ выше слабыхъ нашихъ силъ
Не посылаетъ искушеній.

Онъ насъ бѣдами посѣтилъ;
Но на землѣ бѣды какъ тѣни;
Онѣ пришли, онѣ пройдутъ,
И снова счастье къ намъ проглянетъ.
Кто съ Богомъ правды внидетъ въ судъ?
Кто чистымъ передъ Нимъ предстанетъ?
Бѣды—чистилище грѣховъ.
Не унывай! въ дни искушенья
Надежда, вѣра и любовь
Намъ щитъ, броня и шлемъ спасенья.»
— Я вѣрю, другъ, тебѣ вполнѣ;—
Ты сердцу говоришь такъ сладко;
Но знать несчастія однѣ
И не поплакать—то украдкой,
То явно—не могу, мой другъ.—
«О, да! души твоей недугъ
Понятенъ мнѣ, и кто же горе
Встрѣчалъ съ спокойствіемъ во взорѣ?
Господь не осуждаетъ слезъ;
Ихъ ангелъ съ неба въ утѣшенье
Изъ рая изгнаннымъ принесъ;
Но ропотъ сердца, но сомнѣнье
Въ небесномъ Промыслѣ—вотъ зло!...»

— Не договаривай! мнѣ больно,
Невыносимо тяжело!...
Прости мнѣ, Боже, грѣхъ невольной!—

Сказала Лидія, и въ прахъ
Съ мольбой повергласяе въ слезахъ;
То были слезы умиленья,
Раскаянья и сокрушенья.
И съ этихъ поръ жена и мужъ,
Въ сліяньи нераздѣльномъ душъ,
День ото дня все болѣ, болѣ
Господней довѣрялись волѣ.

2.

Бѣды, обрушившися разъ
И разразившися надъ нами,
Не скоро оставляютъ насъ;
Онѣ, какъ волны за волнами,
Переливаются, бѣгутъ,
Смѣняются одна другою,
И въ морѣ жизни насъ найдутъ
И упадутъ на насъ горою.

Дни шли; Арета обѣднѣлъ
До нищеты невыносимой,
И все безропотно терпѣлъ.
Какой-то рокъ неумолимой
Его неутомимо гналъ
И ждалъ конца его терпѣнью;
Но онъ крѣпился и стоялъ,
Вполнѣ отдавшись Провидѣнью.

Сошедшій съ поприща побѣдъ,
И окруженный тучей бѣдъ,
Онъ, какъ безплотный и безкровный,
Обыкъ носиться въ міръ духовный.
Но изъ столицы въ горній міръ
Полетъ душѣ—полетъ тяжелый;
Широкіе пустыни долы—
Вотъ гдѣ духовный вѣетъ миръ,
Вотъ гдѣ пристанище желаній
Живущему для созерцаній!

Въ столицѣ міра все ему
Печаль на душу наводило,
Все о растлѣньи говорило;
Онъ въ ней ни сердцу ни уму
Не находилъ отрады болѣ.
Онъ съ горестію видѣлъ въ ней
Заросшее волчцами поле:
Не стало славы прежнихъ дней,
Изсякла нравственная сила;
Орелъ расширенныя крыла,
Уставъ въ полетѣ, опускалъ;
Развратъ, какъ бурный въ морѣ валъ,

На всѣ сословія нахлынулъ
И все святое опрокинулъ.

Естественный палъ человѣкъ
И начиналъ вставать духовный,
И, встрѣтивъ благодатный вѣкъ,
Преображался міръ грѣховный;
Но этотъ вѣкъ былъ новъ еще.
При первомъ утреннемъ лучѣ
Отъ сна не вдругъ встаетъ природа,
И постепенность перехода
Есть вѣчный для всего законъ,—
Для міра неизмѣненъ онъ;
И чудеса, для насъ загадка,
Не внѣ всеобщаго порядка.
Возникшій вѣкъ былъ слишкомъ новъ
И не скрѣпилъ еще основъ
Едва застроеннаго зданья.

Арета видѣлъ лишь страданья,
А утѣшенья не видалъ.
Онъ прежде слезы отиралъ
Вдовицамъ, сиротамъ, несчастнымъ,—
Онъ не былъ никогда безстрастнымъ,—

Какъ прежде ближнихъ онъ любилъ;
Но, обѣднѣвъ, казалось, былъ
Для міра онъ не нуженъ болѣ.

Другое оставалось поле—
Широкое для добрыхъ дѣлъ —
Воздѣлывать Христову ниву; —
И, вѣрный своему призыву,
Онъ подвизаться былъ готовъ,
Какъ неизмѣнный рабъ Христовъ.

Но въ Римѣ—въ скопищѣ разврата,
Гдѣ жаждали не горнихъ благъ,
Но нѣги чувственной и злата,
И гдѣ едва ль не каждый шагъ
Запечатлѣнъ былъ преступленьемъ,
Чье сердце могъ онъ умягчить,
Осѣменить и освятить
Живымъ божественнымъ ученьемъ?
Гдѣ самъ досовершиться могъ
Въ дѣлахъ любви и въ чистой вѣрѣ?
На Римъ кромѣчный мракъ налёгъ,
Онъ спалъ въ тлѣтворной атмосферѣ.

Въ тѣ дни въ Египтѣ былъ притокъ
Отшельниковъ благочестивыхъ;
Они въ пустыняхъ молчаливыхъ
Избравъ покойный уголокъ
И, съ жизнью распростясь превратной,
Ввѣряли почвѣ благодатной
Святыя вѣры сѣмена.
Кругомъ дремала тишина,
И дѣлателей Божьей нивы
Не возмущалъ ни шумный свѣтъ,
Ни ада самаго навѣтъ.
Кипучіе страстей порывы
Охолодѣли въ ихъ сердцахъ;
Омывшись отъ грѣховной пыли,
Они душою чистой жили
Не на землѣ, а въ небесахъ.

Туда—въ мѣста заповѣдныя,
Неоскверненныя, святыя,
Арета мысли перенёсъ
И, взявъ жену, дѣтей съ собою,
Оставилъ Римъ ночной порою
Не безъ печали, не безъ слезъ.

**
*

Жестоко оскорбленный свѣтомъ,
Онъ не вязалъ себя обѣтомъ —
Съ неблагодарнымъ навсегда
Разстаться и, съ душой холодной,
Жить жизнью для другихъ безплодной, —
Христіанину месть чужда.

Любовь къ добру онъ и въ пустыню
Унесъ съ собою какъ святыню.
Ему хотѣлось тамъ — вдали —
Въ оазисѣ иль межъ горами —
Воздѣлать уголокъ земли
Неутомимыми руками,
Раскинуть у жилища садъ,
Развесть оливы, виноградъ.
Зайдетъ ли безпріютный странникъ,
Убогій, нищій, иль изгнанникъ, —
Привѣтливо принять подъ кровъ
И подѣлиться съ нимъ радушно
Избытками своихъ плодовъ.

Аретѣ въ Римѣ было душно,
Въ пустынѣ для него просторъ;
Тамъ не стѣсненный небозоръ

Раскинется предъ нимъ широко;
Тамъ воспитаетъ онъ себя
Для цѣли на землѣ высокой,
И, ближнихъ, какъ всегда, любя,
На поприще святое вступитъ
И всѣ потери на земли,
Отъ родины своей вдали,
На немъ сторицею искупитъ.

Зачавъ, взлелѣявъ, возраставъ
Сей помыслъ въ глубинѣ сердечной
И Богу, какъ дитя, безпечно
Довѣрясь, на Его призывъ,
Онъ многолюдный Римъ оставилъ
И путь въ безлюдный край направилъ.

3.

Арета, продолжая путь,
Проходитъ города и селы,
И рѣдко, рѣдко взоръ веселый
Покоитъ въ нихъ на чемъ нибудь...
На чемъ покоить? вступитъ въ городъ,—
Тамъ сердца и ума развратъ,
За злато брата рѣжетъ братъ;
Войдетъ въ село,—тамъ рыщетъ голодъ,
Заржавѣлъ серпъ и дремлетъ плугъ.
Упалъ во всѣхъ сословьяхъ духъ,
И въ царственныхъ владѣньяхъ Рима
Лишь бѣдность съ суетностью зрима.

Престолъ въ то время занималъ—
Краса монарховъ—Маркъ Аврелій;
Бразды правленья онъ пріялъ,

Не мысля о корыстной цѣли.
Одно высокое любя
И понимая долгъ владыки,
Онъ царствовалъ не для себя ;
Восторговъ покупные клики
Не тѣшили его души.

Бывало заполночь, въ тиши,
Межъ тѣмъ, какъ царедворцы сладко
Покоились на лонѣ нѣгъ,
Или, отъ совѣсти украдкой,
Искали въ оргіяхъ утѣхъ
Подъ сладострастною прохладой, —
Онъ сиживалъ передъ лампадой
Въ бесѣдѣ мертвыхъ мудрецовъ
И, мысля о своемъ народѣ,
Воспитывалъ въ себѣ любовь
Къ благому въ нравственной природѣ.
Самъ, доблестей живой урокъ,
Горѣлъ онъ рвеньемъ благороднымъ
Освоить съ духомъ ихъ народнымъ.

Къ чему? развратъ, какъ съ горъ потокъ
Кипучій, быстрый и широкій,

Разлился изъ страны въ страну,
И Римъ, какъ блудную жену,
Изчадье адское—пороки
Растлили ; имъ поработясь
Расторгъ онъ съ небесами связь,
И много, много каръ извѣдалъ,
И много, много ихъ сынамъ,
Съ своимъ нечестіемъ, перéдалъ
Въ урокъ грядущимъ племенамъ.

Народы счастливы, доколѣ
Въ сердцахъ ихъ свѣтитъ горній свѣтъ ;
Погасни онъ, и счастья нѣтъ
Ни въ хижинѣ, ни на престолѣ.

Мы живо помнимъ вѣкъ златой,
И не забыть того намъ вѣка !
Надъ Александровой главой,
Какъ надъ главой Мельхиседека,
Почила благодать небесъ
И, надъ страной его сіяя,
Свѣтила намъ отрадой рая,—
И вѣкъ тотъ—вѣкомъ былъ чудесъ.

Теперь, старѣющее племя,
Мы смотримъ съ грустію назадъ.
О, какъ жилося намъ въ то время!
У насъ, какъ пышный вертоградъ,
Цвѣли науки и искусства.
Тогда возвышенныя чувства
Наслѣдьемъ многихъ были душъ;
Самъ царь, по сердцу Бо́жью мужъ,
Самъ Александръ Благословенный,
Отъ неба щедро надѣленный
Дарами сердца и ума,
Межъ нами просвѣщенье сѣялъ,
Таланты нѣжилъ и лелѣялъ,—
Казалось, благость съ нимъ сама
Въ отчизнѣ царствовала нашей;
И съ каждымъ днемъ все краше, краше
Цвѣла лелѣемая Русь,—
И не было счастливѣй края...
И я, о прошломъ вспоминая,
Имъ и любуюсь и горжусь.
Вліянію небесъ отверстый,
Нашъ вѣкъ и цвѣлъ, и зрѣлъ въ добрѣ
И душу возносилъ горѣ.

Тогда поэтъ, бывало, персты
На струны лиры занесетъ,
И лира, оживясь, поетъ
Легко, и бѣгло, и свободно,
Поетъ и Бога, и царей,
И славныхъ доблестью мужей.
Бывало, съ гордостью народной
Наслушавшися пѣсни той,
И самъ возвысишься душой.

О, даръ поэзіи—даръ неба,
Она сама есть благодать.
Поэтъ ни золота, ни хлѣба
За пѣснь не будетъ ожидать,—
Сочувствіе ему возмездье;
Какъ благотворное созвѣздье,
Поэтъ вліяетъ на людей
Высокой пѣснію своей;
Поэтъ народа благодѣтель:
Кто сладостнѣе воспоетъ,
Звучнѣй прославитъ добродѣтель,
И въ сердцѣ къ ней любовь зажжетъ?
Кто жарче распалитъ отвагу,

Какъ громы брани загремятъ,
И кто общественному благу —
Кто болѣе поэта радъ?

Была для насъ и Александра
Одна тяжелая пора,
И всѣхъ давила какъ гора,—
И въ пламени, какъ Саламандра,
Какъ этотъ духъ—жилецъ огня—
Горѣли мы и—не сгорѣли.
Высоко честь свою цѣня,
Въ дни бѣдствій мы не оробѣли
И—Царскій отстояли тронъ
Прикрытый сѣнью благодати.

Къ намъ вторглись вражескія рати:
Мужъ рока—самъ Наполеонъ—
Ихъ велъ на бой... Стонали долы,
Пылали города и сёлы.
Но встала Русская земля,
Усердно помолилась Богу,
И, Бородинскія поля
Обставъ, запнула имъ дорогу.

Бородино! Бородино!
На битвѣ исполиновъ новой
Ты славою озарено,
Какъ древле поле Куликово.

Вопросъ рѣшая роковой,—
Кому предъ кѣмъ склониться выей,
Кому надъ кѣмъ взнестись главой —
Тамъ билась Азія съ Россіей.

И роковой вопросъ рѣшёнъ, —
Россія въ битвѣ устояла,
И заплескалъ восторгомъ Донъ,
Надъ нимъ свобода засіяла.

Здѣсь—на поляхъ Бородина —
Съ Россіей билася Европа,
И честь Россіи спасена
Въ волнахъ кроваваго потопа.

И здѣсь, какъ тамъ, рѣшенъ вопросъ
Со всѣмъ величіемъ отвѣта:
Россія стала какъ колоссъ
Между двумя частями свѣта.

Ей рокомъ о́тданъ перевѣсъ,
И вознеслась она высоко;
За ней, предъ нею лавровъ лѣсъ
Возросъ, раскинулся широко.

Не ты ли, сѣверный Тиртей,
Ночнымъ одѣянный туманомъ,
Облокотясь надъ барабаномъ,
Среди сторожевыхъ огней,
Настроивъ лиру, грянувъ въ струны,
Отчизны рать одушевилъ;
И рать, призвавши Бога силъ,
Послала на врага перуны?...

Мы живо помнимъ вѣкъ златой,
И не забыть того намъ вѣка!
Надъ Александровой главой,
Какъ надъ главой Мельхиседека,
Почила благодать небесъ,
И вѣкъ тотъ—вѣкомъ былъ чудесъ,—
И мы, старѣющее племя,
Земной оканчивая путь,
Мы любимъ сердцемъ отдохнуть,
На память приводя то время.

И нынѣ дивныя дѣла
Въ тебѣ, страна моя родная!
Творятся волей Николая...
Зачѣмъ такъ рано отняла
Ты, смерть, у насъ пѣвца Полтавы?
О, сколько бъ онъ придалъ имъ славы!
А я, невѣдомый пѣвецъ,
Я и помыслить не дерзаю
Подслушанную пѣснь сердецъ
Бряцать на лирѣ Николаю.

4.

Однажды, въ странствіи своёмъ,
Арета, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ неясной думою во взорѣ,
Стоялъ при Средиземномъ морѣ,
Гдѣ пристань древняя была,
Давно забытая пловцами;
Отъ ней тропинка межъ скалами
Къ нерукотворнымъ гротамъ шла,
Гдѣ самородные колодцы
Струились влагою живой;
Для ней-то съ корабля порой
Сходили въ пристань мореходцы.

Малютки, къ матери своей
Прижавшись, на травѣ сидѣли
И, чуждые земныхъ скорбей,

Безпечно черствый хлѣбъ свой ѣли.
Мать погрузилася въ печаль,—
Все мракъ на душу наводило:
Ее грядущее страшило,
И прошлаго ей стало жаль.

Какъ бы предвидя близость горя,
Арета не сводилъ очей
Съ необозримой дали моря,
Съ обманчивыхъ его зыбей.
«Вотъ вѣрный образъ нашей жизни!
Сказалъ онъ ; человѣкъ—пловецъ;
Родясь не для земной отчизны,
И долу временный жилецъ,
Плыветъ онъ моремъ треволненья
Къ невѣдомымъ ему брегамъ;
И счастливъ, если по волнамъ
Пройдетъ, не испытавъ крушенья.»
— А почему жъ и не пройти ?—
Жена Аретѣ возразила;
Будь лишь кормило и вѣтрила
Съ надежнымъ якоремъ въ пути,
И онъ отважно и свободно

Промчится по равнинѣ водъ
И въ пристань мирную войдётъ
Съ своей звѣздою путеводной.—

И долго межъ собой вели
Супруги рѣчь. Глядятъ,—вдали
Корабль ихъ взорамъ показался;
Раскинувъ полосатый флагъ,
Онъ легкой птицей въ пристань мчался
На распущенныхъ парусахъ.
«Пора, сказалъ женѣ Арета,
Пора Европу бросить намъ
И къ цѣли давняго обѣта
Перенестися по волнамъ!
Вотъ и корабль,—чего же болѣ?
Повѣримся Господней волѣ.»
— Какъ хочешь ты, жена въ отвѣтъ;
У насъ раздѣла мыслей нѣтъ,—
Господь одну вложилъ въ насъ душу,
За чѣмъ же намъ ее двоить?—
«И такъ, мой другъ, покинувъ сушу,
Рѣшимся волны переплыть.»
— Я вопреки тебѣ ни слова,—

Я всюду за тобой готова;
Но море... Но корабль... Какъ знать,
Кому ввѣряемъ мы свой жребій?—
«Къ чему сомнѣнье? благодать
Насъ, міра грѣшнаго отребій,
Какъ путеводная звѣзда
Не оставляла никогда
И не оставитъ.... и пираты,—
Положимъ, что они къ землѣ
Плывутъ на этомъ кораблѣ,—
Не страшны намъ; мы не богаты;
Одежды нашей простота
И не затѣйливость уборовъ
Не соблазнятъ ихъ жадныхъ взоровъ;
За безопасность—нищета
Намъ вѣрная съ тобой порука;
У насъ не заманитъ имъ въ слухъ
Златицъ плѣнительнаго звука,
Къ чему жъ смущать сомнѣньемъ духъ?»
— Все такъ, мой другъ,—но, я не знаю,
Мнѣ какъ-то больно, тяжело
Сказать прости родному краю. —
«Для насъ въ немъ счастье отцвѣло;

Мы ль не наплакались въ отчизнѣ
У радостей своихъ на тризнѣ?...
Скажи, чего тебѣ въ ней жаль?».
—Предчувствіе мнѣ сердце давитъ,
Оно наводитъ мнѣ печаль. —
«Утѣшься! Богъ насъ не оставитъ.»

Простяся взорами съ землей,
Арета на корабль съ семьей
Вступаетъ, затаивши горе
Въ далекой сердца глубинѣ.
И вотъ, при угасавшемъ днѣ,
Корабль опять въ открытомъ морѣ,
И заплескали паруса,
Подъ крылья вѣтеръ зазывая.

Луна сребрила небеса,
Безбрежный свѣтъ свой разливая;
Ея привѣтные лучи,
Ласкаясь къ Лидіи въ ночи,
Красу прелестной возвышали.
Подъ тонкимъ облакомъ печали
Она, какъ Цинтія, была
Очаровательно мила;

И кормчій, съ думою унылой
Облокотяся на кормило,
Съ прелестной не сводилъ очей,
Отрадой нѣжа взоръ на ней.

Часы смѣнялися часами,
Какъ волны нá морѣ волнами;
Подъ томнымъ говоромъ руля
Жильцы и гости корабля
Забылись сладкою дремотой;
Лишь онъ съ сердечною заботой
Очей до утра не смыкалъ
И все о Лидіи мечталъ.

Межъ тѣмъ подъ кораблемъ шумѣли,
Кипѣли, пѣнились валы;
Минуя мели и скалы,
Онъ мчался торопливо къ цѣли.
И вотъ, окончивъ дальній бѣгъ,
Примчался на пустынный брегъ.

Арета моря путь опасный
Съ семьей безбѣдно переплылъ...
О, если бъ вѣдалъ онъ, несчастный,

Что́ кормчій на̀ сердцѣ таилъ,
Что́ замышлялъ онъ вѣроломной!...
Но кто въ душѣ другаго тёмной
Умѣетъ помыслы читать?
И кто съ грядущаго печать
Дерзнетъ сорвать?..
Порой насъ море
Съ своими бурями щадитъ,
И тамъ, гдѣ съ трепетомъ во взорѣ
Встрѣчаемъ грозный смерти видъ,
Господь хранитъ насъ невиди́мо;
Порою тамъ, гдѣ бурь не ждёмъ,
Надъ нами упадаетъ громъ
Изъ черныхъ тучъ неотразимой.

Недаромъ, Лидія, тебѣ
Предчувствіе томило душу,
Когда ты покидала сушу
Въ мучительной съ собой борьбѣ...
Ты плѣнница!.. Какъ птица въ сѣти,
Ты поймана... Простите, дѣти!
Прости, Арета!... можетъ быть,
Весь вѣкъ вамъ въ сиротствѣ изжить,

Быть можетъ, только за могилой
Вы встрѣтясь, обойметесь съ милой.

Ни просьбы мужа и отца,
Ни слезы, ни его страданья,
Ни,—раздиравшія сердца,
Слитыя съ лепетомъ,—рыданья,
Ни вопль, ни стонъ, ни плачъ дѣтей
По милой матери своей—
Ничто злодѣя не смягчило.

Арета долго съ темя скалъ
Слезящимъ взоромъ провожалъ
Мелькавшее вдали вѣтрило,
Пока виднѣлося оно,
Какъ тонкихъ облаковъ руно.

День гаснулъ, солнце на закатѣ
Тонуло въ пурпурѣ и златѣ;
Поля дышали тишиной
И разливали ароматы
Съ растеній, вспрыснутыхъ росой.
Арета, скорбію объятый,
Былъ мертвъ къ чарующимъ красамъ.

Красы природы милы намъ,
Когда насъ счастіе лелѣетъ
И на душѣ не тяготѣетъ
Невыносимая печаль.

Онъ мыслью перенесся въ даль;
Остановясь на ней вниманьемъ,
Онъ оживлялъ воспоминаньемъ
Далекой родины мѣста.
Онъ вспомнилъ юныя лѣта,
Когда, надеждами сіяя,
Онѣ цвѣли пышнѣе мая.
Онъ перешелъ отъ юныхъ лѣтъ
Къ другимъ лѣтамъ, и рядъ побѣдъ,
Съ чарующею сердце славой,
Предъ нимъ развился величаво...
И вспомнилъ горній онъ призывъ,
Какъ,—путь грѣха презрѣвъ, забывъ, —
Избралъ другую онъ дорогу
И, возрожденный, въ жертву Богу
Всѣ міра прелести принёсъ
Безъ сожалѣнія и слёзъ....
И чтожъ ему возмездьемъ было?

Оспоривая каждый шагъ
У жизни съ напряженной силой,
Онъ, какъ въ волнахъ, тонулъ въ бѣдахъ...
  Тутъ вздохъ въ груди его стѣснился,
И слезы брызнули изъ глазъ;
Упавши духомъ, въ первый разъ
Онъ въ Провидѣньи усомнился.

II.

Арета въ отчаяніи; новое, неожиданное, ужасное искушеніе наводитъ на него сомнѣніе въ Провидѣніи. Послѣ жестокой борьбы съ самимъ собою, онъ раскаивается, молится, нѣсколько успокоивается, засыпаетъ и видитъ себя перенесеннымъ въ новый—духовный міръ, гдѣ бесѣдуетъ съ нимъ Ангелъ. Святость брака, соединяющая супруговъ на всю вѣчность. Отношеніе міра вещественнаго къ духовному. Будущая судьба человѣчества.

1.

Межъ тѣмъ на землю ночь сошла
И сонъ отрадный навела
На утомленную природу,
Заснулъ и долъ и холмъ и лѣсъ,
И по обмеркнувшему своду,—
По темной синевѣ небесъ,—
По безпредѣльной неба дали,—
Златыя звѣзды засіяли.

Арета, уложивъ дѣтей,
Молился долго, долго Богу;

Но, чувствуя—въ душѣ своей
Сомнѣній смутную тревогу,
А въ сердцѣ—ропотъ на Творца,
Не домолился до конца.
Возникшій помыслъ въ немъ грѣховный
Съ вліяніемъ враждебныхъ силъ,
Его отъ неба отдѣлилъ,
И палъ въ немъ человѣкъ духовный!

Земля покорена грѣхомъ,
Оттолѣ горести всѣ наши;
И пьемъ мы ихъ изъ полной чаши,
И до могилы не допьёмъ.

Счастливцевъ на землѣ немного,—
Ихъ рѣдко, рѣдко видитъ свѣтъ;
Какой бы кто ни шелъ дорогой,
Какой бы ни оставилъ слѣдъ
Въ предѣлахъ временной отчизны;
Но загляните въ свитокъ жизни,
Но вникните въ ночной тиши
Въ изгибы тайные души
И всѣхъ и каждаго отдѣльно ..
Какъ у инаго тамъ темно,

Засорено, загрязнено!
Не вѣрьте радости поддѣльной;
Сіяя только на показъ,
Она обманываетъ васъ.

Прямое счастіе на долю
Дается избраннымъ однимъ,
Образовавшимъ умъ и волю
Ученьемъ Господа святымъ.
Счастливъ одинъ лишь возрожденный,
И то, когда онъ, искушенный,
Какъ злато чистое въ огнѣ,
Отдался Господу вполнѣ.
Но если послѣ возрожденья
Не вынесетъ онъ искушенья;
Но если человѣкъ плотской
Духовнаго въ немъ одолѣетъ,
И подъ грѣховной тяготой
Онъ благодатью оскудѣетъ;
О, гдѣ тогда ему найти
Для сердца бѣднаго отраду?
На небо заперты пути,
А міръ съ страстьми—прямой путь къ аду.

Арета въ Промыслѣ святомъ,
Въ часъ искушенья, усомнился,
Отъ неба сердцемъ отдѣлился
И—горько плакалъ онъ о томъ,
И не было, казалось, мѣры
Его слезамъ; упавши ницъ,
Онъ не дерзалъ открыть зеницъ.
Такъ Петръ Апостолъ—камень вѣры—
Услышавъ въ полуночный часъ
Будившій совѣсть пѣтла гласъ,
Слезами горькими зали́лся.

Блѣднѣли звѣзды въ небесахъ,—
Арета снова, весь въ слезахъ,
Рыдая, Богу помолился
Молитвой чистою, святой,
Исполненною умиленья,
Раскаянья и сокрушенья,—
И стало на́ сердцѣ свѣтлѣй,
И, осѣнивъ крестомъ дѣтей,
Уснулъ онъ мирно предъ зарёю.

Онъ спитъ, и надъ его главою
Видѣній чудныхъ вьется рой:

Онъ въ міръ перенесенъ другой—
Въ духовные предѣлы рая.
Тамъ, свѣтъ сребристый разливая,
Незаходимая луна
Всегда чиста, всегда ясна.

Есть много у земнаго міра
Плѣнительныхъ для взора странъ;
Есть у него свой Индостанъ,
Свои долины Кашемира.
Очаровательны луга,
Холмы и долы у нагорья,
Сады и рощицы у взморья
И бархатные берега
Въ краю Италіи прелестной:
Но далекó не тó они
Въ томъ мірѣ, въ той странѣ чудесной.
Тамъ нѣтъ ночей, тамъ вѣчно дни;
Но дни не наши, не земные,—
Лучи полудня огневые
Не убиваютъ тамъ цвѣтовъ.
Тамъ нѣтъ ни зимъ, ни ихъ снѣговъ,—
И осени тамъ нѣтъ ненастной;

Тамъ подъ лазурью неба ясной
Цвѣтетъ безсмѣнная весна.
  Очаровательна страна—
Созданье дивное Торквата,—
Гдѣ подъ жемчужною росой,
Въ дыханьи сладкомъ аромата,
Своей любуяся красой
При свѣтѣ радужномъ Авроры,
Цвѣты обворожаютъ взоры ;
Гдѣ въ очарованныхъ садахъ,
На благовонныхъ деревахъ
Поютъ съ денницы до денницы
Лелѣемыя нѣгой птицы ;—
Но далекó не тó она,
Чтò эта дивная страна ;
Нечистое земное око
Всѣхъ дѣвственныхъ ея красотъ
Не перечтетъ и не снесётъ ;
Нашъ свѣтъ тамъ былъ бы тьмой глубокой.

2.

Арету райская страна
Очаровала, и, не зная,
Была ли то́ мечта одна,
Или существенность живая,
Глазамъ не вѣрилъ онъ своимъ.
Глядитъ—и—юноша предъ нимъ,—
По мягкой, бѣлоснѣжной выѣ
Вилися кудри золотые;
Одежда, облегая станъ,
Какъ тонкій утренній туманъ,
Казалась сотканной изъ свѣта.

«Гдѣ я?... Кто ты?» спросилъ Арета.
— Ты въ небѣ, тотъ ему въ отвѣтъ,
А я—я Ангелъ твой хранитель.—
«Возможно ли? я міра житель,
Я плоть, и—вижу горній свѣтъ!»

— О, да! Христовъ и рабъ и воинъ —
Ты славы избранныхъ достоинъ. —
« Я, грѣшникъ,—въ небѣ, между васъ,
Гдѣ все такимъ блаженствомъ дышетъ,
Какого на землѣ у насъ
Не видитъ око, слухъ не слышитъ!...»

«Зачѣмъ, когда спросить дерзну,
Зачѣмъ, разрозненный съ землёю,
Я призванъ въ горнюю страну?»
— Давъ скорби овладѣть собою,
Ты, маловѣрный, палъ вчера, —
Ты въ Провидѣньи усомнился;
Но искушенія пора
Прошла,—ты Господу молился
Вторичной чистою мольбой,
И грѣхъ паденья смылъ слезой,
И спало тягостное бремя
Съ твоей души; но будетъ время,—
Ты вновь подвергнешься бѣдамъ
И, странникъ въ мірѣ одинокой,
Предашься горести жестокой,
Но не падешь; ты къ небесамъ,

Сроднившимся уже съ тобою,
На крыльяхъ вѣры воспаришь
И ропотъ сердца усмиришь. —
« Опять несчастью надо мною
Упасть, какъ грому, суждено !
Когда же кончится оно ? »
— Когда ! что̀ подъ луною вѣчно ?
Все вѣчно только въ небесахъ.
Довѣрься Господу безпечно
И знай, что сѣющій въ слезахъ,
Жнетъ въ радости неизреченной...
И что̀ вашъ міръ, гдѣ все мгновенно ?
И сто́итъ ли онъ тѣхъ заботъ,
Которыя васъ бѣдныхъ давятъ ?
Что̀ по себѣ онѣ оставятъ ?
Какой для васъ взлелѣютъ плодъ ?
Склонясь, взгляни на міръ презрѣнной,
Гдѣ доблесть—стыдъ, гдѣ честь—порокъ...
Онъ чуть замѣтенъ во вселенной,
Какъ въ океанѣ островокъ,
Едва для глазъ пловца примѣтной. —

Арета взоръ къ землѣ склонилъ,

Задумался и уронилъ
Слезу съ рѣсницы безотвѣтно.
Принесшій міру столько жертвъ,
Теперь для міра былъ онъ мертвъ.
Одно лишь мысль его смущало:
Тамъ дѣти, тамъ его жена,—
Чтó ихъ въ грядущемъ ожидало?..
Послѣдней участь рѣшена,—
Она невольница!... но чтоже?
У вѣрныхъ Господу всегда
Хранитель Ангелъ на сторожѣ,
И не преткнутся никогда
Они о камень искушенья—
Ни въ дни торжествъ, ни въ дни гоненья.

Мысль эта часть его скорбей
О горькой тратѣ услаждала;
Другая мысль—чтó ждетъ дѣтей
На поприщѣ земномъ—смущала
Чадолюбиваго отца.
Какъ воскъ, ихъ мягкія сердца
Все безъ различія готовы
И воспріять и воспитать.

Будь это сѣмена Христовы,
Скрывающія благодать
Подъ оболочкой сердцевины, —
И приметъ возрастъ ихъ невинный
Тѣ сѣмена и принесётъ
Благословенный Богомъ плодъ;
Будь это сѣмена изъ ада, —
И ихъ въ глубь сердца примутъ чада
И безотчетно возрастятъ
На то, чтобы утѣшить адъ.

Хранимые любовью нѣжной
Отца, съ нимъ óбъ руку они
Пройдутъ путь жизни безмятежно.
Но, можетъ быть, наступятъ дни,
Когда и съ ними, какъ съ женою,
Разрознясь, онъ оставитъ ихъ —
Не твердыхъ въ правилахъ — однихъ
Итти дорогою земною.
Кто безъ наставника — отца
Засѣетъ сѣменами вѣры
Ихъ дѣтски — чистыя сердца?
Гдѣ благочестія примѣры

Они увидятъ на землѣ
Среди всеобщаго растлѣнья ?

— Я вижу, я прочелъ сомнѣнья
На сумрачномъ твоемъ челѣ,
Сказалъ ему путеводитель.
Не бойся за своихъ дѣтей ;
Ты долгъ исполнилъ, какъ родитель,
Какъ пестунъ ихъ отъ первыхъ дней;
Ты ихъ отъ самой колыбели
Ведешь къ святой завѣтной цѣли. —
« Могло ль иначе быть ? намъ Богъ
Дѣтей ввѣряетъ какъ залогъ,
И долгъ нашъ , продолжалъ Арета,
На скользкомъ жизненномъ пути
Отъ преткновенья ихъ блюсти
И чистыхъ отъ соблазновъ свѣта
Въ день судный Богу передать.
Исполненный благоговѣньемъ,
Я только началъ засѣвать
Сердца дѣтей святымъ ученьемъ ;
Но вкоренятся ль сѣмена
У нихъ во глубинѣ сердечной?...»

— Святое сѣмя, другъ мой, вѣчно;
Оно, проникнувши до дна,
Лежитъ и, можетъ быть, случайно
Тамъ долго, долго пролежитъ,
Но не умретъ,—въ немъ жизнь горитъ;
Наступятъ дни, и голосъ тайной
То́ сѣмя вызоветъ на свѣтъ,
И дастъ оно ростокъ и цвѣтъ
И плодъ святой, небесъ достойной.—
« Твой гласъ мнѣ—гласъ эдемскихъ лиръ;
Утѣшенный тобой, спокойно
Могу взглянуть на дольній міръ. »
— Не вовся свѣтелъ ты душою, —
Я вижу,—я безплотный духъ,—
Я знаю твой земной недугъ;
Тебя разрознили съ женою, —
О ней скорбитъ твоя душа. —
« Могу ли, ею лишь дыша,
И могъ ли эту я потерю,
Не возмутясь душой, снести?
Она на жизненномъ пути
Была моимъ блаженствомъ. »
— Вѣрю, —
**

Жена для мужа и краса
И счастіе прямое въ мірѣ;
Съ ней жизнь какъ пѣснь на стройной лирѣ;
Съ ней ближе къ сердцу небеса. —
« Скажи, ты знаешь, суждено ли
Съ женою мнѣ въ земной юдоли
Сойтись хоть разъ, хоть только разъ? »
— Грядущее, мой другъ, отъ насъ
Непроницаемою тайной
Задернуто; Господь одинъ
Временъ и сроковъ властелинъ;
Кто знаетъ,—можетъ быть, случайно
И на земли сойдешься съ ней
И кончишь съ ней остатокъ дней.
Одно скажу, что̀ мнѣ извѣстно, —
Здѣсь, въ области духовъ небесной,
Любовью чистою дыша,
Вы будете—одна душа,
Какъ два согласныхъ звука лиры.
Утѣшься, другъ, не вѣкъ вы сиры;
Два существа, слитыхъ въ одно
Любовью на землѣ святою, —
Одной ли, розной ли стезёю

Итти имъ долу суждено,—
На небѣ встрѣтятся другъ съ другомъ,
И, какъ супруга тамъ съ супругомъ,
Въ святой вступившія союзъ,
Не расторгаютъ болѣ узъ.—
« Твой гласъ—гласъ арфы златострунной;
Я съ ней,—я съ Лидіей моей, —
Былъ слитъ душой въ странѣ подлунной,
И здѣсь душой сольюся съ ней!... »

«Скажи, мой пестунъ, мой хранитель,
Когда переселюсь я къ вамъ,
Земную бросивши обитель?
Какъ сладко здѣсь, такъ горько тамъ...»
— Опять въ душѣ твоей тревога!
Грядущее во власти Бога,
И намъ его не разгадать.
Будь вѣренъ своему призванью;
Постигнутъ ли бѣды тебя, —
Переноси ихъ не скорбя, —
Для рая дань отдай страданью.
Кто рая тамъ не насаждалъ,
Не орошалъ его слезами,

От тернія не очищалъ
Изъязвленными въ кровь руками,
Тому здѣсь къ раю путь закрытъ.
Лишь дѣти, не́ страдавши долу,
Доступны Божію престолу. —

3.

« Дерзну ль, Арета говоритъ,
Дерзну ль спросить тебя, вожатой, —
И эти рощи и сады,
И нивъ струящееся злато,
И эти рѣки и пруды,
И всплески въ нихъ игривой рыбы,
И ручейки и ихъ изгибы,
И на полянахъ купы розъ,
И на листахъ ихъ перлы росъ,
И хоры по лѣсамъ пернатыхъ,
И вереницы мотыльковъ —
Цтвѣтковъ эѳира вкругъ цвѣтковъ —
Въ убранствахъ прихотно богатыхъ,
И эта неба красота
Съ безоблачной лазурью свода, —

Вся эта дивная природа —
Существенность или мечта?»
— Нѣтъ, это не мечта пустая, —
Былъ Ангела ему отвѣтъ;
Здѣсь все — существенность живая, —
Мечтамъ на небѣ мѣста нѣтъ;
Мечты — созданіе живаго
Воображенія земнаго. —

— Воображеніе — дитя;
Любуясь дольнею природой,
Оно съ безпечною свободой,
Играя, рѣзвяся, шутя,
Срисовываетъ съ ней картины:
Дубравы, холмы, луговины
И выси величавыхъ горъ;
Взволнованнаго моря воды
И зыби тихія озёръ;
Небесъ лазоревые своды,
Луну съ задумчивымъ челомъ
И звѣздъ кипящія пучины —
Все, все оно въ свои картины
Роскошныя перенесётъ...

Что̀ въ томъ, когда не перельётъ
Оно въ нихъ жизни вѣковѣчной?
Созданье темное мечты,
Безъ самобытной красоты
Онѣ живутъ не долговѣчно.
— Природа по себѣ мертва;
Внѣ сферы высшаго влїянья
Безжизненны ея созданья;
Она—зерцало Божества,
Скрижаль для буквъ Его завѣта;
Ни самобытнаго въ ней свѣта,
Ни самобытной жизни нѣтъ;
Она заемлетъ жизнь и свѣтъ
У сферъ, незримыхъ бреннымъ окомъ.
Воображенїе—дитя;
Но если, крыла распустя,
Въ своемъ паренїи высокомъ
Оно проникнетъ въ глубь небесъ
И тамъ—въ святилищѣ чудесъ,—
У самаго истока жизни,—
За гранью мертвенной отчизны,
Упившись жизнїю, творитъ
По дивнымъ образцамъ небеснымъ,

Всегда высокимъ и прелестнымъ,
И дастъ своимъ созданьямъ видъ
Полу-земной, полу-небесной,
И душу свыше призоветъ
И эту душу перельетъ
Въ свой образецъ полу-тѣлесной,
Полу-духовной,—онъ пройдётъ
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
На міръ печальный навѣвая
Таинственную радость рая.—

« Я убѣжденъ тобой вполнѣ,
Что здѣсь у васъ—въ предѣлахъ рая, —
Въ духовной вашей сторонѣ,—
Все, все существенность живая;
Что все у васъ какъ на землѣ,
Но только не въ туманной мглѣ:
У васъ и сводъ небесъ свѣтлѣе,
И рощи и сады пышнѣе,
Разнообразнѣй видъ полей,
Цвѣты нѣжнѣе и душистѣй,
И птицы ваши голосистѣй,—
У васъ все развито полнѣй;

Но я, слѣпецъ, не постигаю,
Что̀ въ чувственныхъ явленьяхъ раю?
Скажи мнѣ, вождь, къ чему онѣ
Въ духовной вашей сторонѣ?»

— Живые Божества глаголы,
Онѣ для насъ, мой другъ, символы
Любви и мудрости святой.
Онѣ не образъ лишь простой,
Чарующій безплодно око, —
О, нѣтъ! въ нихъ смыслъ сокрытъ глубокой!
Онѣ въ небесной сторонѣ
Не просто вещи лишь однѣ,
Какъ на землѣ—у чадъ растлѣнья—
Безъ отзыва для разумѣнья.
Въ нихъ міріады міріадъ
Идей вовзвышенныхъ кипятъ,
Плодятся, множатся, роятся
И, разроившись, вновь дробятся.
Изъ нихъ-то геніи—творцы
И всѣ высокаго жрецы,
Какъ освященные фіалы,
Заимствовали идеалы.—

— Но въ ихъ созданіяхъ они
Какъ свѣточъ брезжущій въ тѣни,
Какъ въ чащѣ червячёкъ свѣтящій,
Какъ тундры огонёкъ бродящій,
Какъ отраженіе луны
На мутномъ отплескѣ волны...
И въ обществѣ, гдѣ свѣтъ небесной
Невѣжествомъ не погашёнъ,
Гдѣ геній и талантъ почтёнъ,
Гдѣ имъ отъ черствыхъ душъ не тѣсно,
Гдѣ цѣнятъ благородный трудъ,—
Святыней идеалы чтутъ...—
— И что́ жъ они, какъ не святыня?
Что́ міръ безъ нихъ, какъ не пустыня?...
Они зача́ты въ небесахъ,
А долу только воплотились,
Росли, взросли,—оземленились, —
Тамъ къ нимъ присталъ нечистый прахъ.
И въ прахѣ все они прекрасны,
Какъ порожденіе небесъ,
Все отблескъ Божіихъ чудесъ
Взоръ избранныхъ въ нихъ видитъ ясный;
Но что́ же эти чудеса

Въ источникѣ первоначальномъ ?
Нѣтъ, вамъ въ краю земли печальномъ
Не постижима ихъ краса. —

« Не то же ли и въ нашемъ мірѣ ?
Не слышится ли Божій гласъ
И тамъ въ лѣсахъ, въ водахъ, въ эѳирѣ, —
Во всемъ, что окружаетъ насъ ?...
Не слышался ль, по крайней мѣрѣ,
Въ давно минувшіе вѣка ? »

— Онъ слышался и тамъ, пока
Въ незараженной атмосферѣ
Вашъ міръ невинностію дышалъ,
Пока, несчастный, онъ не палъ. —
—Вашъ міръ—міръ дѣйствій, міръ явленій;
А міръ духовный—міръ причинъ :
Здѣсь жизнь, тамъ жизни видъ одинъ ;
Здѣсь чистый свѣтъ, а тамъ лишь тѣни.
Но сердцу чистому и въ нихъ
Просвѣчиваетъ свѣтъ небесный,
Сердцамъ нечистымъ неизвѣстный
При темныхъ помыслахъ земныхъ. —

— Любви и мудрости символы —
Для насъ понятные глаголы—
Понятны были и землѣ,
Провидѣвшей въ ней смыслъ духовной ;
Но съ той минуты, какъ въ грѣховной
Несчастная погрязла мглѣ,
Безумно покорясь гордынѣ,
Для ней глаголы Божества —
Иноязычныя слова,—
Кто на землѣ пойметъ ихъ нынѣ ?
Всѣ, даже ваши мудрецы,—
Всѣ—отъ рожденія слѣпцы ;
Подъ тяготой грѣховной ига,
Съ повязкой грубой на очахъ,
Они челомъ поникли въ прахъ.
Предъ ними разогнута книга,
И эта книга такъ четка,—
Ее премудрости рука
Непостижимой начертала.
Все въ этой книгѣ отъ начала,—
Отъ первой буквы до конца,—
Все проповѣдуетъ Творца.

— Да, другъ мой, зримая природа
Подъ свѣтлой оболочкой свода
И на землѣ, какъ въ небесахъ,—
Во всемъ объемѣ и частяхъ, —
Есть книга Мудрости предвѣчной;
Но человѣчество безпечно,
Безмысленно въ нее глядитъ,
Имѣетъ очи и не видитъ...
И скоро ль свой измѣнитъ видъ,!
Изъ мрака заблужденій выдетъ?
Несчастное, оземленясь,
Расторгло съ небесами связь.—

— Есть книга для людей другая
И на землѣ и въ небесахъ;
Та книга дивная, святая
Вся въ яркихъ мудрости лучахъ
И вся до іоты—Божье Слово;
Въ той книгѣ древне все и ново.
Она изъ глубины небесъ
Сошла на землю, какъ свѣтило,
Глашатой Божіихъ чудесъ.
Но міръ вашъ—этотъ старецъ хилой,

Покрытый язвами грѣховъ
И загноившій ими кровь,
Погрязшій, какъ въ зловонномъ блатѣ,
Въ своекорыстьи и развратѣ,
Святую книгу не взлюбилъ,
Презрѣлъ, отвергъ, возненавидѣлъ
И на изгнанье осудилъ,—
Онъ въ ней себѣ укоры видѣлъ. —

— Въ той книгѣ все—и жизнь и свѣтъ,
И дастъ на все она отвѣтъ
Тому, кто съ вѣрою живою
И съ дѣтской въ сердцѣ простотою,
А не съ пытливостью земной
Ее о мудрости вопроситъ.
Та книга умъ горѣ возноситъ—
Къ престолу Мудрости Самой.—

4.

«Еще одно недоумѣнье,
Путеводитель, разрѣши
И въ глубь тоскующей души
Пролей святое утѣшенье.
Скажи мнѣ, долго ль міру ждать,
Пока ученіе Христово—
Его Божественное Слово—
Какъ росу, сѣя благодать,
Торжественно въ немъ воцарится?»
— Вамъ долго этихъ ждать временъ;
Дотолѣ много перемѣнъ
Въ печальномъ мірѣ совершится.
Оно разсѣетъ ада тьму;
Но сколько предстоитъ ему
Препонъ при этомъ переломѣ,
При этой брани съ свѣтомъ тьмы!

Придутъ въ движеніе умы,
Возникнутъ свары въ каждомъ домѣ,
И сынъ возстанетъ на отца,
И дочь на мать, и братъ на брата;
И міръ на гноищѣ разврата
Безпечно будетъ ждать конца.—

— Такъ древле онъ, не вѣря Ною,
Смотрѣлъ съ усмѣшкой на ковчегъ,
Уже возникшій надъ водою,
И беззаботно нѣжилъ грѣхъ.—

— Растлѣннаго не стало міра,
Спасенъ одинъ съ семействомъ Ной,
И Богъ запечатлѣлъ съ землёй
Союзъ свой радугою мира;
И Слово Божье спасено
Въ семействѣ Ноя, какъ зерно
Въ браздѣ спасается зимою
Подъ омертвѣвшею землёю,
И принялося и взошло,
И развилось и плодъ дало —

— И въ новомъ мірѣ тоже будетъ,

По прежнему не дремлетъ адъ
И—грѣхъ, едва вздремавшій, будитъ.
Наступятъ дни, когда развратъ
На землю какъ потокъ нахлынетъ
И все святое опрокинетъ.—

— Пройдутъ и эти времена;
Затоптанныя сѣмена
Ученья чистаго, святаго
Изъ нѣдра выглянутъ земнаго
И, благодатною росой
Кропимыя, взойдутъ высо́ко
И разростутся надъ землёй
Благословенною широ́ко.—

— Тогда пусть неба врагъ не спитъ
И плевелы на нивѣ сѣетъ,—
Все нива Божія созрѣетъ
И сѣмя жизни расплодитъ.—

— Настанетъ золотое время,
Когда оно, святое сѣмя,—
По міру изъ конца въ конецъ,

Какъ дождь весенній, разольется,
И рай возникнетъ, разростется
У смертныхъ въ глубинѣ сердецъ.
Вѣдь былъ же на землѣ когда-то
Вѣкъ золотой и—будетъ вновь;
И будетъ все, какъ въ небѣ, свято,
И сблизитъ братская любовь
Другъ съ другомъ племена земныя;
Онѣ всѣ будутъ какъ родныя,
Какъ дѣти одного отца;
И чистыя людей сердца
Благоговѣйнымъ будутъ храмомъ,
И воскурятся ѳиміамомъ,
Какъ жертвой Господу святой, —
И землю осѣнитъ покой.
Тогда науки и искусства
Всѣ будутъ выраженьемъ чувства
Души признательной къ Творцу;
Всѣ къ одному онѣ концу
Направятся—къ Господней славѣ;
И будутъ съ каждымъ днемъ онѣ
Пышнѣй, роскошнѣй, величавѣй,
Цвѣсти въ подсолнечной странѣ. —

— Но часъ для насъ насталъ разлуки
Я слышу звонкой арфы звуки—
На славословіе призывъ.—

И, руки на груди скрестивъ,
Въ глубь сердца Ангелъ погрузился,
Замолкъ и незамѣтно скрылся.

III.

Арета, утѣшенный чудеснымъ видѣніемъ, съ твердой надеждою на Бога продолжаетъ путь. Радушно принятый въ одномъ изъ оазисовъ поселянами, онъ занимается воспитаніемъ юношества въ духѣ христіанства. Проходитъ слухъ о гоненіи на христіанъ, и Арета оставляетъ оазисъ. Новое искушеніе; онъ вдругъ теряетъ обоихъ дѣтей. Отыскивая жену и дѣтей, онъ проходитъ города, селы и пустыни, и случайно приближается къ Помпееву памятнику.

1.

Отраденъ былъ Ареты сонъ;
Онъ видѣлъ райскія селенья...
Но минулъ сонъ, и снова онъ
Въ странѣ земнаго заточенья.
Предъ нимъ пустынные пески
Лежатъ, раскинувшись широко,
И путь безмолвный, одинокой;
Съ нимъ дѣти, нывшіе съ тоски
По матери своей любимой.

Давно ли поцѣлуй родимой
Ихъ усыплялъ и пробуждалъ,
И на ланитахъ ихъ прелестныхъ
Улыбку Ангеловъ небесныхъ,
Какъ радость рая, разцвѣчалъ?
И вотъ они осиротѣли!
Отецъ остался, но отецъ
Не все еще для ихъ сердецъ.

Съ разсвѣтомъ съ жесткой вставъ постели,
Малютки простирали къ ней,
Забывшися, и взоръ и руки.
Отецъ, взглянувши на дѣтей,
Послышалъ въ сердцѣ голосъ муки,
Вздохнулъ и, взоры къ небесамъ
Возведши, волю далъ слезамъ:
И слезы, на очахъ блистая
Росою животворной рая,
Страдальцу облегчили грудь.
Окончивъ жаркую молитву,
И на спасительную битву
Готовый, онъ вступаетъ въ путь...
Ведомый тайною судьбою,

Онъ далѣе, онъ все впередъ
Неозираяся идетъ.

Пустыни Ливіи печальны, —
На нихъ, какъ саванъ погребальный,
Лежитъ безжизненный песокъ;
Нигдѣ движенья незамѣтно,
Все мертво, нѣмо, безотвѣтно,
И гдѣ-то, гдѣ-то ручеёкъ
Какъ бы украдкой прозмѣится
И жизнь заронитъ на брега;
Зазеленѣются луга,
И поле нивой заструится.

Бываетъ время—ручеёкъ,
Разширясь, взросши подъ дождями,
Преображается въ потокъ,
И не журчащими струями,
Клонившими къ дремотѣ лугъ,
Переливается въ вашъ слухъ,
Но ревомъ волнъ васъ оглашаетъ
И пѣшеходу заграждаетъ
Непроходимой глубиной
Свободный прежде путь степной.

*

Однажды,—это было лѣтомъ,—
Арета, въ путь вступивъ съ разсвѣтомъ,
Идетъ и—видитъ не вдали,
Въ рѣдѣвшемъ отъ лучей туманѣ,
Прелестный уголокъ земли,
Какъ островокъ на океанѣ.
То былъ оазисъ,—онъ туда
Нетерпѣливыми стопами;
За нимъ неровными шагами
Малютки. Вотъ уже стада
Виднѣются на луговинахъ,
И на разстлавшихся равнинахъ
Гдѣ домики, гдѣ шалаши.
Въ восторгѣ пламенномъ души
Благодаритъ онъ втайнѣ Бога...

« Окончена моя дорога!
Достигнута моя метá!
Благословенныя мѣста,
Примите странника привѣтно!...
Здѣсь, здѣсь я, думою завѣтной
Руководимый, водворюсь;
Съ сихъ поръ я съ жизнію мирюсь.

Въ тиши души моей покою
Никто, ничто не возмутитъ;
Здѣсь я судьбу дѣтей устрою, —
Здѣсь благодать насъ осѣнитъ.
Я долго, долго, какъ изгнанникъ,
Блуждалъ на жизненномъ пути;
Пора, пора прiютъ найти!»
Такъ говоритъ съ собою странникъ,
И входитъ въ мирное село,
Улыбкой разцвѣтивъ чело.

Село! село! о, какъ ты много
Душѣ тоскливой говоришь,
Душѣ, волнуемой тревогой!
О, какъ мила твоя мнѣ тишь!...
Я помню молодыя лѣта,
Когда душа была согрѣта
Благоволенiемъ святымъ,
Когда бывалъ я полонъ имъ...
Я помню золотые годы,
Когда въ объятiяхъ природы,
Свободный отъ мiрскихъ сует̀ъ,
Я издали смотрѣлъ на свѣтъ

И отвергалъ его зазывы.
Тогда поэзіи порывы
Тѣснилися въ душѣ моей;
Я весь былъ въ ней, я жилъ для ней...

Я помню золотые годы,
Когда съ безпечностью свободы,
Въ разливѣ полномъ бытія,
Мечтой переносился я
Въ края Италіи завѣтной,
И дни мелькали незамѣтно!
Тогда я счастьемъ былъ богатъ, —
Его Виргилій и Торкватъ
Мнѣ напѣвали, навѣвали...
Но эти годы миновали,
И что́ отъ нихъ осталось мнѣ?
Воспоминанія однѣ!
И вотъ теперь у нихъ на тризнѣ—
Ненужный гражданинъ отчизнѣ—
Съ охолодѣвшею мечтой
Сижу безроднымъ сиротой!...

Бывалъ внимаемъ я друзьями:
Ихъ нѣтъ,—остался лишь одинъ—

Поэзіи любимый сынъ,—
И тотъ за дальними горами,
И тотъ на родинѣ—въ тиши—
Порывы пламенной души—
Свои прелестныя созданья,—
Какъ сладкія воспоминанья,
Не для другихъ, а для себя,
Хранитъ и, можетъ быть, скорбя,
Какъ мумію, облаговонитъ
Украдкой ихъ и—похоронитъ...
Зачѣмъ ихъ свѣту знать въ нашъ вѣкъ
Разсчетливый, своекорыстной,
Когда сроднился человѣкъ
Съ стихіей ада ненавистной,
И пущено все въ ростъ и торгъ:
Высокіе порывы чувства,
Безмездный неба даръ—искусства,
И скорби сердца и восторгъ?...

Еще я сердцемъ чту Поэта,—
Любовь къ добру—отъ юныхъ лѣтъ —
Его обѣтъ предъ Свѣтомъ свѣта...
. . . .

Забуду ли тебя, Поэтъ
И жрецъ Фемиды неизмѣнный?
Высокое—твой перлъ безцѣнный;
Но въ сердцѣ, какъ на днѣ морей,
Его ты прячешь отъ людей...

И вы,—родныя и по крови
И по возвышенности чувствъ,
Не разлюбившія искусствъ
На перекоръ мірскихъ условій,
Но, какъ въ былыя времена,
Благоговѣйныя ихъ жрицы,—
И, вы уснули, и цѣвницы
Дремотой нѣжитъ тишина.
Какъ много думъ наводитъ грустныхъ
Сей сонъ поэтовъ гробовой!
Полу-забытые молвой,
Они живутъ въ преданьяхъ устныхъ
У современниковъ своихъ,
Охолодѣвшихъ къ пѣснямъ ихъ!

И вы, владѣющіе кистью
На обаяніе очей,

Вы, радость свѣтлая друзей,
Привязанныхъ къ вамъ не корыстью,
Но чистой страстью ко всему,
Что̀ благородно и высо́ко,
Что̀ сладко сердцу и уму
И что̀ уноситъ насъ далёко,
Далёко въ области идей,
Немногимъ вѣдомыя нынѣ,—
И вы живете, какъ въ святынѣ,
Въ сердечной памяти моей.

И ты, идиллія живая
Не идиллическаго края,
Любовью дышущій святой
Къ поэзіи,—и ты мнѣ свой.

2.

Арета, встрѣченный привѣтомъ,
Въ радушный кругъ селянъ вступилъ;
Расторгши узы съ шумнымъ свѣтомъ,
Онъ жребій свой благословилъ;
Въ тиши, подъ скромной сельской крышей,
Онъ сталъ душою какъ-то выше
И Бога лучше постигалъ;
Онъ изученію природы
Свои досуги посвящалъ.
Ему и плещущія воды
И своды синіе небесъ,
И долъ и холмъ и темный лѣсъ,
И купы розъ и миртъ и лилій
О царствѣ Божіемъ твердили.
Съ тѣхъ поръ какъ дивныя дѣла

Увидѣлъ онъ въ предѣлахъ рая,
Природа для него была
Не то́, что прежде,—онъ, вникая,
Въ ней видѣлъ длинный рядъ чудесъ,
Какъ въ чистомъ зеркалѣ небесъ.

Мы зиждемъ стройныя системы,
Перемѣняемъ ихъ сто разъ,
И зиждемъ вновь;—но все для насъ
Явленія природы нѣмы,
Иль изрѣдка на нашъ вопросъ
Даютъ отвѣтъ полу-понятной;
И наши знанья съ необъятной
Огромностью—одинъ хаосъ.
Къ чему природу мы пытаемъ
Анатомическимъ ножемъ?
Мы частности ея узна́емъ,
А общности все не поймемъ,
Не приподнимемъ съ ней покрова
И не сойдемъ въ ея тайникъ.

Арета, жить начавшій снова,
Въ святилище ея проникъ,

И—Божіихъ чудесъ зерцало —
Предъ нимъ все ясно отражало.
Онъ зналъ, что каждое звено
Въ цѣпи природы непрерывной
Другъ съ другомъ тѣсно скрѣплено
Рукой непостижимо-дивной,
Что порознь каждое изъ нихъ
Въ соотношеньи съ небесами.
Онъ тайну вѣчную постигъ,
Прозрѣлъ духовными очами.
Земля, вода, огонь, эѳиръ,—
Природы первыя начала,—
Представъ предъ нимъ безъ покрывала,
Ему открыли цѣлый міръ
Таинственныхъ соотношеній.

Но въ первообразѣ твореній —
Но въ человѣкѣ міръ другой —
Обширнѣйшій ему открылся ;
Въ немъ рядъ соотношеній длился,
И небеса скрѣплялъ съ землёй.
Онъ микрокозма смыслъ глубокой
Постигъ яснѣе мудрецовъ ;

Его очищенное око
Въ немъ видѣло связь всѣхъ міровъ.

Сей микрокозмъ есть повторенье
И въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ
Всего въ стихіяхъ міровыхъ, —
Въ немъ совмѣстилось все творенье:
Жилецъ земли и небожитель —
Онъ двумъ принадлежитъ мірамъ;
Онъ Божій жрецъ и Божій храмъ,
Творца и твари представитель.

Для человѣка человѣкъ —
Наука всѣхъ наукъ важнѣе;
Переходя изъ вѣка въ вѣкъ,
Она становится яснѣе, —
И придетъ время наконецъ,
Когда, всѣхъ вѣдѣній вѣнецъ,
Она, какъ солнце, просвѣтится, —
И микрокозмъ разоблачится.
Для избранныхъ всегда она
И будетъ и была ясна, —
Имъ съ неба свѣтятъ откровенья;
Имъ вѣдомы соотношенья

Межъ человѣкомъ и землёй,
Межъ всею цѣпью міровой,
Межъ цѣлымъ и ея частями,
Межъ нихъ и между небесами.

Въ соотношенья углублясь
И дивную открывъ ихъ связь,
Арета въ тайникѣ природы
Узналъ исходы всѣ и входы....
Дерзну ли, робкій, передать
Все тó безжизненной бумагѣ,
Чтò онъ пріялъ, какъ благодать,
У вѣчной Мудрости на прагѣ?
Но, можетъ быть, наступитъ день,
Когда съ души тоскливой тѣнь
Сбѣжитъ, и буду вновь я свѣтелъ;
Тогда на утренней зарѣ
Меня на пѣснь пробудитъ пѣтелъ, —
Я мысли вознесу горѣ,—
Онѣ во мнѣ взроятся роемъ;
Тамъ óбъ-руку съ моимъ героемъ,
Я откровенья соберу
И ввѣрю моему перу...

Въ убѣжищѣ уединенномъ,
Отъ шуму свѣта удаленномъ,
Арета жизнью не скучалъ;
Въ занятіяхъ онъ не видалъ,
Какъ дни за днями улетали.
Его малютки подростали,
И могъ уже онъ ихъ сердца̀,
Съ участьемъ нѣжнаго отца,
Съ безукоризненнымъ раченьемъ,
Небеснымъ напаять ученьемъ.
Онъ понималъ свой долгъ вполнѣ,
И въ безмятежной тишинѣ
Готовилъ Богу чадъ заранѣ.

Въ часы свободные отъ дѣлъ
Къ нему сбирались поселяне;
Онъ ихъ привлечь къ себѣ умѣлъ
Радушьемъ, ласкою, привѣтомъ.
Не разъ подъ скромнымъ онъ наметомъ
До неба мысль ихъ возвышалъ;
Не разъ бесѣдою святою,
Всегда понятною, простою,
Въ нихъ жажду знаній пробуждалъ.

Сыны безхитростной природы
Жалѣли, что ушли ихъ годы....
Онъ вѣрилъ старцамъ,—въ ихъ лѣта
Нововводимое ученье—
Недостижимая мета́;
Но молодое поколѣнье
Съ умомъ пріимчивымъ, живымъ,
Съ воображеньемъ огневымъ,
Съ душою чистой, непорочной
Могло его усвоить прочно.

Ареты нѣжная душа
Къ добру любовію дыша,
Рвалась на подвигъ благодатной.
Какъ было для него пріятно
Сердца́ невинныя дѣтей,
Еще свободныхъ отъ страстей,
Осѣменить святымъ ученьемъ
И пламень вѣры въ нихъ зажечь
И незнакомыхъ съ заблужденьемъ
Умы—для неба уберечь!
Одна лишь мысль его смущала:
Какъ передастъ онъ имъ начала

Высокой вѣры? ихъ отцы
Язычники,—они слѣпцы.
Въ тѣ дни, какъ мракъ почти всемѣстный
На человѣчествѣ лежалъ,
И грѣхъ въ цѣпяхъ его держалъ,
Для тусклыхъ взоровъ свѣтъ небесный
Вполнѣ доступнымъ быть не могъ;
Но дѣлатель Христовой нивы
На рало ревностно налёгъ,
И трудъ вѣнчалъ успѣхъ счастливый.

Дни шли обычною чредой,
И молодое поколѣнье
Росло и тѣломъ и душой;
И, прежде тёмное, ученье
Оно постигло наконецъ
И приняло во глубь сердецъ.
Дивилися отцы и дѣды,
Смотря на внуковъ и дѣтей,—
Надежду и красу семей,—
И любовались на побѣды
Надъ ихъ сердцами пришлеца;
И сами старцы полюбили

Его какъ друга, какъ отца;
Ему не стоило усилій
Всеобщую любовь снискать.

Казалося, съ его прихода
Щедрѣе стала къ нимъ природа,
И будто съ неба благодать
Сошла на мирное селенье ;
Сдавалося, что гость въ ихъ край
Принесъ съ собой благословенье :
При немъ онъ цвѣлъ, какъ Божій рай :
Сады ихъ красились плодами,
Луга—веселыми стадами ;
Волнуясь класы на поляхъ,
Къ землѣ отъ тучности склонялись
И золотомъ переливались ;
Роились пчелы въ пчельникахъ,
Какъ никогда въ былые годы;
Ни разу зной и непогоды
Не посѣтили ихъ долинъ.

Настало время,—всѣ узнали,
Что гость ихъ былъ христіанинъ
И набѣжала тѣнь печали

На свѣтлое дотоль село.
Но гостя кроткое чело,
Но сладкія его бесѣды,
Какъ вѣщій гласъ изъ горнихъ странъ,
Свели печали тѣнь съ селянъ;
И юныхъ чадъ отцы и дѣды,
Внявъ гласу мудрости святой,
Спокоились, и лишь порой
Межъ ними слышался то шопотъ,
То говоръ, то укоръ, то ропотъ.
Но скоро стихло все; опять
Стекались юноши внимать
Урокамъ мудрости небесной.
Не разъ и старцы въ кругъ ихъ тѣсной
Входили слушать пришлеца;
И сладко бились ихъ сердца,
Когда, бывало, вдохновенный,
Глаголы неба онъ вѣщалъ
И смыслъ писанья сокровенный
Въ разсказѣ имъ передавалъ.
Онъ умолкалъ ужь, а собранье,
Сосредоточивши вниманье,
Еще переливало въ слухъ

Разсказъ его благоговѣйный,
На небо возносившій духъ;
Казалось, Ангелъ тиховѣйный
Внимавшихъ осѣнялъ крыломъ, —
Такъ было тихо все кругомъ!
Сердца святымъ восторгомъ бились,
И благодатныхъ слезъ струи
У многихъ по лицу катились.
Арета, чувства скрывъ свои,
Въ уединенье уклонялся
И самъ слезами заливался.

На нивѣ Божіей трудясь,
Онъ счастливъ былъ, но все порою,
Въ минувшее переносясь,
Страдалъ, снѣдаемый тоскою
По милой Лидіи своей.
Онъ покорился волѣ Бога;
Но все въ душѣ его тревога
Еще гнѣздилась, все объ ней
Порою плакивалъ украдкой
И, только лишь надеждой сладкой
Питаясь, слезы осушалъ.

Крѣпяся, онъ минуты ждалъ,
Когда, какъ золото въ горнилѣ
Очищенный, уснувъ въ могилѣ,
Проснется въ небесахъ—и съ ней—
Красой его минувшихъ дней,—
Какъ онъ, живущею о Богѣ,
Сойдется въ райской сторонѣ.
Ему не снилось и во снѣ,
Что онъ на жизненной дорогѣ
Съ ней встрѣтится еще хоть разъ.
Но сны другіе посѣщали
Его въ передразсвѣтный часъ,
И тѣ не радость предвѣщали.

3

Однажды онъ увидѣлъ сонъ,
Встревожившій воображенье:
Онъ шелъ съ дѣтьми, вдали селенье
Виднѣлось; съ двухъ его сторонъ
Стоялъ, нахмурясь, лѣсъ дремучій.
Все тихо, не шелохнетъ листъ;
Спокойно небо, воздухъ чистъ...
Вдругъ съ юга набѣжали тучи
И—разразилася гроза;
Отъ молній небо все пылало.
Въ испугѣ онъ закрылъ глаза;
Открылъ,—и мрака покрывало,
Чернѣй чѣмъ во́рона крыло,
Мгновенно землю облекло.
Онъ къ дѣтямъ простираетъ руки, —
Ихъ нѣтъ;—зоветъ,—отвѣта нѣтъ...

Мракъ минулъ ; свѣтитъ съ неба свѣтъ,
А ихъ—все нѣтъ..... Ужаснѣй муки
Представить онъ себѣ не могъ.
Лишенному супруги нѣжной,
Ему средь жизненныхъ тревогъ,
Въ юдоли горестей мятежной,
При склонѣ безотрадныхъ дней
Все были дѣти,—и дѣтей
Мгновенно у него не стало.

Съ востока солнце засіяло
И радость принесло землѣ,
Но не Аретѣ;—онъ былъ мраченъ.
Какой удѣлъ ему назначенъ?
Проснувшись, долго на челѣ
Носилъ печать онъ скорби тайной;
И долго сонъ необычайной, —
Зловѣщій сонъ, — его смущалъ;
Онъ искушеній новыхъ ждалъ.

Земля—несчастія обитель,
И человѣкъ, ея властитель,
На скорби обреченъ,—онѣ
И на яву и въ самомъ снѣ

Стоятъ, приникнувъ къ изголовью;
А мы, безумцы, мы любовью,
Мы страстью къ ней распалены.
Ея рабы,—а не сыны,—
Всю жизнь ея мы цѣпи носимъ
И, пресмыкаяся, у ней
До самаго заката дней,
Какъ милостыни, счастья просимъ,
И счастья намъ не дастъ она...
Земля не благъ, а золъ полна.

Но были дни, когда печали
Счастливая была чужда;
Тогда цвѣлъ рай на ней, тогда
Къ ней Ангелы съ небесъ слетали;
Тогда и въ снахъ, какъ на яву,
Вилась надъ человѣкомъ радость,
Слетала на его главу.
Но миновала міра младость,
И радость унеслася въ рай,
Скорбямъ оставивъ дольній край.
Ищите тамъ ея, страдальцы—
Земли безрадостной скитальцы!

Туда Арета перенесъ
Свои мечты, свои надежды ;
Для благъ земныхъ сомкнувши вѣжды,
Отрады онъ въ юдоли слезъ
Не ждалъ и, воружась терпѣньемъ,
Склонился выей подъ крестомъ,
И крестъ отяготѣлъ на нёмъ.
Покой его смущенъ гоненьемъ,
Воздвигну́тымъ на христіанъ ;
И, ревностный поборникъ вѣры,
Исторгнутый изъ мирной сферы,
Вздохнувъ, покинулъ онъ селянъ.
Язычество, раскинувъ сѣти,
Ловило чтителей Христа.
И онъ и юные съ нимъ дѣти
Идутъ въ безлюдныя мѣста.
Ихъ путь далекъ ; и пламень жажды
И голодъ ихъ порой томитъ;
Вездѣ пустыни мертвой видъ.
Они впередъ, и вотъ однажды
Предъ ними вскрылась зыбь рѣки,
За ней виднѣются жилища.
Тамъ ждетъ пріютъ, тамъ ждетъ ихъ пища.

Вотъ и прибрежные пески.
Они разливъ рѣки глазами
Измѣрили, и—сжалась грудь ;
Разширясь въ осень подъ дождями,
Она имъ преграждала путь.
Отецъ задумался глубоко.
Былъ мостъ на ней, но онъ снесёнъ,
А броду нѣтъ; въ обходъ далёко....
И вспомнилъ онъ зловѣщій сонъ.
Но, ввѣривши свой жребій Богу,
И съ дѣтской въ сердцѣ простотой
На Промыслъ положась святой,
Онъ усмирилъ души тревогу.

Нѣтъ! не вотще Апостолъ Петръ,
Внявъ Господу, ступилъ на воды,
И воды, отвердѣвъ какъ своды,
Его сдержали ; тщетно вѣтръ
Взрывалъ порывомъ бурнымъ море;
Господь съ спокойствіемъ во взорѣ
Простеръ къ робѣющему длань,—
И стихла бури съ моремъ брань;
И Петръ, опомнясь, вѣры полный,

Мгновенно просвѣтлѣлъ душой
И на улегшіяся волны
Ступилъ безтрепетной стопой.

О вѣра, вѣра! какъ ты много
Приносишь утѣшенья намъ!
Не всѣ ль мы ходимъ по волнамъ?
Не всѣ ли, жизненной дорогой
Идущіе, тамъ видятъ страхъ,
Гдѣ страха нѣтъ?... На небесахъ
Путеводитель нашъ не дремлетъ,
На всѣхъ путяхъ насъ сторожа;
Онъ зову вѣрующихъ внемлетъ,
Спасаетъ ихъ изъ-подъ ножа......
И чтожъ? у насъ такъ мало вѣры!
И мы въ бѣдахъ, какъ лицемѣры,
Его зовемъ; онѣ прошли,—
И мы опять рабы земли,
Опять въ насъ вѣра охладѣла......
Себя, однихъ себя любя,
Мы вѣруемъ въ самихъ себя.
А Богъ? До Бога нѣтъ намъ дѣла;
Пока лелѣетъ счастье насъ

И не насталъ невзгоды часъ,—
Мы Богу молимся безъ вѣры,
Какъ Фарисеи лицемѣры.

Арета въ Промыслѣ святомъ
Давно уже не сомнѣвался;
Съ нимъ о́бъ руку въ пути земномъ
Опасностей онъ не боялся.
Въ походахъ съ юношескихъ дней
Окрѣпнувшій, въ плечахъ широкой,
Онъ, одного изъ сыновей
Оставивъ у рѣки глубокой,
Другаго на́ руки берётъ
И смѣло входитъ въ лоно водъ.
Рѣка шумитъ, вздымаетъ волны,
А онъ впередъ, надежды полный,
И—очутился за рѣкой
И, ношу на песокъ зыбучій
Сложивъ, пустился за другой,—
Межъ тѣмъ надъ нимъ сбирались тучи.

Какъ часто измѣняютъ намъ
Надеждъ лукавыхъ обѣщанья!
Мы имъ, какъ искреннимъ друзьямъ,

Ввѣряемъ лучшія желанья
И ждемъ—вотъ сбудутся онѣ
И успокоютъ насъ вполнѣ.
Уходятъ дни, уходятъ годы;
А исполненья нѣтъ какъ нѣтъ.
Такъ гибнетъ запоздалый цвѣтъ
Отъ холода и непогоды,
Безплодно выглянувъ на свѣтъ.

Арета, не предвидя бѣдъ,
Все далѣ ; пройдена стремнина....
Вдругъ позади и крикъ и стонъ ;
И, вздрогнувъ, оглянулся онъ,
И видитъ,—левъ, схвативши сына,
Стрѣлою мчится въ ближній лѣсъ ;
И свѣтъ въ очахъ отца исчезъ.
Отчаяньемъ полуубитой,
Онъ къ сыну бросился съ защитой,
Оставивъ рѣку за собой;
Онъ въ лѣсъ горячею стопой
Полуживой и полумертвой;
Онъ сына милаго зоветъ....
И сынъ отвѣта не даетъ,

И левъ исчезъ съ своею жертвой.
Арета кличетъ: «Полидоръ!»
И эхо вторитъ: «Полидоръ!»

И долго, долго Полидора
Искалъ онъ въ темной чащѣ бора;
Все тщетно!.... Вспомнивъ наконецъ
О старшемъ сынѣ Каллимахѣ,
Онъ задрожалъ, онъ въ новомъ страхѣ.
Обоимъ нѣжный онъ отецъ;
Одинъ погибъ,—не стань другаго,
О, что̀ съ нимъ станется тогда!

Но кто уйдетъ отъ рока злаго?
Одна постигнетъ насъ бѣда,
Нагрянетъ вслѣдъ за ней другая,
И горесть горесть обгоняя,
Какъ за волной волна идётъ,
И разомъ ихъ сойдется много....
И гдѣ для насъ отъ нихъ оплотъ?....

Арета съ тайною тревогой
Идетъ, спѣшитъ, бѣжитъ назадъ;
Онъ весь не свой; стопы дрожатъ, —
И думаетъ съ собой: найду ли

Я Каллимаха у рѣки?
Пришелъ; предчувствія тоски
Несчастнаго не обманули, —
Онъ не нашелъ, кого искалъ...
Онъ весь—отчаянье живое.....
Напрасно милаго онъ звалъ;
Лишь эхо вторило глухое
Въ отвѣтъ уныло: «Каллимахъ!..»

И вновь его искалъ въ степяхъ,
Въ лѣсахъ, въ горахъ,—и все напрасно....
Нѣтъ милаго! Всему конецъ!...
Двухъ, равно милыхъ, нѣтъ! ужасно!...
Отецъ... нѣтъ! болѣ не отецъ...
Въ день, въ часъ одинъ онъ обезчадѣнъ!...
И міръ несчастному постылъ,—
Онъ имъ какъ татемъ обокраденъ...
Онъ за́живо похоронилъ
Жену, дѣтей,—все, все что́ было
Ему въ земной юдоли мило!

Одинъ, безродный сирота,
Какъ ржой, снѣдаемый тоскою,
Покинувъ грустныя мѣста,

Онъ шелъ съ поникшею главою
Въ какомъ-то странномъ забытьи...
Онъ мысли собиралъ свои
И—не собралъ...
Когда насъ точитъ,
Какъ червь, сердечная тоска,
Когда намъ жизнь, какъ желчь, горька,
Когда ничто намъ не пророчитъ
Въ грядущемъ радостей,—нашъ умъ
Тупѣетъ... Гдѣ былая живость?
Гдѣ воображенія игривость?
Гдѣ быстрота высокихъ думъ?
Во дни тяжелыхъ искушеній
Безкрылѣетъ и самый геній...

Забуду ли тебя, Торкватъ,
Достойный царской діадимы?
Судьбою и людьми гонимый,
Изъ раззолоченныхъ палатъ,—
Гдѣ идолъ твой—Элеонора—
Съ огнемъ восторженнаго взора
Тебѣ внимала, чуть дыша,
И гдѣ высокая душа

Съ другой—съ твоей душой высокой—
Переселяясь въ край далёкой,
Сливалась въ благодатный часъ,
Когда божественный твой гласъ,
Какъ гласъ волшебный Демодока,
Звуча подъ сводами дворца,
Плѣнялъ и увлекалъ сердца
На брегъ Кедронова потока,—
Изъ раззолоченныхъ палатъ
Владыки гордаго Феррары
Ты, жертва зависти и кары,
Въ темницу, какъ изъ рая въ адъ,
Вступилъ, и—прежнихъ нѣтъ видѣній;
Остылъ, охолодѣлъ твой жаръ,
И, прежде свѣтозарный, геній,—
Святой, завѣтный неба даръ,—
Угасъ, какъ гаснетъ свѣтъ лампады;
И запоздалыя награды
Не воскресили ужь тебя.
Ты въ раннiй гробъ сошелъ, скорбя
О двухъ загаданныхъ твореньяхъ,
Зацвѣтшихъ, какъ эдемскій край,
Въ твоихъ восторженныхъ видѣньяхъ;

Ты ихъ унесъ съ собою въ рай, —
Знать дольній міръ ихъ не достоинъ.

Забыть ли Камоэнса мнѣ?
Злосчастный и поэтъ и воинъ,
Принесшій честь родной странѣ,
Родной страною позабытый,
Погибъ онъ, нищетой убитый.
Живой несчастія урокъ,
Отъ дѣтства съ горемъ онъ сроднился;
Противъ Поэта вооружился
И злобный свѣтъ и злобный рокъ.

Заброшенный, презрѣнный, нищій,
Въ лохмотьяхъ рубища, безъ пищи,
Онъ не сходилъ уже съ одра;
И скорбь на сердцѣ, какъ гора,
У безпріютнаго лежала;
И по лицу слеза бѣжала;
Воспоминаньемъ оживлялъ
Онъ прошлое и—зарыдалъ:
Онъ видѣлъ въ немъ одни лишь терны;
Дожившій рано до сѣдинъ,
Онъ въ цѣломъ свѣтѣ былъ одинъ...

Одинъ!... нѣтъ! не одинъ, съ нимъ вѣрный
Невольникъ неразлученъ былъ.
Высокій духомъ, благородной,
Какъ сынъ, Поэта онъ любилъ;
Не разъ отъ смерти онъ голодной
Его спасалъ; не разъ, бывало,
Лишь ночь набросить покрывало
На Лиссабонъ, забывъ про сонъ,
У подоконьевъ бродитъ онъ
И скудной милостыни проситъ;
И кто-то, кто-то, сжалясь, броситъ
Поросшій плѣснію кусокъ,
Иль много, много-два-три пенса;
И то́ несетъ онъ въ уголокъ
Для пропитанья Камоэнса!

Нѣтъ, Португалія, не плачь,
Не жалуйся на рокъ жестокій!
Забывъ, презрѣвъ талантъ высокій,
Ты, какъ безжалостный палачъ,
Творца безсмертной Лузіады
Убила, и не жди пощады!...

И долго, долго въ забытьи

Арета былъ... Вотъ слезъ струи
Ему ланиты оросили,
И грудь, стѣсненную тоской
Невыносимой, облегчили.
Опомнясь, къ Господу съ мольбой
Горячею онъ обратился
И сердцемъ весь предъ Нимъ излился;
И свѣтъ въ душѣ его блеснулъ;
Онъ отъ страданій отдохнулъ;
Къ нему сошла отрада свыше;
Тоска часъ отъ часу все тише,
Все менѣе давила грудь.

Земная жизнь — съ скорбями битва;
Въ сей битвѣ намъ одна молитва
Къ побѣдѣ пролагаетъ путь.
Ее не тщетно заповѣдалъ
Господь Апостоламъ своимъ:
«Молитесь!» говорилъ Онъ имъ.
Святѣй завѣта не передалъ
Онъ сирымъ въ странствіи земномъ:
Для нихъ вмѣщалось небо въ нёмъ.
Въ часы послѣднихъ искушеній

Онъ Самъ, склонивъ къ землѣ колѣни,
Молитвой жаркою Отцу
И продолжительной молился,
И потъ кровавый по лицу
Изнеможенному катился.

Въ скорбяхъ молитва все для насъ:
Когда придётъ невзгоды часъ, —
Небесъ посланница святая,
Она, слетая къ намъ изъ рая,
Приноситъ радости елей
Для утоленія скорбей.

4.

Луна, какъ чистый перлъ, сіяла
На бирюзовыхъ небесахъ
И мягкимъ свѣтомъ осыпала
Поля, тонувшія въ росахъ.
Все смолкло, только тиховѣйный,
Вспорхнувши, вѣтерокъ порой
Шептался съ пальмой молодой.
Все спитъ, одинъ благоговѣйный
Арета бодрствуетъ въ ночи.
Луны безоблачной лучи
На небо взоръ его манили;
Они на память приводили
Ему тотъ чудодѣйный сонъ,
Когда онъ былъ перенесёнъ
Въ духовные предѣлы рая.

Въ умѣ былое повторяя,
Какъ будто бремя онъ съ себя
Сложилъ и, менѣе скорбя,
Живой мечтой переносился
Въ безгорестныя небеса;
И миръ душевный, какъ роса,
Сошелъ къ нему. Онъ ободрился
И позабылъ земной недугъ
И преходящій міръ; въ немъ духъ
Надъ плотью одержалъ побѣду.
Онъ вспомнилъ сладкую бесѣду
Съ путеводителемъ святымъ,
И къ благамъ охладѣлъ земнымъ.

«Что́ мнѣ онѣ—всѣ блага эти?
Онѣ грѣховныя намъ сѣти.
И что́ надежнаго въ нихъ есть?
Богатство, роскошь, міра лесть,
Отличія, земная слава,—
Не болѣ какъ души отрава....
Мы жаждемъ, ищемъ благъ земныхъ
И душу продаемъ за нихъ,
А на́долго ль? Не два намъ вѣка

Здѣсь жить.... Но есть у человѣка
Привязанности подъ луной
Другія, чистыя, святыя:
Какъ сладко жить съ дѣтьми, съ женой!
Ихъ небеса даютъ благія
Какъ даръ завѣтный, какъ залогъ....
Но если ихъ отыметъ Богъ?...
Отдать, скрѣпясь.... Страдалецъ Іовъ,
Вдругъ обезчадѣвъ, все сносилъ
Безъ слезъ, безъ ропотныхъ отзывовъ
И Господа благословилъ.»

Такъ размышляя самъ съ собою,
Арета утѣшалъ себя
И, съ вѣрой въ Промыслъ, не скорбя,
Уснулъ предъ утренней зарёю.

Онъ спитъ въ печальной сторонѣ,
А между тѣмъ надъ нимъ во снѣ
Видѣнія роятся роемъ
Однѣ отраднѣе другихъ,
И живо онъ запомнилъ ихъ:
Онъ вихремъ носится предъ строемъ
И быстрымъ маніемъ руки

Вливаетъ жизнь въ свои полки;
Какъ въ дни былые, движетъ рати, —
И все въ волненьи, все кипитъ:
И пораженный врагъ бѣжитъ,—
И воиновъ своихъ, какъ братій,
Онъ обнимаетъ,—онъ блаженъ....
И вотъ съ побѣдными полками
Стоитъ уже у римскихъ стѣнъ,
И гра́ждане къ нему толпами
Бѣгутъ, торопятся, спѣшатъ.
Самъ Императоръ изъ палатъ
Къ нему идетъ со всѣмъ Сенатомъ...
И вотъ онъ на пиру богатомъ,
И рядомъ съ нимъ его жена
И дѣти въ юношескихъ тогахъ;
Столица вся освящена;
Все дышетъ радостью въ чертогахъ.

Но солнце ужь давно взошло;
Былъ день; Арета пробудился,
И сердце будто разцвѣло.
Онъ сновидѣнію дивился
И въ памяти его берёгъ,

Какъ Богомъ ввѣренный залогъ
Чего-то лучшаго въ грядущемъ,
Надеждой свѣтлою цвѣтущемъ.
«Господь,—онъ думалъ,—выше силъ
Не посылаетъ искушеній:
Я свой фіалъ до дна испилъ,
Какихъ еще мнѣ ждать лишеній?
Я все имѣлъ,—все потерялъ.
Я счастливъ былъ дѣтьми, женою,—
И вотъ брожу я сиротою!
Господь ихъ далъ,—Господь ихъ взялъ;
Но, благости Его созданье,
Дерзну ли на Него роптать?
О, нѣтъ! утѣшнѣй ожидать
Отрады свыше за страданье.
Какъ знать, не небомъ ли внушёнъ
Мнѣ чудный предъ зарёю сонъ?
Быть можетъ, я съ своей семьёю
Сойдусь на жизненномъ пути,
И не безроднымъ сиротою
Мнѣ суждено во гробъ сойти....
Въ путь, въ путь съ надеждою на Бога!
Въ жильяхъ у каждаго порога

Допрашиваться стану ихъ
И, можетъ быть, найду въ живыхъ
Жену, дѣтей... тогда, о радость!
Остатокъ дней мнѣ будетъ въ сладость.
Въ путь, въ путь горячею стопой!»

Такъ размышляя самъ съ собой,
Арета снова въ путь далёкой
Съ покорностью къ Творцу глубокой.

И долго, долго онъ блуждалъ
По горнымъ высотамъ и доламъ,
По кущамъ, городамъ и сёламъ;
Но милыхъ сердцу не сыскалъ,—
Нигдѣ объ нихъ ни даже тёмной
Услышать вѣсти онъ не могъ,—
Погибшихъ въ мірѣ слѣдъ залёгъ.
Скиталецъ на землѣ бездомной —
Однажды степью онъ пустой
Идетъ усталою стопой.
Былъ вечеръ; солнце догорая,
Спускалось въ море съ небокрая;
Кругомъ дремала тишина;
Все пусто, лишь одна могила

Вдали виднѣлася, — она,
Казалось, степи сторожила.
Надъ нею столпъ, — онъ сиротой
Стоялъ межъ терній и полынью.
Приблизившись къ нему съ душой,
Настроенной уже къ унынью,
Арета съ трепетомъ очей
Прочелъ:
« *Достойный алтарей*
Едва нашелъ себѣ могилу »....

Такъ вотъ гдѣ, утомивъ молву,
Великій, ты сложилъ главу!
Ты жилъ, и цѣлый міръ насилу
Вмѣщалъ тебя; ты палъ и — прахъ —
Вмѣстился въ двухъ земли шагахъ
Съ своею славою огромной!...
И въ цѣломъ мірѣ только два
Сыскалось добрыхъ существа,
Костеръ тебѣ сложившихъ скромной
Изъ развалившихся ладей
Среди безжизненныхъ степей.
Тамъ надъ могилою два вѣка

Носилася забвенья мгла;
Тамъ тѣнь почившаго ждала́
И—дождала́ся человѣка,
И памятникъ у скалъ сѣдыхъ
Увидѣлъ берегъ полудикій,—
Его великому великій,—
Помпею—Адріанъ воздвигъ;
Предъ доблестьми благоговѣя,
Онъ мавзолеемъ и слезой
Почтилъ высокаго душой.

IV.

Арета, погруженный въ мрачныя думы, слышитъ шорохъ, озирается и видитъ двухъ путниковъ; это были христіане — Теонъ и сынъ его Элеодоръ; они шли въ Александрію, гдѣ Элеодора ожидало рабство. Арета своей личностію искупаетъ Элеодора изъ неволи и обращаетъ въ христіанство Лелія и Делію, у которыхъ, въ качествѣ невольника, занимался садоводствомъ. Возстаетъ гоненіе на христіанъ, и Арета удаляется на Саидскія горы.

I.

Аретѣ памятникъ Помпея
Навелъ глубокую печаль:
Онъ мыслью уносился въ даль
И, въ памяти перебирая
Событія роднаго края
И славу громкую вождей,
Воспитанныхъ среди мечей,
Превратности судьбы дивился,
Задумался и прослезился:
Пришли на память Кассій, Брутъ

И Цезарева діадима,
Октавій, усмиритель смутъ,
И падшее величье Рима.

Ужь поздно; всюду тишина,
Все спитъ глубокимъ сномъ въ пустынѣ;
По тверди неба темно-синей
Плыветъ задумчиво луна.
Объятый грустію глубокой,
Арета все еще стоялъ,
Облокотясь на пьедесталъ.

Послышавъ шорохъ недалёко,
Онъ озирается кругомъ
И видитъ въ сумракѣ ночномъ
Двѣ длинныхъ тѣни предъ собою—
Двухъ пѣшеходовъ, двухъ гостей,
Нежданныхъ имъ среди степей
Ночною позднею порою.

Онъ имъ, они ему привѣтъ,—
И откровенно съ первой встрѣчи
Межъ ними полилися рѣчи.
И теплота души и свѣтъ—

Все было въ ихъ бесѣдѣ сладкой,—
И весь знакомцевъ новыхъ бытъ
Передъ Аретою развитъ,—
И вотъ ихъ жизни очеркъ краткой:

Одинъ изъ нихъ стоялъ уже
На крайнемъ жизни рубежѣ,
Другой былъ въ полномъ цвѣтѣ жизни.
Покинувъ родины края,
Гдѣ оставалась ихъ семья,
И степью путь избравши ближній,
Усталые, въ поту, въ пыли,
Они въ Александрію шли,
Гдѣ юношу ждала неволя.

Владѣлецъ небольшаго поля—
Отецъ его— въ кругу семьи
Провелъ счастливо дни свои
До самой старости глубокой.

Но что̀ надежно подъ луной?
Кого, высокаго душой,
Не постигалъ ударъ жестокой?
Земля—горнило для людей;

Кто не страдая жилъ на ней,
Неискушаемый, какъ злато;
Тотъ чистымъ въ небо не войдетъ,
Гдѣ потеряетъ все богатой,
А нищій Лазарь все найдетъ.

Теонъ язычникомъ родился,
Но при закатѣ дней своихъ
Лжевѣріе отцевъ постигъ.
Онъ горнимъ свѣтомъ озарился;
Но въ дольнемъ мірѣ съ этихъ поръ
Все шло ему на перекоръ;
Земныя блага измѣняли:
Неурожайныя года
И моръ, постигнувшій стада,
Его терпѣнье искушали, —
Стояла бѣдность у дверей.
И вотъ съ однимъ изъ сыновей
Въ Александрію онъ влечется;
Ему, чтобъ свой удѣлъ спасти,
Одно лишь средство остается, —
Въ неволю сына отвести;
И сынъ съ возвышенной душою —

И молодой Элеодоръ, —
Готовъ былъ жертвовать собою.
Закрывъ на будущее взоръ,
Безъ ропота на Провидѣнье,
На горькое уничиженье—
На рабство онъ себя обрёкъ.
Кто сердцемъ чистъ, душой высокъ,
Въ поступкахъ честенъ, благороденъ,
Не оскорбляетъ чуждыхъ правъ;
Тотъ, и свободу потерявъ,
Все независимъ, все свободенъ.

Арета, тронутый судьбой
Собрата своего по вѣрѣ,
Всю ночь провелъ въ борьбѣ съ собой,
Всю ночь онъ размышлялъ о мѣрѣ—
Отъ рабства юношу спасти
И снова въ отчій домъ ввести.

«По званію христіанина
Утѣшу мать, сестеръ и сына
И бѣднаго отца... я самъ
Иду за юношу въ неволю
И облегчу несчастныхъ долю...

Все въ мірѣ съ ближнимъ по поламъ!
Нѣтъ болѣ у меня богатства,
Все, все исчезло, какъ мечта,
Одна осталась нищета
И съ нею къ ближнимъ чувство братства;
Но это чувство для меня
Дороже всѣхъ сокровищъ свѣта.»
Такъ говорилъ съ собой Арета
И ждалъ нетерпѣливо дня.

Бываютъ сладкія минуты, —
Къ намъ отъ Небеснаго Отца,
Какъ въ освященные пріюты,
Нисходитъ благодать въ сердца;
Въ завѣтныя минуты эти
Бываемъ мы добры, какъ дѣти,—
И обновленная душа,
Благоволеніемъ дыша,
На все высокое готова;
Ни безпріютной нищеты,
Ни безпомощной сироты
Мы не оставимъ безъ покрова;
Покрова нѣтъ,—дадимъ совѣтъ

Отъ сердца ихъ на путь наставимъ,
Къ совѣту ласку и привѣтъ
Съ живымъ участіемъ прибавимъ.

Благоговѣю предъ тобой—
Моимъ отечественнымъ краемъ!
Ты благодатію святой
Во всѣ вѣка былъ осѣняемъ,
Съ тѣхъ поръ какъ знаменье креста
Въ тебѣ на храмахъ засіяло.
Страхъ Божій—мудрости начало,—
Любовь къ добру и простота—
Вотъ чѣмъ ты отъ другихъ отличенъ,
И вотъ за что ты возвеличенъ!

Кто лѣтопись Москвы одной
Читалъ безъ чувства умиленья
И не сронилъ слезы живой
На подвиги благотворенья?
Какъ много въ лѣтописи той
Отмѣтокъ для души пріятныхъ!
Какъ много на Руси святой
Бояръ и гражданъ щедродатныхъ
Во всѣ бывало времена!

Цвѣти, о родина святая,
О благодатная страна,
Благотворить не забывая!
Забудешь—и тогда тебѣ
Господь въ напастяхъ не поможетъ,
И съ сопротивными въ борьбѣ
Твой мечъ и щитъ твой изнеможетъ.

О, будь всегда себѣ вѣрна,
Благословенная страна!
Пусть и сыны твои и дщери
Для бѣдныхъ отверзаютъ двери,
Заботливо подъ свой покровъ
Пріемлютъ и сиротъ и вдовъ
И щедро сыплютъ имъ златницы
Изъ нескудѣющей десницы!
Пусть будетъ каждый домъ—пріютъ!
Чтó безвозмездно *здѣсь* даютъ,
За тò сторицей *тамъ* воздастся.

О, будь всегда себѣ вѣрна,
Благословенная страна,
Не забывая ущедряться!

2.

Съ степей сбѣжала ночи тѣнь,
И зарождался новый день;
Теонъ, Элеодоръ, Арета
Втроемъ, проснувшись до разсвѣта,
Идутъ; и скоро конченъ путь, —
Они въ Александріи пышной.
У странниковъ стѣснилась грудь;
Они впередъ стопой чуть слышной;
У всѣхъ омрачено чело, —
Всѣхъ тяжелѣй Теону было.

«Разлуки нашей часъ настал!»
Собравшися съ послѣдней силой,
Сквозь слезы сыну онъ сказалъ;
«Ты, облегчая нашу долю,
Самъ вызвался итти въ неволю.

Господь тебя благослови!
Ты подвигомъ святой любви
Купилъ Его благословенье,
И будетъ надъ тобой оно...»

«На разставанье, другъ, одно
Даю тебѣ я наставленье:
Гдѣ бъ ни былъ ты,—будь чистъ душой,
Какъ въ низкой долѣ и высокой
Былъ чистъ Іосифъ... Путь земной
Лежитъ надъ пропастью глубокой,—
Не поскользнись, не упади!
Омывшись отъ грѣховъ въ купѣли,
Безгрѣшнымъ по землѣ пройди
Къ завѣщанной отъ Бога цѣли!
Ты видишь,—я стою уже
На крайнемъ жизни рубежѣ
И заношу въ могилу ногу;
Дай слово мнѣ—быть вѣрнымъ Богу,
И съ миромъ я главу свою
Сложу въ могильной прахъ.»
— Даю!
Сказалъ Элеодоръ рыдая.

И могъ ли сомнѣваться ты ?...
Продастъ ли сынъ твой за мечты —
За блага міра — блага рая ! —
« Довольно!... Видишь этотъ домъ ?
Съ сихъ поръ ты будешь въ немъ рабомъ.
Будь вѣренъ своему призванью,
Какъ истинный христіанинъ ;
По добровольному избранью
Идешь въ неволю ты, мой сынъ...»
« Мой другъ, прервалъ его Арета,
Элеодоръ твой — свѣжій май,
Почти дитя... не отнимай,
Не отнимай его у свѣта !
Ему ли въ нѣжномъ цвѣтѣ дней
Переносить и зной и холодъ
На бороздахъ чужихъ полей ?
Онъ для трудовъ тяжелыхъ молодъ.
Ему бъ въ кругу родной семьи,
Въ наслѣдственномъ отцовскомъ полѣ
Провесть младые дни свои,
А не въ чужбинѣ, не въ неволѣ.»
— О, да ! въ отвѣтъ ему Теонъ,
Элеодоръ не свыкся съ нуждой,

И не легко подъ кровлей чуждой
Въ неволѣ уживется онъ...
Но видно Богу такъ угодно.—

«Послушай, другъ, я одинокъ,
И жизнь моя—въ степи безплодной —
Въ пескахъ горючихъ—ручеёкъ;
Я обезбраченъ, обезчадѣнъ,
И дольній міръ мнѣ безотраденъ;
Я прохожу свой путь земной
Съ холодной въ сердцѣ пустотой.
Уходятъ годы,—я, несчастный,
Ищу жены, ищу дѣтей—
И поиски мои напрасны.
Въ пескахъ ли, въ глубинѣ ль морей
Они погребены,—не знаю;
Знать не найти мнѣ ихъ, и я
Преступно Бога искушаю:
Кому полезна жизнь моя?
Зачѣмъ ее безплодно трачу?»

«О, дай, Теонъ, дай случай мнѣ
Предъ Господомъ въ моей винѣ
Очиститься!... Къ мольбамъ и плачу

Прибѣгну я... Не подавляй
Въ отцовскомъ сердцѣ чувствъ природы;
Не отнимай, не отнимай
Элеодора у свободы,
Не омрачай его судьбы,
Не соверши, другъ, святотатства!
Я самъ, по чувству къ ближнимъ братства,
Самъ за него иду въ рабы.»
— Возможно ль?... мы другъ друга чужды;
Давно ли мы,—и я и сынъ, —
Давно ль сошлись съ тобой?... —
« Нѣтъ нужды!
Ты братъ мой,—ты христіанинъ,
И отъ меня—христіанина—
Во имя Божіяго Сына
Имѣешь право ожидать
Услугъ и помощи въ невзгоду.
Сокровищъ не могу вамъ дать,
Въ замѣнъ ихъ отдаю свободу.»
— Великодушный!.. —
« О, молчи!
Вчера еще въ глухой ночи,
Весь вашей занятый судьбою,

Боролся долго я съ собою
И далъ святой обѣтъ себѣ
Помочь въ несчастной вамъ судьбѣ. »

Какое чувство наполняло,
Переполняло, волновало
Недавно сжатыя сердца
Элеодора и отца!
Принять имъ даръ и сладко было
И горько, горько!...
Старецъ хилой
И молодой Элеодоръ
Вошли въ великодушный споръ
Съ благотворителемъ Аретой.
Казалось, этою порой
Ихъ сердце было теплотой
Святой Эдемскою согрѣто,

Арета въ спорѣ побѣдилъ
И, торжествующій, открылъ
Теону жаркія объятья;
И обнялись они какъ братья;
И много, много пролилось
Живой признательности слезъ.

«Да наградитъ тебя Всевышній!
Аретѣ говоритъ Теонъ...
Но Лелій? согласится ль онъ —
Заимодавецъ мой давнишній ?»
— О, успокой тревожный духъ!
Къ чему сомнѣнія, мой другъ ?
Намъ въ добромъ дѣлѣ Богъ поможетъ;
Онъ судъ на милость въ немъ преложитъ,
Арета старцу отвѣчалъ. —

Тускнѣло солнце золотое,
Прохладный вечеръ наступалъ,
А наши путники — всѣ трое —
Еще у портика стоятъ
Роскошно убранныхъ палатъ.
Пришла хозяйка молодая, —
Въ очахъ и ласка и привѣтъ;
Съ ней мужъ въ разцвѣтѣ полномъ лѣтъ.
Вотъ, мужу руку пожимая
И свѣтлый принимая видъ
Она его благодаритъ
И полными огня очами
И полными души рѣчами.

«Сего дня, говоритъ она,
Я новыхъ, сладкихъ чувствъ полна:
Ты знаешь,—я люблю природу,
Люблю цвѣты, люблю мой садъ,
Раскинувшійся у палатъ;
Ты далъ мнѣ полную свободу —
Изъ двухъ, не равныхъ по лѣта́мъ,
Въ рабы вступить готовыхъ къ намъ,
Не равныхъ въ дѣлѣ садоводства,
Но равныхъ видомъ благородства,—
Избрать рачителя садовъ,
Родившагося для цвѣтовъ,
Того, кто самъ ихъ любитъ страстно.»

— Я понимаю, другъ прекрасной,
Какъ милъ тебѣ подарокъ мой;
Но, признаюсь,—я колебался,
Я долго былъ въ борьбѣ съ собой,
И долго, долго не рѣшался,
Кого избрать изъ пришлецовъ —
Элеодора, иль Арету;
Одна твоя къ цвѣтамъ любовь
Задачу разрѣшила эту.—

« Теперь все кончено у насъ,
Сказалъ онъ, къ старцу обратясь,
И, думаю, съ сихъ поръ безбѣдно
Ты можешь жить въ семьѣ своей,
Въ тиши воздѣлывая съ ней
Землицы уголокъ наслѣдной.» —
— Благодаримъ! благодаримъ!
Проговорилъ Теонъ сквозь слезы. —

Ланиты Делiи, какъ розы,
Румянцемъ вспыхнули живымъ;
Душѣ ея такъ было сладко!
Вилася радость вкругъ чела:
Она несчастнымъ помогла
Отъ мужа своего украдкой.

Теонъ и сынъ, въ послѣднiй разъ
Пожавъ Аретѣ нѣжно руку
На безутѣшную разлуку,
Сокрылись медленно изъ глазъ.

3

Наутро, только день проснулся,
Арета птичкой встрепенулся
И, руки на груди скрестя,
Какъ сердцемъ чистое дитя,
Молился жаркою молитвой,
Какъ воинъ молится предъ битвой.

Молитва кончена,—онъ въ садъ;
Предъ нимъ, покрытые росою,
Цвѣты роскошные блестятъ
Очаровательной красою.

Остановясь у цвѣтниковъ,
Онъ вспомнилъ край своихъ отцовъ
И Римъ съ окрестными садами
Надъ тихоструйными водами,

И загородный свой дворецъ,
Гдѣ, сада своего творецъ,
Вѣнчанный лавромъ и оливой,
Въ дни мира онъ живалъ счастливо.

Бывало, лишь проглянетъ день,
Отрясши тонкую дремоту
И въ ложѣ покидая лѣнь,
Спѣшитъ онъ въ садъ свой на работу.
Тамъ шелковистой муравой,
Какъ лентой, клумбу онъ обложитъ
И въ ней отводками размножитъ
Кусты гвоздики расписной;
Тамъ, въ промежуткахъ вдоль алеи,
Разсадитъ розы и лилеи;
Тамъ съ виноградомъ вязъ сдружитъ;
Тамъ купы миртовъ, кипарисовъ,
И липъ и тополей и тиссовъ
По луговинамъ размѣститъ ;
И каждая въ саду куртина
Была прелестная картина.

Бывало, долго онъ очей
Не сводитъ съ своего созданья...

Теперь все это какъ преданья
Изъ темныхъ отдаленныхъ дней:
И домъ, пріютъ гостепріимства,
И садъ, лелѣятель прохладъ,
Жилище Флоры и Дріадъ,
Теперь добыча лихоимства.
Владѣтель прежній позабытъ,
При новомъ нѣтъ объ немъ помину;
Бездомный, нищій—на чужбину
Пришелъ онъ—и теперь стоитъ
У цвѣтниковъ чужаго сада.

Ему сгрустнулось о быломъ...
Но вотъ онъ просвѣтлѣлъ челомъ,
Въ очахъ заискрилась отрада:
Предъ нимъ цвѣты—его любовь,—
Его, въ дни мирные, забота;
И, рабъ, въ саду онъ счастливъ вновь,
Не тяготитъ его работа....
Съ утра до ночи онъ по нёмъ
То съ заступомъ, то съ лейкой ходитъ;
То, наклонясь надъ деревцомъ,
Отводки отъ него отводитъ;

То клумбъ узорные края
Дерновой лентою обложитъ.
И нахвалиться имъ не можетъ
И Делія и мужъ ея.
Давно ли садъ ихъ былъ оброшенъ?
Но вотъ и году не прошло,
А онъ, какъ встарь, опять роскошенъ,
Опять все жизнью въ немъ цвѣло.

Остановясь передъ бесѣдкой,
Или въ алеѣ молодой,
Они съ Аретою не рѣдко
Вступали въ разговоръ живой.
Порой высокіе предметы
Входили въ рѣчь; лице Ареты
Свѣтлѣло, взоръ горѣлъ, пылалъ,
И рѣчь святынею дышала.
Такъ отъ Маріина фіала
Святыней ароматъ дышалъ,
Когда, для рая оживая,
Она—Марія молодая —
Въ соблазнъ безсмысленной толпы
Лобзала Господу стопы.

Супруги—Делія и Лелій—
Цѣнить высокое умѣли.
Наслѣдовавши отъ отцовъ
Дары и счастья и природы
И къ знаньямъ чистую любовь,
Они въ развившіеся годы
И тонкимъ вкусомъ и умомъ
Въ Александріи отличались,—
И, какъ въ святилище, въ ихъ домъ
Всѣхъ сектъ философы стекались.

Александрія съ давнихъ дней
Была пріютомъ просвѣщенья;
Всѣ вѣрованья, всѣ ученья
Сосредоточивались въ ней:
Съ тѣхъ поръ, какъ славный градъ Паллады
Предъ Силлою поникъ главой
И древній блескъ утратилъ свой,
Сыны и Рима и Эллады
Туда стремилися, какъ рать,
Урокамъ мудрости внимать.
Александрія въ дарѣ слова

И мудрости была готова
Похитить пальму у Аѳинъ.

Благочестивый Антонинъ
И Адріанъ и Маркъ Аврелій
На просвѣщеніе смотрѣли
Съ высокой точки, какъ на цвѣтъ
Роскошный, пышный, величавый
Съ зачаткомъ вѣковѣчной славы,
И дали небесамъ обѣтъ —
Наукой своему народу,
Уничиженному въ невзгоду,
Умы очистить, освятить,
Её, какъ Аріадны нить,
Провесть по каждому сословью.
Одушевленные любовью
Къ добру и къ подданнымъ своимъ,
Они утѣшили на-время
Очеловѣчившійся Римъ.

Инымъ Царямъ порфира — бремя;
Но имъ, — какъ было имъ легко
Носить на раменахъ порфиру!

Какъ отъ нея и далеко́,
И широко̀ прошло по міру
Сіянье радужныхъ лучей!...
И поздній вспомянётъ о ней
Съ слезами радости потомокъ,
Пока отъ міра хоть одинъ
Останется еще обломокъ.

Благочестивый Антонинъ
И Адріанъ и Маркъ Аврелій
По-царски царствовать умѣли,
И славой ихъ блестятъ дѣла.
При нихъ науками цвѣла,
Гордилася Александрія;
То́ были времена для ней
Благословенныя, златыя:
Въ ней и блестящій былъ Музей,
И школа христіанъ простая,
Смиренномудрая, святая,
Открытая для Божьихъ чадъ
Святымъ Евангелистомъ Маркомъ,
Цвѣла, какъ Божій вертоградъ,
И надъ Музеемъ въ спорѣ жаркомъ

Бралá нерѣдко перевѣсъ,
Нерѣдко мудрыхъ поражала
И пальму славы похищала
При плескахъ Ангеловъ съ небесъ.

Однажды,—это было утромъ,—
При разыгравшихся лучахъ
Блистали росы перломутромъ,
И жаворонокъ въ эмпирей
Стрѣлою легкою взвивался
И звонкой пѣснью заливался,
И голосистый соловей,
Дробяся въ разсыпныя трели,
Про нѣгу пѣлъ и про любовь
И убаюкивалъ птенцовъ,—
Проснувшійся съ разсвѣтомъ, Лелій
Идетъ въ широкотѣнный садъ
Съ челомъ торжественно-веселымъ;
Арета съ заступомъ тяжелымъ
Стоялъ, склонившися у грядъ.

«Пора, пора тебѣ, Арета,
Собрать терпѣнія плоды

За понесенные труды,
За оскорбленія отъ свѣта,
Такъ Лелій на́чалъ разговоръ;
Я виноватъ передъ тобою,
Передъ людьми, передъ собою,
И чувствую въ душѣ укоръ.

Зачѣмъ, въ рабы ко мнѣ вступая,
Зачѣмъ ты не открылся мнѣ?
Кто ты? въ какой рожденъ странѣ?
Зачѣмъ бѣжалъ роднаго края
И нищимъ прибылъ въ край чужой?
Все, все какъ другу, мнѣ открой...
Какъ другу,—ты не рабъ ужъ болѣ;
Ты другъ, ты свой въ семьѣ моей,
И доживешь остатокъ дней
Какъ дома, у себя, на волѣ.

Осанка, поступь, рѣчь и умъ,
Познаньями обогащенный,
Порывы благородныхъ думъ
И взглядъ на вещи просвѣщенный—
Все въ пользу говоритъ твою; —

Я въ знаніи людей испытанъ;
Ты и родился и воспитанъ
Не въ низшемъ общества слою.»

— Благодарю, великодушный,
Благодарю тебя за даръ!
Внушенію небесъ послушный,
Безъ ропота судьбы ударъ
Переносилъ я и, въ невзгоду,
Во дни лишеній и тревогъ,
Былъ твердъ и душу уберёгъ.

Ты возвращаешь мнѣ свободу,—
Благодарю!... Но что мнѣ въ ней?
Я странникъ на землѣ безродный,
Жены лишенный и дѣтей,
И,—рабъ ли я, или свободный,—
Мнѣ все равно; я сирота,
И счастье для меня—мечта,
Его не выждать мнѣ отъ свѣта;
Я обокраденъ имъ кругомъ....
Богъ съ нимъ!—Такъ говорилъ Арета
И слезы утиралъ тайкомъ.

*

« Прости мнѣ! снова молвилъ Лелій;
Я пробудилъ въ душѣ твоей
Воспоминанья скорбныхъ дней,
Дремавшія, какъ въ колыбели.
Спокойся, другъ!... идёмъ къ женѣ!
Сбрось это рубище простое!...
Насъ Делія въ своемъ покоѣ
Съ тобою ждетъ наединѣ.
Она—высокая душою,
Примѣръ сердечной доброты,
Невинности и простоты —
Твоею занята судьбою;
Благотворить—ея отрада.»

Умолкъ, и по алеямъ сада
Изъ перехода въ переходъ
Съ Аретой объ-руку идетъ;
И вотъ они въ роскошномъ домѣ.

Давно ль Арета на соломѣ,
Какъ нищій, ночи проводилъ?
Давно ли въ рубищѣ ходилъ?
Теперь въ палатахъ у вельможи,

Въ нарядной тогѣ, онъ сидитъ;
Кругомъ узорчатыя ложи;
Въ убранствахъ золото горитъ;
На окнахъ пышныя гардины;
Въ альковахъ статуи, картины.

Но что́ Аретѣ въ нѣгѣ чувствъ?
Что̀ въ дивныхъ образцахъ искусствъ?
Онъ самъ вельможей былъ когда-то,
Самъ на убранства расточалъ
Вѣками собранное злато,
Но сердца къ нимъ не прилагалъ.

Вошла хозяйка молодая
И, взоромъ Лелія лаская,
Садится; на́чатъ разговоръ
Радушный, искренній и сладкой.
Онъ кончился, и съ этихъ поръ
Арета не былъ ужъ загадкой.
Онъ любопытнымъ разсказалъ
Съ святымъ спокойствіемъ во взорѣ
Про радости свои, про горе,
Про все, что̀ въ жизни испыталъ.

Но были тайны, онъ ни слова
На первый разъ друзьямъ о нихъ;
Онъ съ помысловъ заповѣдныхъ
Не приподнялъ всего покрова...
Зачѣмъ? еще наступятъ дни,—
Тогда раскроются они.

4.

Арета на свободѣ снова;
Онъ не безъ пищи, не безъ крова;
Гостя у Лелія въ дому,
Онъ счастливъ жребіемъ, — ему
Широкое открылось поле
Для новыхъ благодатныхъ дѣлъ;
Казалось, онъ помолодѣлъ
И тѣломъ и душой на волѣ.

Бывало, день лишь догоритъ,
Повѣетъ вѣтерокъ прохладой, —
И рой ученыхъ закипитъ
У Лелія подъ колонадой.
Къ нему спѣшитъ Политеистъ,
Неоплатоникъ и Софистъ,
И Гностикъ — разныхъ вѣръ смѣситель —

И,—вѣры истинной, святой
Защитникъ жаркій и ревнитель,—
Христіанинъ, всегда простой,
Безъ притязанія на славу
И на сокровища—отраву
Любостяжательной земли.

Бывало, Делія младая
И Лелій, выслушавъ ихъ споръ,
Введутъ Арету въ разговоръ;
И, ревніемъ одушевленный,
Витія, свыше вдохновенный,
Противъ лжемудрія гремитъ,
Разитъ поборниковъ Музея,
При ихъ ударахъ не робѣя,—
Ему Евангеліе щитъ.

Бывало, довершивши битву,
Смиренномудрый—онъ идетъ
Отъ всѣхъ украдкой на молитву
И славу Богу воздаетъ.
Онъ не присвоивалъ чужаго;
Онъ чистымъ сердцемъ постигалъ,
Что въ дѣлѣ вѣры онъ—фіалъ

Влiянiя небесъ святаго,
Что все, что́ лучшаго въ насъ есть,
Отъ Господа,—Ему и честь,
Ему Единому и слава,
Что не дано на нихъ намъ права.
Арета это постигалъ,
И славу Богу воздавалъ.

Ужь ночь; пустѣетъ колонада,
И Лелiй съ Делiей къ нему—
Къ Аретѣ.... сердцу и уму
Легко, свѣтло́; душѣ отрада,
Отрада неба, не земли.
И снова сладкая бесѣда
И вѣры новая побѣда.

Такъ дни и мѣсяцы текли;
И гностикъ Лелiй отказался
Отъ прежнихъ мнѣнiй и нача́лъ,
Подъ знамена Христовы сталъ
И, какъ Арета, состязался
Въ живой съ язычествомъ борьбѣ.

« Благодаренiе Тебѣ,

Мой Богъ, души моей отрада!
Изъ Рима, изъ роднаго града,
Ты велъ меня путемъ скорбей,
Путемъ жестокихъ искушеній,
Путемъ утратъ и всѣхъ лишеній
Среди степей, среди морей...
Куда? мнѣ это было тёмно;
Зачѣмъ? не смѣлъ я вопрошать
И, долго странствуя, бездомной,
Не вѣдалъ я, гдѣ мнѣ пристать....
И вотъ я здѣсь, въ странѣ, далёкой
Отъ милой родины моей;
И выпалъ жребій мнѣ высокой—
Быть путеводною звѣздой
Идущимъ къ истинѣ святой.

Благодарю Тебя, Всевышній!
И я былъ на землѣ не лишній.»

Такъ въ изліяніи души,
Наединѣ, въ ночной тиши,
Растроганный до слезъ, Арета
Создателя благодарилъ.
Онъ ничего не ждалъ отъ свѣта,—

Но самъ ему благотворилъ.
Людей не могъ онъ ненавидѣть;
Онъ не любилъ въ нихъ только зла;
Онъ жилъ и дѣйствовалъ, чтобъ видѣть,
Какъ съ ихъ умовъ сбѣгала мгла.

Давно ли Делія и Лелій,
Скользя, безъ свѣточа въ рукахъ,
Искали истины въ потьмахъ?
И вотъ изъ струй святой купели
Они выходятъ; свѣтъ съ небесъ
Имъ просіялъ, и мракъ изчезъ.

Трудясь надъ Божіею нивой,
Арета жребій свой счастливой
Благословлялъ.... Но на земли
Ничто не прочно, не надежно;
Тамъ, тамъ, въ небесной лишь дали,
Блаженство наше безмятежно.

Ужъ нива Божья зацвѣла
И налилась и колосилась;
Какъ вдругъ гроза надъ ней взошла
И съ страшнымъ трескомъ разразилась:

Жрецы Изиды сторожа
За провозвѣстниками Слова,
Точили лезвее ножа,
И гибель имъ была готова.

Египетскій верховный жрецъ
Въ Александріи для навѣтовъ
Разсѣялъ изъ конца въ конецъ
Своихъ недремлющихъ клевретовъ.
Коварство, происки, обманъ—
Все, все приведено въ движенье,—
И на смиренныхъ христіанъ
Воздвиглось новое гоненье.
У трибуналовъ палачи
Сѣкиры точутъ и мечи
На обреченныя имъ жертвы.

Однажды Лелій полумертвый
Къ Аретѣ входитъ.
«Что съ тобой?»
Съ вопросомъ тотъ, и ждетъ отвѣта.

— Бѣги! спасайся, другъ Арета!
Ударъ виситъ ужь надъ главой;

Враги достигли адской цѣли,
Оправяся, промолвилъ Лелій. —

Тутъ наскоро онъ разсказалъ,
Откуда, отъ кого узналъ
Про замыслы жрецовъ Изиды,
Про сокровенные ихъ виды,
И заключилъ свой разговоръ:

« Намъ каждая цѣнна минута...
Бѣги на цѣпь Саидскихъ горъ!
Здѣсь нѣтъ надежнаго пріюта—
Не для меня, а для тебя, —
Я родился въ Александріи;
Сограждане, какъ въ дни былые,
И уважая и любя,
Спасутъ меня во дни гоненья;
Но ты, мой другъ, ты здѣсь пришлецъ,
И неизбѣженъ твой конецъ;
Бѣги, здѣсь нѣтъ тебѣ спасенья!...

Когда бъ ты зналъ, какъ тяжела,
Арета, намъ съ тобой разлука!...
Съ тобой свѣтла намъ жизнь была....

За нашу преданность порука —
Единство вѣры и Господь...
Я болѣ, чѣмъ отцу, обязанъ
Тебѣ, мой другъ: онъ далъ мнѣ плоть;
А ты.... тобой я съ небомъ связанъ,
И человѣкомъ сталъ вполнѣ.

Но время, другъ! идемъ къ женѣ!
Втроемъ составимъ совѣщанье
И, неизмѣнный давъ обѣтъ
На грустное для всѣхъ прощанье—
Въ минуты счастія и бѣдъ
Быть вѣрными рабами Богу,
Благословимъ тебя въ дорогу.»

Склонясь надъ яшмовымъ столомъ,
На ложѣ Делія сидѣла
И на распятіе глядѣла,
Сосредоточивъ мысль на немъ;
По выѣ, въ кольцы завитые,
Вилися кудри золотые;
Бѣлолилейное чело
Какъ утро майское цвѣло;
Какъ персикъ наливной, ланиты

Огнистымъ о́тсвѣтомъ покрыты;
Какъ роза Пестума, уста
Порой касалися креста;
На крестъ изъ тайника печали
Двѣ крупныя слезы упали.
Молитвой внутренней молясь,
Она душою съ нимъ слилась
И въ небеса переносилась.

Но дверь тихонько отворилась,
Предъ ней и мужъ и общій другъ,—
Глаза въ слезахъ, уста дрожали;
Съ минуту́ молча всѣ стояли.

« До насъ достигъ печальный слухъ,
Ты покидаешь насъ, Арета....
О, свидимся ли мы съ тобой
До вѣковѣчнаго разсвѣта,—
До разставанія съ землей?
Аретѣ Делія сказала.»

—Покорность Господу, друзья!
Страдать—удѣлъ мой; видно, я
Не до́пилъ своего фіала,

Арета отвѣчалъ, и вздохъ
Тяжелый вырвался изъ груди.
Противу насъ и адъ и люди;
И свидимся ль,—то̀ знаетъ Богъ.—
« О, я надежды не теряю,
Промолвилъ Лелій; придутъ дни,—
Ты вновь къ оставленному краю
Придешь и отдохнешь въ тѣни
Тобой взлелѣяннаго сада,
На грудь друзей главу склоня.»
— Въ подлунномъ мірѣ для меня
Нѣтъ пребывающаго града;
Мнѣ, видно, суждено блуждать,
Скитаться по землѣ безъ крова,
Немного отдохнуть и снова
Скитальчество свое начать.
Мнѣ суждено стезею терній
Итти къ метѣ, доколѣ свѣтъ
Не возсіяетъ невечерній,
Арета Лелію въ отвѣтъ.
Зачѣмъ? намъ это неизвѣстно,
То̀ знаетъ лишь Отецъ небесной.
Довѣримся Ему вполнѣ,

И здѣсь ли, въ той ли сторонѣ,
Гдѣ нѣтъ печалей и вздыханій,
Мы пристань мирную найдемъ
И сладко, сладко отдохнемъ
Отъ горькихъ жизненныхъ страданій.—

Умолкъ, и будто авреолъ
Вокругъ чела его свѣтился.

Давно на землю мракъ сошёлъ,
Когда съ друзьями онъ простился.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

АРЕТА.

АРЕТА.

СКАЗАНІЕ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ

Марка Аврелія.

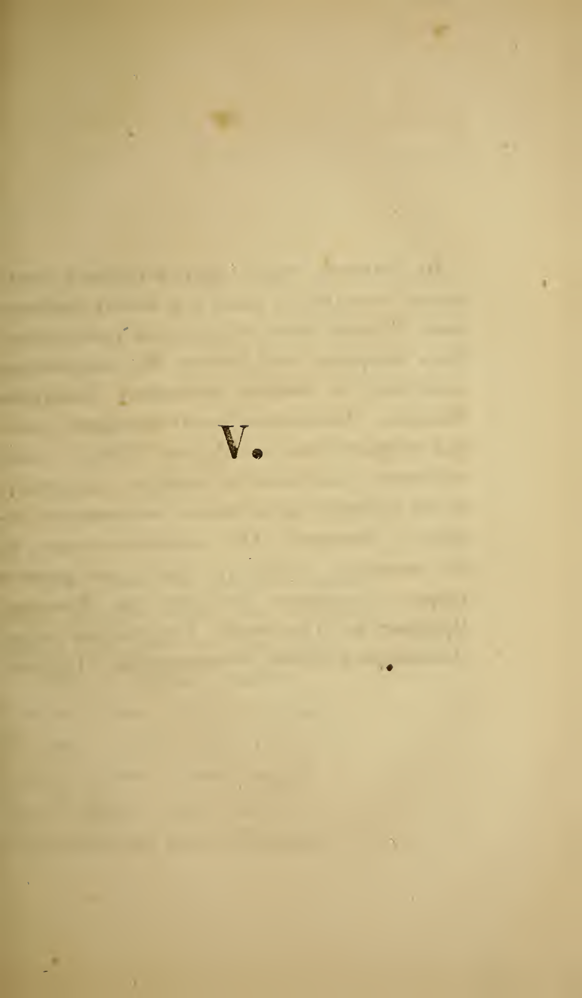
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1849 г. Апрѣля 20 дня.

Цензоръ В. Флеровъ.

V.

На Саидскихъ горахъ Арета встрѣчаетъ Аполлодора; послѣднiй въ одной изъ бесѣдъ разсказываетъ исторiю своего обращенiя въ христiанство. Вотъ содержанiе этой исторiи: Въ описываемую нами эпоху въ Аѳинахъ процвѣтала Эпикурова философiя. Аполлодоръ, послѣ праздника, который устроилъ онъ для *Друзей Сада* — такъ назывались послѣдователи Эпикура, — погружается въ глубокую задумчивость; его занимаетъ вопросъ о безсмертiи. Онъ засыпаетъ и видитъ во снѣ маститаго старца, который, для рѣшенiя вопроса, указываетъ ему путь въ Мемфисъ. Праздникъ въ Александрiи. Таинственная гостья. Обыкновенiе Египтянъ, опоэтизированное Греками.

1.

Близъ Нила, въ правой сторонѣ,
Надъ мракомъ пропастей глубокихъ
Видна одна изъ горъ высокихъ;
У темя, въ грозной вышинѣ,
Сквозь терны, плющи и осо́ты
И тамъ и сямъ зіяютъ гроты,—
Теперь пріютъ однихъ звѣрей.
По́рою лишь—сыны степей—
Скрываются въ нихъ Бедуины

И взоры въ дальнія равнины
Вперивъ, добычи жадно ждутъ.

Какъ все измѣнчиво! Когда-то
Здѣсь былъ отшельниковъ пріютъ,
Святымъ безмолвіемъ объятой.
Здѣсь, въ несмущаемой тиши,
Забывши треволненья свѣта
И не страшась его навѣта,
Они желанія души
На небеса переносили
И, нищіе, богаты были;
Презрѣвъ сокровища земли,
Они горѣ ихъ обрѣли.

Бывало, только лучъ денницы
Блеснетъ и встрепенутся птицы,—
Они давно ужъ на горѣ
И, долу преклоня колѣни,
А взоры устремивъ горѣ,
Возносятъ къ Богу гласъ моленій;
И, чистый сердца фиміамъ,
Незримо по зыбямъ эѳира

Онѣ восходятъ къ небесамъ,
Какъ жертва внутренняго мира.

Молясь, отшельники лицемъ
Склонялись къ высотамъ Синая.
О, сколько имъ гора святая,
Передъ раждающимся днемъ,
Внушала мыслей благодатныхъ,
Однимъ лишь избраннымъ понятныхъ!
Надъ ней склонялись небеса,
На ней свершались чудеса:
Въ сіяньи неприступномъ свѣта
Самъ Богъ на высь ея сходилъ
Съ скрижалью вѣчнаго завѣта
И землю съ небомъ примирилъ.

Однажды,—время было къ ночи,—
Арета, въ даль вперивши очи,
Пріютъ отшельниковъ святой
Замѣтилъ и, восторга полный,
Въ ладью; преплывши Нила волны,
Туда—горячею стопой.

Святый Антонія учитель
Не первый былъ пустынножитель;

Не первый у Саидскихъ скалъ,
Во дни жестокаго гоненья,
Пристанище успокоенья
Отъ бурь житейскихъ онъ сыскалъ;
Живали прежде тамъ аскеты,—
Пришельцы изъ далёкихъ странъ,—
Но мы не знаемъ ихъ имянъ.

Радушные анахореты
Арету приняли подъ кровъ.
Въ пріютѣ мира безмятежномъ
Онъ духомъ укрѣпился вновь;
Порою только, въ сердцѣ нѣжномъ
Проснувшись, память о женѣ,
О дѣтяхъ миръ его смущала;
Порою только посѣщала
Его тоска; не разъ, во снѣ,
Онъ къ сердцу милыхъ прижимая
И слезы скорби проливая,
Вставалъ и мраченъ и угрюмъ,
И грустныхъ отпечатокъ думъ
Виднѣлся на челѣ суровомъ.
Но, Божіимъ питаясь Словомъ,

Онъ скоро скорби забывалъ
И въ душу миръ перезывалъ.

Когда несчастье насъ постигнетъ,
И скорби сердце тяготятъ;
Когда коварный міръ и адъ
На насъ гоненіе воздвигнетъ,—
О, что́ тогда утѣшитъ насъ,
Что̀ въ душу намъ прольетъ отраду
На перекоръ землѣ и аду
Въ тяжелый искушеній часъ?
Что́ къ жизни призоветъ насъ новой?
Ничто!... Но если мы въ бѣдахъ
Отрады ищемъ въ небесахъ,
Онѣ на Божіе намъ Слово—
Но это небо на землѣ,
Глубоко погруженной въ мглѣ,
Но встать на Божій гласъ готовой,—
Укажутъ,—и отрада къ намъ
Сойдетъ какъ вешній дождь на ниву.

Кто внемлетъ Божьему призыву,
Чье сердце—освященный храмъ;
Кому Божественное Слово

Доступно, кто Его постигъ
И твердою избралъ основой
Всѣхъ дѣлъ и помысловъ своихъ;
Тому несчастіе не страшно:
Ему благоговѣнье—брашно,
А благодати сѣнь—пріютъ;
Ни искушенья, ни напасти,
Ни гибель всѣхъ земныхъ пристрастій
Живущихъ въ Богѣ не убьютъ;
Онѣ встревожатъ ихъ на время,
Какъ грезы смутныя во снѣ;
Но зовъ: «Придите всѣ ко Мнѣ,
Носящіе печалей бремя,
И успокою васъ,»—но онъ—
Сей зовъ Божественнаго Слова,—
Смиряетъ сердца скорбный стонъ
И сводитъ миръ въ ихъ души снова.

Арета былъ, какъ всѣ мы, плоть;
Порой впадалъ онъ въ искушенье,
Но скоро возставалъ ... Господь
Страдальцу друга въ утѣшенье
Послалъ; тó былъ анахоретъ,

Давно уже забывшій свѣтъ.
Сказавъ прости своей отчизнѣ,
Въ глуши, у благъ земныхъ на тризнѣ,
Онъ сиротою доживалъ
Свой вѣкъ и часто проливалъ
Изъ сердца выжатыя слёзы.

Роскошный въ юности своей,
Безпечно мирты онъ и розы
Вплеталъ въ вѣнокъ среди друзей.
Аполлодоръ надеждъ обѣты
И все, что̀ на землѣ любилъ,
Довременно похоронилъ.

Безродный въ старческія лѣты —
Онъ всѣ желанья перенёсъ
На небо изъ юдоли слёзъ
И зналъ одну отраду—слёзы,
Когда постигъ его ударъ;
Въ нихъ изливалъ онъ сердца жаръ
На урну Зои..... Какъ морозы
Роскошный убиваютъ цвѣтъ,
Такъ Зою въ пышномъ цвѣтѣ лѣтъ
Убило мщеніе злодѣя.

Аполлодоръ врагу простилъ,
О слѣпотѣ его жалѣя,
Но, какъ ребенокъ, все грустилъ,
Все плакалъ о своей потерѣ,
Все скорби сердца не унялъ.
Не разъ себѣ онъ измѣнялъ
Предъ другомъ по скорбямъ и вѣрѣ.

Дни шли обычной чередой;
Друзья въ бесѣдѣ межъ собой
Коснулись какъ-то тайнъ сердечныхъ,
Припомнивъ прежнія лѣта,
Когда цвѣла ихъ красота,
Когда ихъ, юношей безпечныхъ,
Ласкало счастье на землѣ,
Когда съ весельемъ на челѣ
Они путь жизни проходили
И между розъ и между лилій.

Про юность, какъ про сладкій сонъ,
Они съ улыбкой вспоминали.
Но рѣчь коснулась дней печали,
Когда ихъ жизни небосклонъ
Обмеркъ,—и оба замолчали.

Поднявши взоры къ небесамъ,
Они искали ими тамъ
Чего-то милаго, роднаго,
Потеряннаго на земли,
И долго, долго не могли
Свести ихъ съ свода голубаго.

Но, снова нáчавъ разговоръ,
«Позволь,» сказалъ Арета другу,
«Позволь души твоей недугу
Коснуться мнѣ, Аполлодоръ;
Въ душѣ твоей таится много,
Какой-то тайною тревогой
Она волнуется порой;
Зачѣмъ скрываться предо мной?»
— Повѣрь,—моя спокойна совѣсть,
На ней пятна упрёка нѣтъ,
Аполлодоръ ему въ отвѣтъ,
И, не краснѣя, жизни повѣсть—
Восторговъ и печалей нить—
Готовъ я предъ тобой развить:

2.

Мое отечество—Аѳины,
Тамъ я родился, тамъ возросъ.
Я помню холмы и долины
Подъ жемчугами свѣтлыхъ росъ;
Я помню воздухъ ароматной
Моей отчизны благодатной;
Я помню.... но къ чему? ихъ нѣтъ!..
Съ тѣхъ поръ прошло ужь много лѣтъ,
И много стерлось впечатлѣній
Съ невѣрной памяти моей.

Съ разсвѣтомъ юношескихъ дней
Искалъ я жадно наслажденій
И находилъ; я былъ богатъ,
А это много ужь для свѣта;
И мнѣ, въ мои младыя лѣта,
Открытъ былъ Эпикуровъ Садъ.

Мнѣ было по́ сердцу ученье
Заманчиваго мудреца;
Оно, плѣняя вображенье,
Вливало сладкій ядъ въ сердца
И легкой пищей умъ питало.
«Нѣжь чувства, нѣжь, пока твой часъ!
«Умремъ, и—все умретъ для насъ.»
Вотъ мудрости его начало.

Не стану далѣ развивать
Его лжемудраго ученья;
Съ тѣхъ поръ, какъ съ неба благодать
Блеснула мнѣ лучемъ спасенья,
Я мертвъ для мудрости земной;
Но въ юности я былъ иной,—
И мудрость дольняя и слава
Въ меня впивались какъ отрава.
На свѣтломъ жизни рубежѣ,
Съ немногимъ въ двадцать лѣтъ, уже́
Я избранъ былъ главою секты;
И клики хвалъ со всѣхъ сторонъ
Я слышалъ, какъ пернатыхъ клекты,
И былъ восторгомъ упоёнъ;

Мнѣ поднесенъ *Друзьями Сада*
Вѣнокъ изъ свѣжихъ майскихъ розъ.
Вотъ слава, вотъ моя награда
За всё, что́ въ жертву я принёсъ
Ихъ удовольствіямъ безумнымъ!
Былъ день рожденья Мудреца...
Какимъ веселіемъ лица
Сіялъ я предъ собраньемъ шумнымъ!
На радости я праздникъ далъ;
Созданіе мечты игривой,
Онъ все въ себѣ соединялъ,
Что̀ вкусъ чаруетъ прихотливой.
На празднество я расточилъ,
Что́ годы цѣлые копилъ.
Недавно садъ нашъ былъ оброшенъ,
Рѣдѣли миртъ и розъ кусты,
Блѣднѣли яркіе цвѣты;
Но ка́къ при мнѣ онъ сталъ роскошенъ!
Съ какою о́жилъ красотой!
Я въ немъ съ природной простотой
Сдружилъ изящество искусства.
Возсозданный, онъ нѣжилъ чувства:
По манію моей руки

Въ немъ зажурчали ручейки,
Далёко пролегли алеи,
Ковромъ растлалась мурава,
Сошлися въ купы дерева;
Ясмины, розы и лилеи
Вокругъ бесѣдокъ обвились,
И съ древнимъ вязомъ обнялись
Младыя лозы винограда.
  На самомъ средоточьи сада
Сверкало озеро стекломъ;
По берегамъ четыре храма
Въ дыханьи сладкомъ ѳиміама;
Въ одномъ разставлены кругомъ
Творенья геніевъ Эллады.
  Подъ сводомъ мраморной аркады
Стояли бюсты мудрецовъ,
Учившихъ міра пришлецовъ
Безпечности и наслажденью;
Другіе были пляскѣ, пѣнью
И музыкѣ посвящены.
  И тамъ и сямъ виднѣлись гроты, —
Пріютъ безмолвной тишины;
Вдали шумѣли водомёты,

Переливаясь серебромъ
И бисеромъ и перломутромъ.

Въ день праздника, вставъ рано утромъ
И обозрѣвши садъ кругомъ,
Вошелъ въ одну я изъ бесѣдокъ
И жду гостей; вотъ напослѣдокъ
И гости, жданные давно,
Сошлись, стеклись, слились въ одно.

Обычью древнему покорной,
Я съ важностью полупритворной
Собранью рѣчь проговорилъ;
Въ ней Эпикура я хвалилъ
И прославлялъ его ученье.
Ни нѣга чувствъ, ни наслажденье —
Ничто въ ней не забыто мной;
И, проповѣдникъ сладострастья,
Я общей награжденъ хвалой, —
Другаго не искалъ я счастья, —
Я былъ въ восторгѣ отъ похвалъ.
Нашъ день въ бесѣдѣ говорливой,
Живой, аттически шутливой
Прошелъ, и вечеръ наступалъ...

О вечеръ, вечеръ незабвенный,
Какъ бурно ты волнуешь грудь!
У наслажденій похищенный,
Кончая скорбный жизни путь,
Я все еще тебя порою
Воспоминаю здѣсь въ тиши...
Для возраждавшейся души
Ты переходной былъ чертою...

Я къ вечеру всѣ чудеса,
Всѣ нашей роскоши затѣи
Берёгъ. Обмеркли небеса,—
И всѣ тропинки, всѣ алеи,
Всѣ купы расписныхъ цвѣтовъ,
Всѣ группы дремлющихъ дерёвъ,
Бесѣдки, холмики и гроты,
И ручейки и водомёты
Освѣщены; все, все въ огняхъ,
Какъ небо въ золотыхъ звѣздахъ;
И звѣзды, кажется, блѣднѣли
Отъ разливавшихся огней,
Зажженныхъ прихотью людей.

На озерѣ въ ладьяхъ сидѣли

*

Малютки въ розовыхъ вѣнкахъ,
Съ златыми луками въ рукахъ;
Они Эротовъ представляли,
И стрѣлы изъ своихъ ладей,
Съ улыбкой, съ ласкою очей,
Въ ладьи чужія посылали.

Надъ озеромъ живой цвѣтникъ
Возникъ изъ расписныхъ гвоздикъ,
Изъ алыхъ розъ и бѣлыхъ лилій.
Роскошные цвѣты манили
И обоняніе и взоръ.

Изъ рощицъ несся звукъ свирѣли;
У гротовъ, свившись, слившись въ хоръ,
Вакханки пѣснь восторговъ пѣли;
На луговинахъ межъ цвѣтовъ—
Цвѣты живые—рой Гречанокъ,
Прелестныхъ, какъ сама Любовь,
Со всѣми чарами приманокъ,
Сплетаяся рука съ рукой,
Восторгъ вливали въ насъ живой
И легкою, эѳирной пляской
И томно-нѣжныхъ взоровъ лаской.

Нашъ праздникъ пиромъ заключенъ;
Тщеславный предсѣдатель пира,
Я былъ хвалами оглушенъ,—
И не одна гремѣла лира
На пиршествѣ во славу мнѣ.
Теперь все это какъ во снѣ
Мнѣ видится.... Мой другъ, не всё ли
Одинъ лишь сонъ въ земной юдоли?
На новой грани бытія
О прошломъ не жалѣю я,
Какъ много мнѣ оно ни льстило.
Роскошный праздникъ былъ могилой
Безумныхъ радостей моихъ,—
Я умеръ навсегда для нихъ.

3.

Давно оконченъ праздникъ пышной,
И кликовъ радости не слышно,
И гости разошлись мои.
Все тихо; только соловьи
Подъ тѣнію деревъ густою
Перекликались межъ собою,
И томно ручеёкъ журчалъ,
И водомётъ, при лунномъ свѣтѣ
Переливая свой кристалъ,
Еще не смолкъ.

Все спитъ, какъ въ Летѣ,
И не шелохнется листокъ.
Садъ опустѣлъ; я одинокъ.
Невольно въ сердце грусть запала;
Она уже не въ первый разъ
Меня нежданно посѣщала.

Я не былъ никогда врагомъ
Веселости и наслажденій;
Но часто на челѣ моёмъ
Ложились думъ печальныхъ тѣни.
Не разъ въ пиру среди друзей
На лонѣ радости, въ часъ оргій,
Въ душѣ встревоженной моей
Тоской смѣнялися восторги.
Въ пиру позабывалъ я пиръ,
При пѣсняхъ не слыхалъ я пѣсенъ:
Для нѣги чувствъ просторный міръ
Для чистыхъ радостей былъ тѣсенъ.

«Нѣжь чувства, нѣжь, пока твой часъ!
«Умремъ, и—все умретъ для насъ.»
Какъ эта мысль меня смущала!
Ужель безсмертнаго начала
Въ насъ не вдохнуло Божество?...
Тогда злодѣю—торжество,
А мужу правды—скорби доля....
Къ чему жъ даны намъ умъ и воля?
Ужель предать мнѣ суждено
Землѣ ихъ, какъ инстинктъ животнымъ?

О, нѣтъ! я съ ними не одно;
По смерти духомъ я безплотнымъ
Не по стихіямъ разольюсь,
Но въ міръ духовъ перенесусь....
За чѣмъ же мнѣ любовью вѣчной
Клянутся милыхъ дѣвъ уста?
Ужель цвѣтетъ ихъ красота
Для жизни въ мірѣ скоротечной?
Умрутъ, и ничего отъ нихъ,—
Отъ этихъ взоровъ огневыхъ,
Отъ этихъ розъ, отъ этихъ лилій
Обворожительныхъ ланитъ,—
Не уцѣлѣетъ?.. Смерть истлитъ
Ихъ навсегда, какъ вѣнчикъ былій?..
А звукъ рѣчей—отзывъ души,
Который сердце такъ тревожитъ,—
И онъ, замолкнувши въ тиши,
Умретъ для насъ?.... О, быть не можетъ!

Еще не занялась заря;
Луна сіяла полнымъ свѣтомъ,
И звѣзды, золотомъ горя,
Смотрѣли на меня съ привѣтомъ.

Облокотясь на пьедесталъ
Предъ дивной статуей Венеры,
Къ одной Венерѣ чувства вѣры
Питавшій, долго я стоялъ;
Мечты смѣнялися мечтами.

Я взоръ унылый слилъ съ звѣздами...
Онѣ безсмертія огнёмъ
Горятъ на небѣ голубомъ;
А мы, прикованные къ міру,
Ничтожеству обречены?
Сказавъ прости земному пиру,
Мы будемъ въ персть обращены?...
Въ безбрежномъ неба океанѣ
Имъ вѣковѣчнымъ смерть чужда;
А мы, какъ метеоръ въ туманѣ
Блеснувъ, угаснемъ навсегда?...
Подумать страшно!... Неужели
Мы и родимся и живёмъ,
Какъ дѣти случая, безъ цѣли?
Къ чему жъ себя мы сознаёмъ?

О, какъ хотѣлось мнѣ въ то время
Загадку жизни разгадать

И, вѣчной тайны вскрывъ печать,
Съ души сомнѣній сбросить бремя!

Свѣтало; утомленный, я
Въ оцѣпенѣньи забытья
У статуи моей богини
Прилегъ, уснулъ,—и чудный сонъ
Мнѣ снится: я перенесёнъ
Въ безбрежный океанъ пустыни;
Кругомъ нѣмая тишина
Въ сгущенный мракъ облечена;
Надъ нею воздухъ неподвижный;
Нигдѣ и признака нѣтъ жизни.
Меня холодный о́бнялъ страхъ;
Дрожа, я зрѣніе напрягъ;
Гляжу,—все таже тьма густая;
Зову,—на зовъ отвѣта нѣтъ,—
Все таже тишина нѣмая.
Но вотъ, дрожащій, слабый свѣтъ
Въ дали пустынной показался.
Онъ тихо, тихо приближался;
И вотъ ужъ онъ не вдалекѣ.
Минута,—съ свѣточемъ въ рукѣ

Передо мной остановился
Маститый старецъ. Я смутился:
Изсохшій, блѣдный, какъ мертвецъ,
Казалось, это былъ пришлецъ
Изъ мраковъ преисподней сѣни.
Склонивъ унылый взоръ ко мнѣ,
« Утѣшься, мученикъ сомнѣній !
Сказалъ онъ; тамъ, — въ другой странѣ,
На берегу печальномъ Нила, —
Къ тебѣ сойдетъ безсмертья лучъ, —
Тамъ къ вѣчности найдешь ты ключъ ! »

Тутъ радость старца осѣнила,
И взоръ мгновенно просвѣтлѣлъ,
И, прежде блѣдныя, ланиты
Румянецъ юности одѣлъ ;
Небесный свѣтъ, по нимъ разлитый,
Казалось, сообщился мнѣ.
Отъ светоча его сіянье,
По всей разлившися странѣ,
Какъ чародѣя обаянье,
Пустыню жизнью облекло;
И все въ ней пышно зацвѣло ,

Вездѣ плѣнительные виды :
По ней раскинулись сады,
Озёра, рѣки и пруды ;
Встаютъ дворцы и пирамиды;
И гимнъ, раздавшись надо мной,
Повѣялъ мнѣ отрадой Рая.
Въ восторгѣ сладкомъ утопая,
Сливался съ небомъ я душой
И забывалъ земныя муки.
Но этотъ свѣтъ, но эти звуки,
Эдемской радостью маня,
Не долго нѣжили меня.

Проснувшись, мрачный, одинокой,
По рощамъ сада я блуждалъ
Безъ цѣли; чудный сонъ глубоко,
Глубоко въ душу мнѣ запалъ.
Слѣпецъ, не вѣря въ провидѣнье,
Я безотчетно вѣрилъ снамъ
И—вѣрю; если воображенье
Въ насъ чисто,—сны пророки намъ.
И этотъ сонъ необычайный,
Отрадой райскою маня,

Не даромъ посѣтилъ меня, —
Онъ путь указывалъ мнѣ тайный.

Я долго былъ съ собой въ борьбѣ
И наконецъ сказалъ себѣ:
«Туда! туда! на берегъ Нила!...»
Святая цѣль меня манила,
Меня звала, меня влекла
Туда—къ таинственному краю...
«Тамъ жизни цѣль я разгадаю;
Тамъ я съ Изидина чела
Сниму покровъ глубокой тайны;
Въ той, въ той завѣтной сторонѣ
Разоблачится вѣчность мнѣ!»

И мысль и сонъ необычайный,
Боясь насмѣшекъ отъ друзей,
Я таилъ въ душѣ моей.
Томимый думою завѣтной,
Я измѣнялся незамѣтно
И становился съ каждымъ днёмъ
Угрюмѣй; надъ моимъ челомъ
Носилось облако печали.

Друзья какъ прежде посѣщали
Меня въ плѣнительномъ саду,
Какъ прежде, на пирахъ, въ чаду
Забавъ и радостей безумныхъ
И въ упоеньи оргій шумныхъ,
Кружились вихремъ, жить спѣша.
Они безпечно пировали
У жизни, а моя душа
Носилась къ безпредѣльной дали.

«Что сталося съ тобою, другъ?
Услышалъ я отъ нихъ однажды;
Нѣтъ прежней къ наслажденьямъ жажды,—
Для нихъ закрылъ ты взоръ и слухъ.
Ты мраченъ, скученъ, недоволенъ;
Не страждешь ли?»
— И да и нѣтъ;
Я просто любопытствомъ боленъ,
Былъ скромный мой друзьямъ отвѣтъ.
Вы видите,—порою тѣни
Наводитъ на меня печаль.
И васъ, любимцы наслажденій,
И крова отчаго мнѣ жаль.

Меня снѣдаетъ жажда знаній,
Она зоветъ, она манитъ
Меня къ подножью пирамидъ...
И для чего жъ не взять съ нихъ дани?
Прощайте, милые друзья!
Мы скоро свидимся здѣсь снова. —

Про сонъ я имъ ни полуслова.

4.

Оставивъ родины края,
Пустился я на берегъ Нила;
Судьба вездѣ меня хранила.
Я плылъ на быстромъ кораблѣ;
Шумя и пѣнясь, моря волны
Несли меня къ чужой землѣ
И принесли.
Восторга полный,
Я въ пристань мирную вступилъ ;
Передо мною городъ пышный
Всѣ прелести свои развилъ :
Повсюду пѣсни были слышны ;
Вездѣ движенье, говоръ, шумъ ;
Все нѣжитъ сердце, тѣшитъ умъ.
Тотъ городъ былъ—Александрія ;
По красотѣ своей другія

Аѳины,—онъ въ себѣ вмѣщалъ
Сокровища наукъ, искусства,
Плѣняющія умъ и чувства.
Я въ ней собранья посѣщалъ.
Богатый, молодой, красивый,
Отвсюду слышалъ я зазывы;
Мнѣ улыбалася любовь
И щедро расточались ласки,
И—въ нѣгѣ утопалъ я вновь,
Меня плѣняли игры, пляски
И пѣсни молодыхъ Сиренъ.
Я по земному былъ блаженъ;
Но часто, возвращаясь съ пира,
Напрасно въ сердцѣ я своемъ
Искалъ утраченнаго мира;
Наединѣ, въ ночи и днемъ,
Я тосковалъ, о чемъ, не знаю.
Меня къ таинственному краю
Какой-то голосъ призывалъ
И бурно душу волновалъ.
Напрасно этотъ голосъ тайной
Я заглушить хотѣлъ въ себѣ;
Онъ побѣдилъ меня въ борьбѣ,

Усилившись во мнѣ случайно.

Въ Александріи той порой
Давался праздникъ годовой;
Народъ, храня обычай древній,
Изъ города въ дни торжества
Черезъ прибрежныя деревни
Тянулся къ храму божества
Въ Канопъ; каналъ кипѣлъ ладьями;
На нихъ молельцевъ рой пестрѣлъ.

Однажды,—вечеръ догорѣлъ,
Сводъ неба засіялъ звѣздами;
Повѣялъ свѣжій вѣтерокъ,
И пышный лотоса цвѣтокъ,
Поднявъ головку, пилъ прохладу,—
Одинъ въ отставшемъ челнокѣ
Я плылъ при свѣжемъ вѣтеркѣ,
Перезывая въ грудь отраду;
Кругомъ нѣмая тишина,
Не вздрогнетъ на водахъ волна.
Я, мыслями носясь далёко,
Задумался было́ глубоко;
Вдругъ крикъ и смѣхъ и шумъ.

Я пробуждаюся отъ думъ
Предъ освященною бесѣдкой;
Вблизи красавицъ рѣзвой рой.
Нагнувшись за ясминной вѣткой
На перекоръ одна другой,
Онѣ чуть не упали въ воду.
Я къ нимъ и—рѣзвыхъ спасъ въ невзгоду.
Веселости не измѣня,
Онѣ, какъ плѣнника, меня,
Обвивъ цвѣточными цѣпями,
Въ бесѣдку повели съ собой;
Тамъ пиръ уже кипѣлъ живой;
Я грусть забылъ между друзьями.
Въ кругу пирующихъ гостей,—
Очарованіе очей
И сердца сладкія приманки, —
Мелькали тамъ и сямъ Гречанки;
Притворно скромныя, онѣ
Изъ-подъ зыбей прозрачной дымки,
Какъ чаровницы невидимки,
Украдкой улыбались мнѣ.
Одна,—я счелъ ее Гречанкой,—
И величавою осанкой

И скромной важностью чела
Мое вниманье привлекла.
Вокругъ нея все было живо;
Всѣ веселились, а она
Въ бесѣдѣ шумно-говорливой
Ни съ кѣмъ ни слова, все одна,
Какъ будто вовся не слыхала
Ничьихъ рѣчей, и хоть бы разъ,
Откинувъ коймы покрывала,
Улыбкой освѣтила насъ.
На скромную никто въ бесѣдкѣ
Вниманія не обращалъ;
Я не стерпѣлъ, я не смолчалъ,
И, на ухо склонясь къ сосѣдкѣ,
«Кто это?» я спросилъ ее.
Но погрузяся въ забытье,
Она въ отвѣтъ ни полуслова;
Унынье легкимъ облачкомъ
Мелькнуло надъ ея челомъ.
Но вотъ, развеселяся снова,
Схватила лютню со стѣны
Моя сосѣдка молодая,
Слегка коснулася струны, —

И съ лютни льется пѣснь живая,
Пѣснь милой Аттики моей,
И тѣшитъ нѣгой слухъ гостей.

Блѣднѣли звѣзды; ужь свѣтало;
Взошла заря, и неба край
Коймою окоймила алой;
И день засталъ насъ невзначай
Среди безпечнаго веселья
И говорливаго похмѣлья.
Мы возвращалися домой,
Воспоминаній сладкихъ полны,
И сѣли ужь было́ на чёлны,
Склонивши весла надъ водой;
Вдругъ вспомнили, что позабыта
Въ бесѣдкѣ лютня; я назадъ;
Пришелъ; бесѣдка не закрыта;
Вхожу, бросаю бѣглый взглядъ,—
Она пуста, въ ней все уныло;
Одно лишь существо тамъ было,
То́ самое, что́ привлекло
Мое на пиршествѣ вниманье;
У ней тожь важное чело

И тоже на устахъ молчанье;
Предъ нею гасъ лампады свѣтъ;
Предчувствіе мнѣ сердце сжало;
Приподнимаю покрывало, —
И что же?... это былъ... скелетъ!...
Встревоженный, угрюмый, смутный,
Я возвращаюся къ друзьямъ.
Насъ быстро вѣтеръ несъ попутный,
По разыгравшимся волнамъ.
Во всю дорогу я ни словомъ
Не перекинулся ни съ кѣмъ;
Я былъ и глухъ и слѣпъ и нѣмъ,
Какъ подъ таинственнымъ покровомъ
На шумномъ пиршествѣ скелетъ.
Съ тѣхъ поръ темницей сталъ мнѣ свѣтъ...
И что́ же онъ, какъ не темница?
Какъ узники мы въ немъ живемъ
И ждемъ, пока спадетъ плѣница.
Она спадетъ, когда умремъ...
Тогда свобода насъ освѣтитъ,
И грѣхъ насъ болѣ не осѣтитъ...
Умремъ мы плотью, а душа,
Земли не вѣчная жилица,

На ней безсмертіемъ дыша,
Горѣ взнесется, какъ орлица.
Тамъ просвѣтлѣютъ въ насъ умы,
Въ сердцахъ святыня водворится;
Тамъ наша юность обновится,—
И не умремъ ужъ больше мы.
Такъ мыслю я, такъ говорю я
На новой грани бытія;
Но прежде, по землѣ тоскуя,
Слѣпецъ—иначе мыслилъ я;
Въ глазахъ моихъ все было—тлѣнье,
На всемъ я видѣлъ смерти слѣдъ.
Такъ омрачилъ мнѣ вображенье
Среди пирующихъ скелетъ!...
«И онъ, и этотъ смерти вѣстникъ, —
Давно минувшаго ровесникъ, —
Когда-то жилъ, какъ я живу,
И розами вѣнчалъ главу...
И я, какъ онъ, закрою очи,
И для меня безсмертья нѣтъ!...»
И вспомнилъ я свой сонъ пророчій
И старца дивнаго обѣтъ:
« На берегу печальномъ Нила

« Къ тебѣ сойдетъ безсмертья лучъ;
« Тамъ къ вѣчности найдешь ты ключъ ! »

Меня надежда оживила ;
Туда ! къ подножью пирамидъ !
Сказалъ я ободренный ею ;
Тамъ я сомнѣнія разсѣю.
Мемфисъ, — онъ, онъ — разоблачитъ,
Раскроетъ предо мною вѣчность!
Пора исполнить мнѣ обѣтъ...
Прощай на время шумный свѣтъ
И нѣга лѣни и безпечность!
Прощайте пиршества ! прощай
Роскошная Александрія!
Прощайте блага всѣ земныя !...
Пора, пора въ завѣтный край!...
Кто знаетъ, можетъ быть, случайно
Какой нибудь гіероглифъ
Мнѣ жизни смыслъ откроетъ тайной;
Безсмертье, можетъ быть, не миѳъ;
Быть можетъ, Сиѳовы колонны,—
Созданье допотопныхъ лѣтъ,—
Прольютъ на тайну яркой свѣтъ...

Тогда, какъ фениксъ возрожденный,
Вѣка вѣковъ переживу,
У жизни на пиру пируя ;
Тогда, о радость ! не умру я!....
Я чудомъ утомлю молву
И наконецъ, пресытясь міромъ,
Какъ утромъ тонкая роса,
Я унесусь на небеса,
Дыша безсмертія эѳиромъ.

VI.

Аполлодоръ въ Мемфисѣ. Праздникъ Луны. Хороводы молодыхъ жрицъ Изиды. Аполлодоръ, плѣненный прелестями одной изъ нихъ, — это была Гречанка Зоя, — рѣшается проникнуть въ пирамиды. Египетскіе жрецы, проникшіе его намѣреніе, и желавшіе, для своихъ видовъ, посвятить его въ тайны своего вѣрованія, облегчаютъ ему путь въ пирамиды. Обманувшіеся въ своихъ разсчетахъ, они готовятъ ему гибель. Зоя спасаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ отправляется на Саидскія горы. Дорогою она разсказываетъ ему важнѣйшія событія своей жизни.

I.

Я торопливо въ путь вступилъ,
Спѣша къ давно желанной цѣли.
Еще не минуло недѣли,
А я уже въ Мемфисѣ былъ.

Любуясь солнечнымъ закатомъ,
Однажды долго я стоялъ
У пирамидъ. День догоралъ,
Край неба окоймился златомъ;
На землю падала роса.

Вотъ слышны въ храмѣ голоса
И гармоническіе звуки,
Чарующіе сердца муки;
Вотъ берега освѣщены;
Все ожило, вездѣ движенье,
Во всемъ восторга выраженье,—
Настало празднество Луны.

Есть островокъ на лонѣ Нила,
Тамъ набожность соорудила
Ей пышный храмъ среди садовъ,
Роскошныхъ купами цвѣтовъ,—
Туда спѣшили горожане.
Я не отсталъ, сажусь въ челнокъ
И—полетѣлъ на островокъ.

Луна въ воздушномъ океанѣ,
Задумчивая, какъ любовь,
Подъ тонкой дымкой облаковъ,
Сіяя царственною славой,
Плыла спокойно, величаво.

Межъ тѣмъ, ныряя по волнамъ,
Челнокъ мой быстро мчался къ цѣли,
И вотъ примчался. Тамъ и сямъ

Рои молельщиковъ пестрѣли.
Смѣшавшись съ ними, я впередъ
Изъ перехода въ переходъ
И—протѣснился къ колонадѣ.

Въ срединѣ колонады храмъ
Представился моимъ очамъ;
Предъ нимъ въ торжественномъ нарядѣ,
Въ одеждахъ бѣло-снѣговыхъ,
Вилися группы дѣвъ младыхъ;
На персяхъ ленты голубыя,
На лентахъ звѣзды золотыя
Напоминали небеса;
Сребристая лилея Нила
Въ ихъ темные, какъ ночь, власа
Вплетяся, нѣгой взоръ манила.
По колонадѣ тихій свѣтъ,
Мерцая въ лампахъ, разливался.

Я долго, долго любовался,
Смотря на дѣвъ, на этотъ цвѣтъ
Живыхъ красотъ; все въ нихъ—осанка,
Невинность дѣтской простоты
И взоръ небесной чистоты—

Все было для меня приманка.
Одна прелестнѣе другой,
Онѣ вливали въ сердце сладость;
Но я вниманье на одной
Остановилъ; какъ рая радость,
Она была душѣ мила.
Ея движеній легкихъ скромность,
Поникшихъ робко взоровъ томность
И кротость свѣтлаго чела—
Все въ ней о небѣ говорило.

При слабомъ свѣтѣ не вполнѣ
Я разглядѣлъ ее; но мнѣ,
Не знаю, какъ-то сладко было
О ней, и все о ней, мечтать,
Ее, и все ее, встрѣчать
Привѣтомъ пламеннаго взгляда,
Когда при торжествѣ обряда,
Она въ кругу подругъ своихъ
Мелькала предо мной на мигъ,
Какъ мимолетное видѣнье.
Ее слѣдилъ мой взоръ вдали;
Въ ней прелесть неба и земли

Слило мое воображенье.
Межъ тѣмъ, какъ группы юныхъ дѣвъ
Подъ звукъ цѣвницъ, подъ свой напѣвъ,
Подъ облаками ѳиміама,
Передъ безмолвной дверью храма,
Какъ легкихъ Грацій хороводъ,
Торжественный свершали ходъ
Спокойно, плавно, величаво,
Вдругъ—тысячи тимпановъ громъ;
Дверь настежъ, и мгновенно лавой
Разлившись яркій свѣтъ кругомъ,
Наполнилъ, за́лилъ колонаду
И придалъ чудный блескъ обряду.
Съ прелестной не сводя очей,
Я таялъ.... Вся въ волнахъ огней,
Она смущенный взоръ открыла,
Взглянула и—опять закрыла.
Съ тѣхъ поръ прошло ужь много лѣтъ,
Какъ этихъ взоровъ чудный свѣтъ
Глубоко въ сердце заронился
Мнѣ при разлившемся огнѣ,
А все еще онъ живъ во мнѣ,
И все еще не измѣнился.

Красавицъ много я видалъ,
Но какъ она—мой идеалъ....
Нѣтъ! никогда не создавала
Разгоряченная мечта
Подобнаго ей идеала!..
Все, все въ ней было красота.
Могла ли быть сама̀ Психея
Плѣнительнѣе для очей?..
Будь я еще минуту съ ней
И, позабывъ, кто я, гдѣ я,
Повергся бы къ стопамъ ея.

Что́ чувствовалъ въ то время я,
Не помню; рай и муки ада,
Все, все во мнѣ въ одно слилось,—
Я весь былъ чувствъ и думъ хао́съ.

Уже пустѣла колонада,
Всѣ расходились, и она,
Мелькнувъ, какъ въ облакахъ луна,
И проскользнувъ между толпами
Полуэѳирными стопами,
Исчезла съ группою подругъ.

Ужь поздно; свѣтъ огней потухъ;
Всѣ торопились въ путь обратный;
Не торопился я одинъ.
Вдыхая воздухъ ароматный
Среди цвѣтущихъ луговинъ,
Бродилъ я тихими шагами.
Мечты смѣнялися мечтами;
И день уже былъ не далёкъ.
Опомнясь, я сажусь въ челнокъ;
Плыву. На сѣверъ отъ Мемфиса
Есть озеро; на немъ стоитъ
Рядъ пирамидъ; онъ сторожитъ
Покой жильцевъ Некрополиса;
Туда чрезъ зыби сонныхъ волнъ
Направилъ я свой легкій чолнъ.

Въ часы унынія кладбище,—
Послѣднее людей жилище,—
Наводитъ много сладкихъ думъ.
Плыву, задумавшись глубоко;
И берегъ былъ ужь недалёко.
Вдругъ плескъ волны и вёселъ шумъ;
Гляжу,—двѣ женщины, двѣ тѣни,

Плывутъ, скользя по зыби волнъ,
Въ прiютъ отжившихъ поколѣнiй.
Вотъ къ берегу присталъ ихъ челнъ.
Я тихомолкомъ вслѣдъ за ними;
Они все далѣ, все впередъ
Изъ перехода въ переходъ
Между платанами густыми;
Вдругъ у одной изъ пирамидъ
Онѣ исчезли какъ видѣнье;
Кругомъ все сномъ могильнымъ спитъ;
Ищу ихъ, напрягаю зрѣнье,
Бросаюся туда, сюда,—
Нигдѣ ни легкаго слѣда.
Я обхожу всю пирамиду,
Касаюсь, щупаю,— и виду
Отверстiя для входа нѣтъ;
Но наконецъ напалъ на слѣдъ.
Въ безплодныхъ поискахъ случайно
Коснулся я пружины тайной,
И, скрыпнувъ, дверь скользнула въ бокъ.
Вотъ двѣ ступени предо мною,
Чуть освѣщенныя луною,—
Другiя мракъ густой облёкъ.

Иду по темнымъ переходамъ,
И слышу,—шумъ моихъ шаговъ
То перекликнется по сводамъ,
То смолкнетъ, то проснется вновь.
Я вздрогнулъ, но опять смѣлѣе
Иду,—и замеръ эха гулъ.
Гляжу,—дрожащій свѣтъ мелькнулъ,
И наконецъ я въ галлереѣ.
Нѣтъ! никогда и въ самомъ снѣ
Не улыбалось счастье мнѣ
И ласковѣй и благосклоннѣй!
Не ви́димый, склонясь къ колоннѣ,
Я взоры обвожу кругомъ,
Осматриваю подземелье,
И вижу келью; въ этой кельѣ
Гранитный жертвенникъ; на нёмъ,
Въ гробу изъ чистаго кристалла,
Давно почившая лежала.
Она была такъ хороша,
Такъ мало тлѣнья потерпѣла,
Какъ будто только-что душа
У ней отъ тѣла отлетѣла.
Я былъ отъ удивленья нѣмъ...

У изголовья передъ нею
Въ числѣ безсмертія эмблеммъ
Я видѣлъ нильскую лилею,
Надломленную пополамъ;
На ней изображенье птицы,
Готовой изъ земной темницы
Вспорхнуть къ надзвѣзднымъ небесамъ.
Но что́ мнѣ смертности символы,—
Холодной мудрости глаголы,—
Когда живое существо,—
Живаго сердца божество,—
Очеровательную Зою
Увидѣлъ я передъ собою?
Она, надъ гробомъ наклонясь,
Душой съ почившею слилась;
И вотъ простерши къ ней объятье,
Сняла съ груди ея распятье
И, приложа его къ устамъ,
Приникла взоромъ къ небесамъ
Съ такою вѣрой, что, казалось,
Ея земное не касалось.
И я, Эпикуреецъ, я,
Въ разцвѣтѣ полномъ бытія,

Я, проповѣдникъ наслажденья,
Исполнился благоговѣнья.
Я съ нею былъ наединѣ,
Въ глубокой тишинѣ полночной;
Но мысли, но мечты порочной
Не зародилося во мнѣ.
Кругомъ меня все было свято;
И, умиленіемъ объятой,
Уже не покушался я
Смутить покой души ея,
Ея бесѣду съ небесами;
И—тихими назадъ шагами.
Свѣтало; днéвные лучи
Некрополисъ озолотили
И, жизни полные, будили
Почившихъ въ немъ; но, какъ въ ночи,
Они непробудимо спали...
И счáстливы,—имъ нѣтъ печали,
Имъ чужды суеты земли,—
Они въ могилу ихъ снесли.
Задумчивый, давъ грусти пищу,
Я долго, долго по кладбищу
Блуждалъ и, какъ гробовъ жильцы,—

Некрополиса мертвецы,—
Не восхищался я денницей;
Душа моя была полна
Изиды молодою жрицей;
Мечты, какъ за волной волна,
Переливалися, неслися
Все къ ней, все къ жрицѣ молодой,
И всѣ на ней одной слилися
И въ образъ отлились живой.

Усталый, я вздремнулъ немного
Съ не усмиренною тревогой.
И въ часъ дремоты все она,
Одна она, въ видѣньяхъ сна
Вилась, носилась надо мною
Въ лазоревой дали небесъ
Съ своей чарующей красою.
Я счастливъ былъ... Но сонъ исчезъ;
И я, обманутый мечтою,
Опять одинъ съ своей тоскою.
«Безумецъ! я сказалъ себѣ,
Ты былъ такъ близокъ къ ней, и чтоже?
На перекоръ своей судьбѣ,

У беззащитной на сторожѣ
Стоялъ и—ни полслова ей
О страсти пламенной своей...
Назадъ стопою торопливой!
Назадъ! назадъ!» я повторилъ
И ночи ждалъ нетерпѣливо.

Она пришла; я въ путь вступилъ
Уже знакомой мнѣ стезёю.
Иду; во мнѣ и жаръ и знобъ.
Пришелъ; тажъ келья предо мною
И тотъ же изъ кристалла гробъ,
И въ гробѣ тотъ же трупъ нетлѣнный,
И на груди усопшей крестъ, —
Символъ безсмертія священный.
Я взоры обвожу окрестъ,
Ищу Изиды юной жрицы, —
Ея, души моей царицы,—
Одной ея вездѣ ищу.
Прекрасной нѣтъ; я трепещу;
Отъ страха потъ по мнѣ холодной;
Опять ищу, и все безплодно.
Предавшися о ней мечтамъ,

Я приближаю крестъ къ устамъ
И жарко, жарко лобызаю
Священный для нея залогъ...
И мнѣ въ крестѣ сказался Богъ...
О, я тогда былъ близокъ раю!
Казалося, душа моя
Сливалася съ душой ея,
Неслась за грани эмпирея,
До безпредѣльной грани звѣздъ.
И снова я, восторгомъ млѣя,
Завѣтный лобызаю крестъ.....
«Не онъ ли, думалъ я съ собою,
Не крестъ ли намъ къ безсмертью ключъ?»
Казалось, съ неба той порою
Блеснулъ мнѣ откровенья лучъ;
Я успокоился не много.
« Ищи ! сказало сердце мнѣ,
Въ печальной міра сторонѣ
Ты съ нею жизненной дорогой
Сойдешься гдѣ-то наконецъ;
Ищи! васъ брачный ждетъ вѣнецъ. »

2

Блуждая взорами по кельѣ,
Я тайный замѣчаю входъ,
Ведущій глубже въ подземелье
И, встрепенувшися,—вперёдъ;
Иду, запасшися лампадой,
И не съ одной въ пути преградой
Встрѣчаюся;—что́ шагъ, то́ страхъ:
Тамъ пропасть предо мной зіяла,
Тамъ воды въ стонущихъ брегахъ,
А тамъ тропинка пролегала
Среди пылающихъ костровъ.
Но, встрѣчей съ милою ласкаясь,
Я все впередъ не озираясь.
Чего не побѣдитъ любовь?
Чего для сладкой мы награды

Не совершимъ? Я всѣ преграды,
Всѣ козни хитрыя жрецовъ
Преодолѣлъ...., Чего бъ я не́ далъ,
Чтобъ свой кумиръ увидѣть вновь?..
Когда бъ ты зналъ, что́ я извѣдалъ ?

Съ пріѣзда моего въ Мемфисъ
Жрецы узнали чрезъ клевретовъ,
Кто я, и сѣти мнѣ плелись;
Ставъ цѣлью жреческихъ навѣтовъ,
Я былъ на время обаянъ.
Ты знаешь,—послѣ христіанъ
Жрецамъ всего опаснѣй были
Эпикурейцы; и меня,—
Ересіарха ихъ,—маня,
Чѣмъ лишь могли, они ловили;
Среди забавъ, среди торжествъ
Во славу мнимыхъ ихъ божествъ,
Въ часы прогулокъ полуно́чныхъ
Я былъ въ виду у ихъ наро́чныхъ;
И въ Градѣ мертвыхъ въ часъ ночной
Не ускользнулъ изъ ихъ я вида;
По ихъ навѣтамъ пирамида

Открылася передо мной.
Маня меня, какъ манетъ птицу
Охотникъ хитрый къ западнѣ,
Они приманкой сладкой мнѣ
Изидину избрали жрицу.
Я выдержалъ искусъ вполнѣ,
Я,—жертва адскаго коварства,—
Прошелъ безбѣдно всѣ мытарства;
И чтожъ готовилося мнѣ?
Погибель въ мракахъ пирамиды!
Но я спасенъ... И кѣмъ спасенъ?
Прелестной жрицею Изиды;
Ей, ей одной я одолженъ
Небесной жизнью и земною.
Младая дѣва—мужъ душою—
Она, злодѣевъ сторожа,
Спасла меня изъ-подъ ножа.

Безсмертія искатель жадной,
Къ метѣ, для чистыхъ душъ отрадной,
Я шелъ съ повязкой на глазахъ,
И скользокъ былъ мой каждый шагъ.

Жрецы не безъ корыстной цѣли,

Какъ Аргусы, за мной смотрѣли:
Осѣтить и назвать своимъ
Главу враждебной секты имъ,—
Вотъ что своекорыстнымъ льстило!
Я былъ уже адептомъ ихъ;
Они безсмертье за могилой
Сулили мнѣ; но я постигъ
Тщету лжемудрыхъ ихъ уроковъ.
Подъ грубою корой пороковъ
Нѣтъ мѣста мудрости святой.
Притворства врагъ, я былъ не свой,
И, слушая жрецовъ, не рѣдко
Съ насмѣшкой улыбался ѣдкой;
И оскорбленные—совѣтъ
Держали тайный межъ собою.
Я поздно по́нялъ ихъ навѣтъ;
Ударъ висѣлъ ужъ надъ главою.
Одна минута,—и меня
Не стало бы на свѣтѣ болѣ.
Давно лишенный свѣта дня,
Я размышлялъ о грустной долѣ,
О предстоявшей мнѣ судьбѣ;
Я живо представлялъ себѣ

Всѣ ужасы темницы, муки
И смерть въ далекой сторонѣ...
Вотъ кто-то подошелъ ко мнѣ
И, подавая ленту въ руки,
«Иди за мною, прошепталъ;
Я твой вожатой неизмѣнный!»
Онъ мнѣ опомниться не далъ....
Несусь за нимъ, какъ окрыленный,—
Я сердцемъ угадалъ, кто онъ,
Кто этотъ мой путеводитель,
Явившійся ко мнѣ, какъ сонъ,
Скорбей душевныхъ утѣшитель.
Я молча слѣдовалъ за ней,—
За невиди́мою вожатой.
Прошедши много ступеней
Въ тиши, глубокой тьмой объятой,
«Садись!» она сказала мнѣ.
И вотъ мы съ нею въ колесницѣ
Вдвоёмъ въ безмолвной тишинѣ.
Она слегка коснулась спицѣ;
Пружина щолкнула, и мы
Помчалися подъ кровомъ тьмы
То крутизной, то тихосклономъ;

У насъ дыханье занялось.
Но тише, тише бѣгъ колёсъ,
И вотъ надъ зыбкимъ грунта лономъ
Остановилися онѣ;
И, колесницу покидая,
Изиды жрица молодая,
Какъ прежде,—ленту въ руки мнѣ.
Довѣрясь ей, моей надеждѣ,
Я молча все за ней, какъ прежде.
Идемъ, и каждый шагъ впередъ
Все выше, выше насъ ведетъ.
Мы истомились, истощились,
Влача усталыя стопы...
Вдругъ двери съ шумомъ отворились;
Намъ свѣтъ блеснулъ; кругомъ столпы,
Остатки капища, когда-то
Гордившагося красотой,
Теперь поросшаго травой.
Я выхожу на свѣтъ съ вожатой.

Захлопнувъ двери за собой,
И ни полвзглядомъ, ни полсловомъ
Не подѣлившися со мной,

Она подъ яснымъ неба кровомъ,
Колѣна долу преклоня,
И за себя и за меня
Молитвой жаркою молилась;
Казалося, ея душа
На небеса переселилась.

Минута,—и, едва дыша,
Несчастная изнемогала...
Изнемогла... безъ чувствъ упала;
Померкъ небесный свѣтъ очей.

Я нá руки ее скорѣй;
Несу на воздухъ торопливо
Чрезъ длинный храма коридоръ.
Остановивъ на ней тоскливой,
Дрожащій ожиданьемъ, взоръ,
Смотрю,—ни легкаго движенья....
Намъ смерть—минута замедленья;
Я, плащъ постелью ей постлавъ,
Бросаюсь за водой стремглавъ
На берегъ озера зелёный,
Несусь чрезъ круть и тихосклоны,
Срываю съ древа на бѣгу

Широкій листъ... Вотъ предо мною
И озеро, и вотъ съ водою
Зачерпнутой назадъ бѣгу,—
Примчался нá сердцѣ съ тревогой;
Взглянулъ, — на сéрдцѣ отлегло;
Моя вожатая немного
Оправилась.

Склонивъ чело,
Она задумчиво сидѣла,
Какъ будто прошлое себѣ,
Въ тяжелой для души борьбѣ,
На память привести хотѣла.

«Гдѣжъ онъ?» замѣтивши меня,
Она промолвила сквозь слезы;
И на ланитахъ скромныхъ розы
Зардѣлись заревомъ огня.
— Кто онъ?—спросилъ я изумленный?

«Мудрецъ, сѣдиной убѣленный,
Который...»

— Это я. —

«Какъ! ты...?»

—Кого же, геній доброты,

Ты вывела изъ пирамиды?
Кого спасла, какъ не меня?—

Тутъ жрица юная Изиды,
Пытливый взоръ ко мнѣ склоня,
Смутилася, и ни полслова.

«Тобой я призванъ къ жизни снова;
Она—твой даръ, прибавилъ я.
Вся жизнь моя съ сихъ поръ—твоя;
Располагай по волѣ мною;
Я всюду за тобой готовъ.»

Она, задумавшися вновь,
Склонилась нá руку главою.
Съ минуту сильная борьба
Въ душѣ ея происходила;
Но рѣшена ея судьба.

«Скорѣй туда—на берегъ Нила!»
Указывая на востокъ,
Она сказала и смутилась,
Какъ будто чувствуя упрёкъ,
Что властвовать поторопилась.

Взглянувъ въ послѣдній разъ на храмъ,

Она всѣмъ тѣломъ задрожала,
Какъ будто по ея слѣдамъ
Уже погоня набѣжала.

Я нá берегъ, и нанята
Ладья съ палаткою уютной.
Плывемъ. Насъ вѣтеръ мчалъ попутной,
Куда завѣтная метá
Звалá плѣнительную Зою.

Не много минуло часовъ,
А мы уже съ своей ладьёю
Каналомъ плыли межъ бреговъ,
Благоухающихъ цвѣтами
И осѣненныхъ деревами.
По берегамъ и тамъ и сямъ
Бесѣдки, домики мелькали
И взоръ невольно увлекали.

Ужь солнце нá полдень взошло,
И все вокругъ насъ засыпало:
Лѣнивѣй двигалось весло,
Лѣнивѣй вѣялъ парусъ алой;
И я, усталый отъ тревогъ

И убаюканный любовью,
Передъ палаткою прилёгъ,
Склоняся тихо къ изголовью,
И подъ напѣвъ гребцовъ уснулъ.

Но солнце въ пурпурѣ и златѣ
Давно тонуло на закатѣ;
Я всталъ, въ палатку заглянулъ
И, радостный, увидѣлъ Зою.
Раскинувъ свитокъ предъ собой,
Казалось, съ каждою строкою
Она сливалася душой.
Я, въ свитокъ заглянувъ украдкой,
Восторгъ отъ ней отвѣялъ сладкой;
И вспыхнулъ огонёкъ ланитъ,
И свитокъ на́скоро закрытъ.

О, какъ она за этимъ свиткомъ
Была небесно-хороша!
Какимъ высокимъ чувствъ избыткомъ
Кипѣла чистая душа!
Казалось, съ нею Серафимы
Бесѣдовали той порой.

Я долго, для нея незримый,
Стоялъ съ поникшею главой;
Я самъ при ней какъ будто о́жилъ,
Въ святынѣ се́рдца ощутивъ
Небесъ таинственный призывъ.
Мнѣ было жаль, что я встревожилъ,
Смутилъ ее и съ неба свёлъ
Въ юдоль грѣха, въ обитель золъ.

3.

Эпикуреецъ сладострастной,
Вдругъ измѣниться я не могъ;
И часто зараждался вздохъ
Въ груди моей передъ прекрасной;
И часто я бывалъ готовъ
Предъ нею высказать любовь,
Залиться жаркими слезами
Съ обычной клятвой и мольбами;
Но всякій разъ, склоня къ ней взоръ,
Кипящій пламенною страстью,
Я чувствовалъ въ душѣ укоръ.

Я былъ подъ чудодѣйной властью:
И дѣтство этой простоты,
И святость этой чистоты,
И это въ небеса паренье,

И, въ часъ молитвы, умиленье—
Все налагало на меня
Несокрушимыя оковы;
И, полный страстнаго огня,
Предъ ней, какъ Стоикъ я суровый,
Потупивъ скромно взоръ, стоялъ.

Оставивъ за собой каналъ,
Ступили мы на воды Нила;
И кормчій, опустивъ вѣтрила,
«Куда вашъ путь?» спросилъ меня.
Я дать не могъ ему отвѣта
И, взоры къ спутницѣ склоня,
Безмолвно ждалъ ея совѣта.
«Нашъ путь на Гору птицъ, туда,
Туда скорѣй!» Она сказала;
И, пѣня волны въ два ряда,
Ладья по Нилу побѣжала.

Однажды плыли мы въ ночи
При тихомъ вѣтерка дыханьи;
Луны сребристые лучи
И звѣзды въ золотомъ сіяньи

Внушали много сладкихъ думъ.
Все спало; только вёселъ шумъ
Слегка смущалъ безмолвье ночи.
Я, къ небу приковавши очи,
Сидѣлъ на палубѣ вдвоёмъ
Съ своею спутницей прелестной
Подъ кровомъ синевы небесной,
Не затканной ни облачко́мъ.
Меня не звѣзды занимали,
Не къ безпредѣльной неба дали
Стремилися мои мечты,—
Онѣ на дѣвѣ красоты,—
На спутницѣ моей прекрасной, —
Сосредоточились въ тотъ разъ.
«Какъ много дивнаго для насъ
Въ звѣздахъ, въ ихъ сферѣ вѣчно ясной!
Сказалъ я, обратяся къ ней.
Вѣка смѣняются вѣками,
Все умираетъ на землѣ;
У нихъ лишь яркими чертами
Горитъ безсмертье на челѣ.»
—А человѣкъ? она сказала,
А тѣла узница, душа?...—

И къ небу взоры приковала,
Святымъ веселіемъ дыша.

Для ней печать съ глубокой тайны
Безсмертія была снята.
И свѣтъ очей необычайный,
И каждая чела черта,
И на ланитахъ свѣжесть лилій
Мнѣ ясно это говорили.

«Я былъ у вашихъ мудрецовъ,
Прошелъ по мракамъ пирамиды,
Прибавилъ я, а все съ Изиды
Не спалъ передо мной покровъ;
Безсмертье и для нихъ загадка.»
— Напрасно мудрости начатка
Искалъ ты въ мракахъ пирамидъ;
Какъ сѣмя вѣчное, лежитъ
Онъ тамъ,—на небесахъ,—далёко,
Тамъ—у истока бытія.—

«Но чье туда проникло око?»
— Чье око?...—
Тутъ ея уста
Молчаніе запечатлѣло;

Чело стыдливостью алѣло,
А скромность осѣнила взоръ;
И смолкъ на время разговоръ.

Сошедшись на землѣ случайно,
Мы были другъ для друга тайной.
Остановивши взоръ на ней
Полувеселый, полугрустной,
Я ввелъ въ свой разговоръ искусно
Событія послѣднихъ дней
И разсказалъ краснорѣчиво,
Какъ въ храмѣ въ первый разъ она
Явилась мнѣ видѣньемъ сна
И въ сердцѣ впечатлѣлась живо;
Какъ я вступилъ въ Некрополисъ;
Какъ въ пирамиду отперлись
Мнѣ двери; какъ я, въ подземелье
Спустясь, ее увидѣлъ въ кельѣ.

И по́ сердцу ей былъ разсказъ;
Она слезами залилась;
Въ ея глазахъ печаль съ отрадой
Смѣшалася, слилась въ одно.

Ужь было за́ полночь давно ;
Роскошной освѣжась прохладой,
Мы разошлися наконецъ
Съ живымъ волненіемъ сердецъ.

И ночь прошла ; и дня не стало ;
И вечерница, изъ за-горъ
Выглядывая, небозоръ
Каймою убирала алой ;
Въ цвѣточномъ ложѣ мотылёкъ
Уснулъ безпечно до денницы,
И задремали въ гнѣздахъ птицы;
И полусонный вѣтерокъ
Лобзалъ листочки розъ украдкой.

Въ груди дыханіе тая
И взоромъ слившися съ палаткой,
Я жду на палубѣ ея,—
Моей сопутницы стыдливой.
Она пришла; она со мной ;
И я, неда́вно говорливой,
Стою предъ нею какъ нѣмой.
Она то розою алѣетъ,
То нильской лиліей бѣлѣетъ ;

То вскинетъ, то опуститъ взоръ.
Съ чего начать намъ разговоръ?...
Мы были чувствъ горячихъ полны;
Онѣ въ груди у насъ какъ волны
Переливались въ этотъ разъ.

И впереди и сзади насъ
Суда пестрѣлися, мелькали
До недостижной взору дали;
Мы, къ нимъ вниманіе склонивъ,
Разговорились по-немногу, —
И скоро разговоръ сталъ живъ,
Какъ никогда во всю дорогу.

Темнѣло; мы плывемъ; вотъ храмъ
Съ прибрежья показался намъ;
Кругомъ него вилися вѣтки
Плакучихъ ивъ, акацій, розъ
И миртъ и виноградныхъ лозъ.

Вотъ изъ акантовой бесѣдки
Выходитъ группа юныхъ дѣвъ;
Онѣ, развившись въ хороводы,
Заводятъ пляску подъ напѣвъ

Со всею живостью свободы.
И въ волосахъ и въ поясахъ
У нихъ все лотосъ серебристой,
Эмблемма дѣвственности чистой.

Гляжу,—и слезы на глазахъ
У спутницы моей сверкнули ;
И этотъ лотосъ, и напѣвъ,
И эти пляски юныхъ дѣвъ
О прошломъ ей напомянули.

Я разгадалъ ея печаль;
И стало мнѣ сгрустнувшей жаль ;
И, обмѣнявшись съ нею взоромъ :

« Ты недовѣрчива ко мнѣ, »
Промолвилъ съ легкимъ я укоромъ ;
Въ твоей сердечной глубинѣ
Есть тайны. »

— Да ! но предъ тобою
Я ни одной изъ нихъ не скрою
И ничего не утаю ;
Меня не упрекаетъ совѣсть.
Садись и выслушай мою
Незанимательную повѣсть.

4.

Я крови греческой,—но дѣдъ
И бабка въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ
Въ Александріи поселились;
Тамъ дни ихъ въ тишинѣ катились,
Тамъ ихъ послѣдній часъ застигъ.

Единственной отрадой ихъ
Была на свѣтѣ—Доротея.
Какъ роза Пе́стума алѣя,
Она всей прелестью цвѣла,
И въ десять лѣтъ уже слыла
Красавицей необычайной.
Но часто, не сводя очей
Съ любимой дочери своей,
Родители вздыхали тайно:
Она входила ужь въ лѣта́,
А вѣномъ были для замужества

У ней одна лишь красота
Да умъ и благородство чувства.
Дары природы хороши,
Неоцѣнимо драгоцѣнны;
Но въ вѣкъ, корыстію растлѣнный,—
Когда не встрѣтишь ни души
Высокой, чистой, благородной,—
И умъ и прелесть—даръ безплодной,
Заржавѣвшей монеты звукъ,
Изсохшій стебль восточныхъ лилій.

Питаяся трудами рукъ,
Они на перекоръ усилій
Не много отложить могли.
Но есть невидимое око
Тамъ, тамъ, въ дали небесъ высокой,
Оно не дремлетъ для земли;
Оно, свѣтясь надъ Доротеей,—
Надъ этой дѣвственной лилеей,—
Во всѣхъ путяхъ ее блюло.

Бывало, на завѣтный свитокъ
Склонивши юное чело,
Она, вся чувствъ святыхъ избытокъ,

Сидитъ и пишетъ; подъ перомъ
Ложатся строки серебромъ;
Тотъ свитокъ былъ — Святое Слово.

Въ Египтѣ много есть людей,
Пріявшихъ свѣтъ ученья новой;
Для нихъ отъ утреннихъ лучей
До восхожденья вечерницы,
Вперивши взоры въ письмена,
Переливала ихъ она
Съ пера на новыя страницы;
И награждался трудъ—двойнымъ
Возмездьемъ, горнимъ и земнымъ,
Но болѣ горнимъ.
Доротея,
Родителямъ своимъ не смѣя
Признаться, Богу обреклась.
Она духовно озарилась;
И передъ ней разоблачилась
Межъ небомъ и землею связь.

Есть, между цѣпью горъ Сапда,
Гора, печальная для вида,—
Горою птицъ ее зовутъ,—

На ней отшельниковъ пріютъ;
Они живутъ, какъ мира дѣти,
Въ невозмущаемой тиши.
Тамъ ждетъ насъ мужъ святой, Мелетій,
Тамъ ждетъ меня покой души.
Видавшій часто Доротею,
Отшельникъ въ душу ей проникъ;
Не разъ бесѣдовалъ онъ съ нею,—
И ей понятенъ сталъ языкъ
Божественнаго откровенья;
Часы бесѣды, какъ мгновенья,
Для ней, для дѣвы молодой,
При немъ летѣли.
Мужъ святой,
Египетъ оставляя Нижній
И отправляясь въ дальній скитъ,—
Куда съ тобой ладья насъ мчитъ,—
Какъ даръ, вручилъ ей Книгу жизни,
И эта книга никогда
Съ тѣхъ поръ ее не оставляла;
Какъ путеводная звѣзда,
Она цѣль жизни освѣщала
Для бѣдной странницы земли.

Межъ тѣмъ родители несчастной
Съ земнаго поприща сошли.
Безродная, она безстрастно
На міръ смотрѣла.... Чтó ей въ нёмъ,
Для душъ возвышенныхъ пустомъ,
Гдѣ добродѣтели нѣтъ мѣста,
И гдѣ, какъ будто ей въ укоръ,
Пороку одному просторъ?

Но минулъ годъ,—она невѣста;
Женихъ, присватавшійся къ ней,
Красавецъ, родомъ изъ Аргóса,
Отрадой былъ ея очей.
Еще дней тридцать пронеслося,—
Она счастливая жена;
Супругъ, какъ майскій день, прекрасной,
Любилъ ее любовью страстной.

Но, не допивъ еще до дна
Земнаго счастья, Доротея
Не допитую чашу благъ
Въ могильный положила прахъ.
Мужъ умеръ; горе, тяготѣя
Надъ безотрадною вдовой,

Едва и надъ ея главой
Дыханьемъ смерти не пахнуло;
Все, милое для ней, уснуло
Могильнымъ, непробуднымъ сномъ;
Ей міръ постылъ; и что́ ей въ нёмъ,
Одной, безъ племени, безъ рода?

Еще не минуло полго́да
Ея печальнаго вдовства,
И—плодъ любви супруговъ нѣжной,—
Я родилась для сиротства,
Для скорби въ мірѣ неизбѣжной.
Кругомъ насъ нужды собрались;
Ни пищи у вдовы, ни крова...
Но вотъ она, дождавшись зова,
Со мной отправилась въ Мемфисъ
И, жрица новая Изиды,
Вздохнувъ, вступила въ пирамиды.

Несчастная пріючена́,
Но жизнь ея отравлена:
Ей, чистой, чуждой лицемѣрья,
Быть жрицей въ храмѣ суевѣрья?
Ужасно!... Я межъ тѣмъ росла,

Взросла и жречествовать стала,
Когда чреда моя пришла.
На мнѣ обязанность лежала—
Въ заповѣдные дни торжествъ
Являться въ праздничномъ нарядѣ
При совершаемомъ обрядѣ
Во славу идольскихъ божествъ,
Въ Египтѣ жреческою кастой
Установлённыхъ съ давнихъ поръ.

Я помню,—мать, бывало, часто,
На мнѣ остановивши взоръ,
Украдкой тяжело вздыхала...
Что́ будетъ съ дочерью ея?
Она въ разцвѣтѣ бытія
Пріяла чистыя начала
Небесной истины; и вотъ,
Орудіе жрецовъ притворныхъ,
Одной корысти лишь покорныхъ,
Она въ кругу подругъ идётъ,
Заводитъ съ ними хороводы
И оглашаетъ храма своды
Нечистой пѣснью чистыхъ устъ.

Бывало, храмъ давно ужь пустъ;
А мать по немъ со мною бродитъ,
Рыдаетъ, къ небу взоръ возводитъ
И молитъ Господа—простить
Невольное уничиженье
И отпустить ей прегрѣшенье.

Къ чему на память приводить
Былое, полное печали?
Промчалось дѣтство, какъ мечта,
Какъ предразсвѣтный сонъ,—настали
Сознанья свѣтлаго лѣта.

Въ пріютѣ суевѣрья грѣшномъ,
Снимая съ тайнъ святыхъ печать,
Въ затворничествѣ безутѣшномъ
Меня заботливая мать
Ученьемъ новымъ напитала;
И радость неба мнѣ сіяла.
Сіяла радость неба мнѣ;
Но здѣсь, въ наземной сторонѣ,
Лежалъ надъ нами мракъ печали;
Чтó будетъ съ нами, мы не знали.
Одна довѣренность къ Творцу

Была отрадою намъ сладкой,
Онъ велъ насъ къ лучшему концу.
Не разъ мы, отъ другихъ украдкой,
Склонясь надъ книгою святой,
Читали; и восторгъ живой,
Посланникъ неба благодатный,
Счастливцамъ міра непонятный,
Какъ въ чистый, освященный храмъ,
Переливался въ сердце къ намъ.
Для насъ за книгою завѣтной
Летѣло время незамѣтно.

Тебѣ невнятенъ мой языкъ;
Мудрецъ земли, ты не привыкъ
Горѣ душою возноситься,—
Ты съ вѣчной истиной въ борьбѣ;
Но придетъ время,—и тебѣ
Языкъ мой темной прояснится.

5.

Мы близились къ своей метѣ,
Мать—къ смерти, я—къ своей свободѣ.
Готовясь дань отдать природѣ
Въ полуотцвѣтшей красотѣ,
Она на мнѣ остановила
Всѣ помыслы своей души;
И вотъ, въ таинственной тиши,
Съ закатомъ дневнаго свѣтила,
Взявъ тихо зá руку меня
И нѣжно прижимая къ груди
Съ послѣдней искрою огня:
« Послушай, Зоя, здѣсь мы люди
Чужіе, ни родныхъ у насъ,
Ни близкихъ нѣтъ, она сказала;
А между тѣмъ мой близокъ часъ.

Я за тебя всегда дрожала;
Ты молода, ты хороша;
Какъ рай, твоя чиста душа:
А здѣсь всѣ люди — ада дѣти;
Они тебѣ раскинутъ сѣти.
О, берегись ихъ! твой позоръ
Не дастъ мнѣ въ вѣчности покою;
Какъ гнётъ онъ, какъ отломокъ горъ,
На мнѣ наляжетъ тяготою.
Пока на жизненномъ пути
Я вѣрною твоей вожатой
Была, — свой долгъ блюла ты свято;
Но я умру, — кому вести
Тебя по жизненной дорогѣ?...
Но, другъ! намъ свѣтитъ горній свѣтъ;
Съ нимъ можемъ не страшиться бѣдъ.
Ищи прямаго счастья въ Богѣ;
Запечатлѣй во глубинѣ
Души своей Десятословье
И будь вѣрна ему вполнѣ;
Склонясь на это изголовье,
Спи мирно, какъ Іаковъ спалъ
На камнѣ и — увидѣлъ Бога.

Не оставляй святыхъ началъ
До передсмертнаго порога;
И, не смущаяся ничѣмъ,
Ты въ сердцѣ обрѣтешь Эдемъ.

Быть можетъ, устраня преграды,
Ты возвратишься въ край отцовъ;
Тебѣ пришлецъ, иль сынъ Эллады,
Предложитъ руку и любовь, —
Благословляю; бракъ—святыня,
Его Самъ Богъ благословилъ;
Душа безбрачная—пустыня,
И пылъ любви въ ней—ада пылъ.
Исполни, милое созданье,
Предсмертный матери завѣтъ,—
Послѣднее мое желанье,—
И съ миромъ я оставлю свѣтъ;
Бѣги изъ мраковъ пирамиды!...
Я знаю,—есть у Орка виды;
Верховный жрецъ... Бѣги скорѣй!
Господь десницею Своей
Тебя невинную покроетъ,
И, рано ль, поздно ль, наконецъ

Твой духъ тревожный успокоитъ.
Сюда какой нибудь мудрецъ,
Искатель истины пытливой,
Придетъ, — ты хитрости жрецовъ
И виды ихъ на пришлецовъ
Изобразишь краснорѣчиво, —
И объ-руку съ тобою онъ
Пройдетъ чрезъ длинный рядъ препонъ,
Расторгши ухищреній сѣти...
Спѣши къ горамъ Саида; тамъ
Наставникъ мой живетъ, Мелетій;
Его душа, какъ Божій храмъ,
Чиста; святой пустынножитель
Введетъ тебя въ свою обитель;
Живущій мыслями въ раю,
Онъ душу досвятитъ твою.
Предъ исполненьемъ предпріятья
Не позабудь, мой другъ, распятья;
Сними его съ моей груди,
И — съ миромъ въ новый путь иди...
И Книгу жизни поручаю
Тебѣ, единственный мой другъ;
Цѣля душевный твой недугъ,

Она тебѣ укажетъ къ раю
Прямой, непреткновенный путь. »

Умолкла и, скрестя, на грудь
Кладетъ хладѣющія руки
И, чуждая предсмертной муки,
Съ небесной ясностью чела,
Какъ праведница, отошла.

Одна оставшися на свѣтѣ,
Въ полураскрытомъ жизни цвѣтѣ,
Безъ нѣжной матери моей,
Я горько плакала о ней;
Одно отрадою мнѣ было—
Бесѣдовать на гробѣ съ милой.

Проходитъ годъ,—я узнаю,
Что ждутъ адепта въ пирамиды;
Мнѣ предстояло роль свою
Разыгрывать; нежданно виды
Открылись на свободу мнѣ.
Я въ безмятежной тишинѣ
Въ послѣдній разъ веду бесѣду
Съ почившей матерью моей.

Все обѣщало мнѣ побѣду...
Но сколько, сколько въ тьмѣ ночей
Пролито слезъ горючихъ мною!...
Кто онъ? я думала съ собою, —
Кто сей невѣдомый пришлецъ?
Могу ль съ нимъ обмѣняться тайной?
Что́ если какъ нибудь случайно
Измѣнитъ ей сѣдой мудрецъ?...
Сѣдой, — во тьмѣ ночей безсонныхъ
Мечталось мнѣ, что ждутъ жрецы
Въ притонъ свой мужа лѣтъ преклонныхъ,
Какъ всѣ былые мудрецы;
Я о тебѣ и не мечтала, —
Ты весь — цвѣтущая весна.

Но роковая ночь настала:
Тебѣ ль, другому ль, — суждена
Была погибель иль темница.
Я знала, какъ Изиды жрица,
Всѣ переходы, всѣ пути;
Съ рѣшимостію обоюдной
Мнѣ было можно и нетрудно
Себя и пришлеца спасти.

Межъ тѣмъ какъ, мракомъ окруженной
Передъ минутой роковой,
Склоняся на́ руку главой,
Стоялъ ты жертвой обреченной,
Я по внушенію небесъ
Къ тебѣ прокралась; ты со мною
Идешь чуть слышною стопою,—
И слѣдъ нашъ для жрецовъ изчезъ.
Насъ дивно Вышняго десница
На свѣтъ изъ мраковъ извела;
Не насъ съ тобою колесница,
Давно готовая, ждала.
На тихомъ озерѣ Мерида,
На островѣ, въ Долинѣ слёзъ,
Есть храмъ богатый Озирида;
Едва наступитъ время розъ,—
Туда несется вереницей
Народъ на празднество весны;
Туда въ священной колесницѣ,
Храня обычай старины,
Является на новоселье
Весны первосвященникъ самъ,
Промчавшися чрезъ подземелье

По выемчатымъ полосамъ.
Все было для него готово;
Я—тайно къ колесницѣ той,
Шепнувъ тебѣ одно лишь слово:
« Садись ! » и мы спаслись съ тобой.»

VII.

Въ продолженіе пути все болѣе и болѣе открываются предъ Аполлодоромъ высокія качества Зои, и онъ все болѣе и болѣе привязывается къ ней; онъ нашелъ въ ней идеалъ всего прекраснаго. Они приближаются къ *Горѣ птицъ*; здѣсь, казалось, надлежало имъ разстаться навсегда: Зоя была христіанка, а онъ — язычникъ. Но любовь восторжествовала; онъ, прежде притворно, а потомъ чистосердечно, отрекается отъ язычества; принятые отшельникомъ Мелетіемъ, они, подъ его руководствомъ, совершенствуются въ познаніи таинствъ христіанской вѣры, принимаютъ крещеніе и обручаются.

I.

Такъ умилительно печальной
Она окончила разсказъ
И съ небомъ взорами слилась;
И слёзы, струйкою кристальной
Катяся по ея лицу,
Росою утренней сіяли
И трогательно выражали
Ея признательность къ Творцу.
Простясь со мной улыбкой нѣжной,
Но скромной, чистой какъ луна

Въ безоблачную ночь, она
Ушла въ пріютъ свой безмятежной,
Въ заповѣдной свой павильонъ,
И спитъ, склоняся къ изголовью;
И сладокъ былъ невинной сонъ,
Навѣянный съ небесъ любовью;
А мнѣ до утреннихъ лучей
И не вздремнулося ни разу;
Безъ ней, казалось, былъ я съ ней
И слухъ склонялъ къ ея разсказу.
Пока была мнѣ жизнь ея
Непроницаемой загадкой;
Я могъ, въ минуты забытья,
Надеждою ласкаться сладкой
И ждать отвѣта на любовь.
Но спалъ таинственный покровъ,—
И умерли мои надежды;
Межъ нами бездна пролегла.
Усталый, я смыкаю вѣжды,
Когда заря уже взошла.
Мой сонъ былъ дологъ, но не сладокъ;
Какой-то мыслей безпорядокъ
Владѣлъ встревоженной душой.

Былъ полдень; солнце надо мной,
Какъ огненная печь, пылало.
Проснувшись, вижу,—покрывало,
Отъ зноя щитъ, на мнѣ лежитъ,
И, скромно наклонясь на ложе,
Какъ ангелъ мира, на сторожѣ
Моя сопутница сидитъ.

«Скажи, чтó сталося съ тобою?
Ты, вижу, чѣмъ-то смущена?»
Встревоженный спросилъ я Зою.

— Ты угадалъ, въ отвѣтъ она;
Вчера я сладкимъ сномъ уснула
И мирно до зари спала;
Но только-что заря блеснула;
И мнѣ на сердце налегла
Тоска тяжелою горою.
Я сплю и—вижу предъ собою
Тѣнь матери,—въ устахъ упрёкъ:
«Спѣши туда!» она сказала
И, какъ предъ смертью, на востокъ
Рукой дрожащей указала.
Не погуби, Аполлодоръ,

Не погуби меня несчастной!
Скорѣй на цѣпь Саидскихъ горъ!...
Не тратимъ ли въ пути напрасно
Мы времени? Спроси гребцовъ,
Не миновали ли мы цѣли?
Они, быть можетъ, межъ бреговъ
Её ошибкой проглядѣли....
Спаси меня, Аполлодоръ!—

Тутъ Зоя пала на колѣни;
Слезами заструился взоръ;
И въ этомъ взорѣ просьбы, пѣни
И ласки—все въ одно слилось....
И я не вынесъ этихъ слёзъ
И умилительнаго взора;
Я, съ лаской нѣжнаго укора
За недовѣрчивость ко мнѣ,
Поднявъ её, пожалъ ей руку.
Отдавшій сердце ей вполнѣ,
Я въ каждомъ пульсѣ слышалъ муку
Встревоженной души ея;
Печаль ея была—моя;
Я ей на перекоръ ни слова.

Гребцы, распрошенные снова,
Окинувъ взоромъ берега,
Пригорки, холмы и луга,
Признался, что ночью цѣли
Указанной не доглядѣли.
Что далекò уже она
Осталась назади за нами.

Я вспыхнулъ; Зоя ихъ словами
Изумлена, поражена
Какъ громомъ, грянувшимъ нежданно;
Казалось, отъ нея бѣжалъ
Пріютъ спокойствія желанной.
Я самъ за робкую дрожалъ;
Чтó если Орку путь нашъ вѣдомъ?
Онъ челнъ пошлетъ за нами слѣдомъ, —
Чтò съ нами станется тогда?

Но часто близкая бѣда
И неизбѣжная опасность
Разсудку сообщаютъ ясность.
Вблизи виднѣлося село;
И мнѣ тогда на мысль пришло
Къ нему ладью свою направить,

Гребцовъ на берегу оставить,
Купить одновесельный челнъ,
Отважно черезъ зыби волнъ
Нестись вдвоемъ въ пріютъ завѣтной
И отъ погони непримѣтно
Укрыться. Мы судовщикамъ
Причалить къ берегу велѣли
И, не открывъ своей имъ цѣли,
Сказали, что въ прибрежный храмъ
Мы торопилися съ обѣтомъ.
Покорность ихъ была отвѣтомъ.
Мы входимъ съ спутницей въ село;
И, челнъ купивъ одновесёльный,
Я—на корму, собой довольный,—
И волны вспѣнило весло.

Одни надъ тихими водами—
Мы болѣ сблизились сердцами;
И какъ-то разговоръ съ тѣхъ поръ
Живѣй межъ нами развивался,
И какъ-то пламеннѣй мой взоръ
Во взорѣ Зои отражался.
Я съ жаромъ выхвалялъ предъ ней
И неба голубые своды,

И вдохновительныя воды,
И горы родины моей.
Восторга полная, очами
Съ моими слившися устами,
Она переливала въ слухъ
До незначительнаго слова
И чуть переводила духъ.
Но лишь сердечныхъ тайнъ покрова
Касался я и нѣгой млѣлъ,
И говорилъ, какой удѣлъ
Завидный ждалъ её со мною
Подъ кровлею моей родною;
Вдругъ омрачалася она,
Какъ омрачается луна,
Когда её подёрнетъ туча.
Такъ Зоя, радуя и муча
Мою кипучую любовь,
Надъ нею цѣпи изъ цвѣтовъ
Скрѣпляла болѣ всё и болѣ.

Во всёмъ ея покорный волѣ,
Я умѣрялъ сердечный пылъ
И разговоръ переносилъ

На посторонніе предметы;
И новой прелестію онъ
Бывалъ роскошно разцвѣчёнъ.
Межъ насъ вопросы и отвѣты
Переливались какъ потокъ.
И ночь промчалась незамѣтно;
Заря багрянила востокъ;
И близокъ былъ пріютъ завѣтной...
Тутъ сердце сжалося мое:
Казалось, надо мной нависли
Громады чорныхъ тучъ при мысли —
Какъ въ гробѣ заключатъ её,
Мою плѣнительную Зою,
И разлучатъ навѣкъ со мною —
Напала на меня тоска;
И занѣмѣвшая рука
Едва весла не уронила.
Казалось, въ этотъ страшный мигъ
У ногъ трепещущихъ моихъ,
Какъ адъ, разверзлася могила...
Разстаться съ нею?... Что же мнѣ
Въ земной останется странѣ?
Но, будто вдохновенный свыше,

Я успокоился слегка;
И сердце волновалось тише,
И унялася въ нёмъ тоска.
Одинъ отрадный лучъ надежды
Мелькнулъ, блеснулъ въ душѣ моей;
И я, вполнѣ довѣрясь ей,
Закрылъ на будущее вѣжды.

Я лицемѣромъ не бывалъ;
Но страсть кого не измѣняла?
Мнѣ, какъ девятый въ морѣ валъ,
Разлука съ Зоей угрожала;
И, совѣсти на перекоръ,
Дерзнулъ прибѣгнуть я къ обману.
Убійственъ былъ ея укоръ;
И чтожъ? врачуя сердца рану,
Въ мучительной съ собой борьбѣ
Я подавилъ его въ себѣ
И былъ готовъ къ Анахорету
Предстать поборникомъ Христа,
Къ небесному идущимъ свѣту
Съ завѣтнымъ бременемъ креста.
Господь, владѣющій сердцами,

Людей къ спасенію ведетъ
Непостижимыми путями;
Кто искушать Его дерзнетъ?
Водимый мудростью земною,
Я цѣль себѣ предначерталъ;
А между тѣмъ передо мною
Небесный свѣтъ уже мерцалъ.

Плывемъ; и вотъ уже надъ нами
Нависла мрачная скала;
Далёко тѣнь отъ ней легла
Надъ охлажденными водами.
Была предсвѣтная пора;
Окрестности еще дремали.
Она ли,—это ль, Птицъ гора,—
Мы положительно не знали.
Кого спросить?
Вотъ видимъ челнъ
Съ пловцомъ на лонѣ сонныхъ волнъ.

«Тебѣ, мой другъ, окрестность эта
Знакома,—гдѣ, спросили мы,
Здѣсь Птицъ гора?» и ждемъ отвѣта.
—Тамъ!—Онъ сказалъ намъ и съ кормы
На гóру указалъ рукою:

Мы были подъ ея скалою.
Я направленье челну далъ
Къ оврагу и вступилъ въ каналъ,
Лѣнивую вращавшій влагу
По омертвѣвшему оврагу,
Внушавшему невольный страхъ.

« Такъ здѣсь-то, въ этихъ-то мѣстахъ
Жилище для достойной рая—
Для Зои—до заката дней!
Подумалъ я.... Чтó будетъ съ ней?»

И Зоя, гору озирая,
Смутилась мертвенностью мѣстъ,
Печально на меня взглянула
И, взоръ потупивши, вздохнула.
При свѣтѣ догоравшихъ звѣздъ
Мы тихо по водамъ холоднымъ
Плывемъ среди угрюмыхъ скалъ,
Подернутыхъ пескомъ безплоднымъ;
Невольно духомъ я упалъ.
Мы далѣ, и мелькнулъ предъ нами
Съ нагорья слабый огонёкъ
Изъ кельи между деревами.

«Насталъ дла насъ разлуки срокъ,
Шепнула спутница уныло;
Мы здѣсь простимся навсегда.»

— Простимся, Зоя?.. Никогда!
Воскликнулъ я, собравшись съ силой;
И Богъ и вѣра—всё отнынѣ
У насъ одно; хочу съ тобой
И жить и умереть въ пустынѣ!—

2

Вся радость, вся восторгъ живой,
Она блѣднѣла и краснѣла
И счастью вѣрить не хотѣла
И, въ непонятномъ забытьи,
Склонилася ко мнѣ главою;
И слезъ горючія струи,
Сіявшихъ утренней росою,
Катились изъ ея очей;
И зарождался звукъ рѣчей
Въ устахъ ея полуоткрытыхъ,
Огнистымъ пурпуромъ налитыхъ;
И въ неразвившейся рѣчи
Мнѣ чувство сердца было слышно;
И розамъ устъ, разцвѣтшихъ пышно
Въ разоблачавшейся ночи,

Коснуться жаркими устами
Восторженный я былъ готовъ.......

Вдругъ звуки дивныхъ голосовъ
Съ нагорья пронеслись надъ нами;
И Зоя, блѣдная, дрожа,
На зовъ небесной благодати
Исторглась изъ моихъ объятій,
Какъ изъ-подъ остраго ножа.
«Мать! мать!» упавши на колѣни,
Она воскликнула въ слезахъ.
И мнѣ при звукахъ пѣснопѣній
Запалъ священный въ сердце страхъ;
Казалось, ангельскіе хоры
На небѣ пѣли. Поднявъ взоры,
Увидѣлъ свѣтъ я въ вышинѣ,
Мелькнувшій въ небольшомъ окнѣ,
Откуда вылетали звуки,
Врачующіе сердца муки.

А Зоя?... О, для ней тогда
Земля съ страстьми была чужда.
Какимъ спокойствіемъ сіяло
Ея невинное чело!

Какъ на душѣ ея свѣтло
Съ той памятной минуты стало!

Не даромъ вырвалось у ней
Къ почившей матери воззванье;
Въ немъ отозвáлось прежнихъ дней
Отрадное воспоминанье.
Она предъ восходящимъ днёмъ
Завѣтный этотъ гимнъ пѣвала
Съ своею матерью вдвоёмъ,
И въ душу рай перезывала.
Казалось, это былъ для ней
Призывъ къ желанному покою,
Къ пріюту, чуждому скорбей
И бурь житейскихъ подъ луною.

Оставивъ Зою въ челнокѣ
Съ ручательствомъ отъ ней завѣтнымъ,
Съ святою книгою въ рукѣ,
Я по тропинкамъ чуть замѣтнымъ
Иду, иду и—наконецъ,
Пробравшися черезъ стремнины,
Достигъ нагорной я вершины.

Ты самъ, недавній здѣсь пришлецъ,
Самъ знаешь, какъ мнѣ было трудно
Проникнуть въ этотъ мрачный скитъ.

Иду; кругомъ все дико, скудно.
Меня смутилъ пустынный видъ.
И тамъ и сямъ — лишь подземелья.
Я далѣ, — предо мною келья.
Я подошелъ; смотрю въ окно;
Въ ней скромный храмъ; къ востоку въ храмѣ
Полусвѣтло, полутемно, —
Онъ, какъ въ туманѣ, въ ѳиміамѣ.
Въ немъ нѣсколько смиренныхъ лицъ
Предъ алтаремъ простертыхъ ницъ;
Онѣ, челомъ поникнувъ долу,
А духомъ къ Божію престолу, —
На небеса небесъ, — паря,
Молитвой теплою молились.
Гляжу, и двери отворились
Таинственнаго алтаря.

Служенье кончилося; кто-то
Случайно заглянулъ въ окно;
И все собранье смущено,

У всѣхъ тревожная забота;
Невольно сжалися сердца:
Всѣхъ появленье пришлеца
Нежданнаго перепугало
Опасностію небывалой.
Служитель Божій лишь одинъ,
Движеній сердца властелинъ,
Призванья своего достойной,
Не возмутился; онъ спокойно
Сошелъ съ ступеней алтаря
И, двери храма отворя,
Впустилъ меня.
« Кто здѣсь Мелетій?
Спросилъ я.
— Онъ передъ тобой;
А это—кругъ семейный мой,
Въ отвѣтъ мнѣ старецъ,—это дѣти
Духовные мои...... Кто бъ ни былъ,
Откуда бъ, сынъ мой, ты ни прибылъ,—
Благословляю твой приходъ:
Бѣжавшій отъ земныхъ заботъ,
Ты, вѣрно, приведенъ къ намъ Богомъ. —
« Да будетъ свитокъ сей залогомъ

Довѣрья межъ тобой и мной! »
Въ отвѣтъ я старцу.
Мужъ святой,
Взявъ свитокъ у меня завѣтной,
Безмолвно развернулъ, взглянулъ;
И взоръ его яснѣлъ примѣтно,—
Минувшее онъ вспомянулъ.
Но мигъ,—и радость измѣнилась;
Съ рѣсницъ его слеза скатилась;
И, руки на груди скрестя:
« Миръ праху твоему, дитя!
Ты кончила свой путь далёкой,
Испивъ до дна скорбей фіалъ......
Тебя не стало! онъ сказалъ;
Ты тамъ теперь, дитя! высоко!...
Гдѣ жъ дочь? »
— Она не вдалекѣ,
Тамъ, подъ горою въ челнокѣ.—
Я наскоро съ нимъ объяснился,
И въ путь обратный, и чрезъ часъ
Съ усталой Зоей возвратился.
Онъ у порога встрѣтилъ насъ
И обласкалъ, и обнадежилъ

Спокойствіемъ грядущихъ дней,
И долго взоръ на Зоѣ нѣжилъ, —
Онъ видѣлъ мать живую въ ней.

Откинувъ кудри золотые
Отъ свѣтлаго ея чела,
Онъ перенёсся въ дни былые,
Когда всей прелестью цвѣла,
Какъ цвѣтъ Эдема, Доротея,
Для царства Божіяго зрѣя.
Ему почившей было жаль;
Но передъ бѣдной сиротою
Онъ въ сердцѣ таилъ печаль
И тайно стеръ слезу рукою.

Давно ужъ разгорѣлся день;
Сонливую замѣтивъ лѣнь
Движеній нашихъ: «Время, дѣти,
Вамъ отдохнуть, сказалъ Мелетій;
Я отведу по гроту вамъ.
Мы чужды нѣгъ въ пріютѣ скромномъ;
Тебѣ готово ложе тамъ,
Сказалъ онъ мнѣ, въ томъ гротѣ тёмномъ,
Изъ свѣжихъ пальмовыхъ листовъ.

Оно немного жестковато;
Но, при́нявъ сироту подъ кровъ
И долгъ любви исполнивъ свято,
Ты безмятежнымъ, сладкимъ сномъ,
Какъ на пуху, уснешь на нёмъ.»

Что́ въ этой похвалѣ мнѣ лестной?
Несчастный, я ее купилъ
Разлукой съ Зоею прелестной.

Простясь съ ней взорами, вступилъ
Я въ гротъ, печальный, какъ могила,
На ложе жосткое прилёгъ
И долго глазъ сомкнуть не могъ;
Какъ червь тоска меня точила
Въ разлукѣ съ спутницей моей,
И только тонкая дремота
Коснулася моихъ очей
И—отлетѣла.

Я изъ грота
Къ Анахорету; мужъ святой
У столика, въ тѣни густой,
Отъ пальмъ далеко вкругъ разли́той,
Сидѣлъ за книгою раскрытой;

У ногъ покоилась сайга́,
Закинувъ на̀ спину рога́.

Нежданной простоты картина
Растрогала меня до слёзъ;
Я втайнѣ сердца дань принёсъ
Смиренію христіанина.
То ль у Египетскихъ жрецовъ?
Тамъ гордость и ко всѣмъ презрѣнье;
Здѣсь скромность и ко всѣмъ любовь:
Тамъ самость; здѣсь самозабвенье.

« Такъ вотъ, подумалъ я съ собой,
Та чудодѣйственная вѣра,
Предъ коей шаръ дрожитъ земной!...
Святилище ея—пещера,
Верховный жрецъ—анахоретъ,
Сокровище—святая книга,
А утѣшеніе—обѣтъ
Свободы отъ земнаго ига!...»

Ужь было половину дня;
Пустынникъ угостилъ меня
Трапезой подъ открытымъ небомъ:

Снятые прямо съ древъ плоды,
Сотъ мёда ароматный съ хлѣбомъ,
Да чаша ключевой воды—
И весь тутъ былъ избытокъ брашенъ.
Но, чуждый роскоши, простой,
Умѣренный обѣдъ мой скрашенъ
Бѣсѣдой мудреца святой.

Коснувшися предметовъ вѣры,
Онъ вдохновился, какъ пророкъ,
И въ свѣтлый край меня увлёкъ
Изъ темной міра атмосферы.
Безмолвный я ему внималъ
И дивный сонъ припоминалъ.

«Не здѣсь ли, думалъ я съ собою,
Безсмертья тайнѣ предо мною
Разоблачиться суждено?...»
И животворное начало,
Ученья чистаго зерно,
Мнѣ въ сердце съ той поры запало.

Напрасно, устремляя взоръ
Къ отшельнику, я покушался

Завесть о Зоѣ разговоръ;
Онъ отъ земнаго уклонялся;
Онъ всё ужь отъ нея узналъ, —
И кто я, и чего искалъ.
Питая духъ мой пищей новой
До самаго заката дня,
Объ ней, безстрастный, хоть бы слово,
Чтобы порадовать меня.

Онъ всталъ и о́бъ-ру́ку со мною
Пошелъ. И вотъ мы подъ горою;
Предъ нами дремлющій каналъ;
У берега челнокъ стоялъ.
Садимся; веслы зашумѣли;
Плывемъ по мелководью къ цѣли,
И доплыли.
«Вотъ твой пріютъ,
Твое спокойное жилище!
Все нужное ты сыщешь тутъ:
Тебѣ насущной будутъ пищей
Изъ сада моего плоды,
Питьемъ — ближайшій ключъ нагорный;
А это, сынъ мой, животворный,

Безсмертный студенецъ воды!
Здѣсь дышетъ райская прохлада,
Здѣсь миръ душевный и отрада
И укрѣпленье слабыхъ силъ!»

Проговорилъ и положилъ
Пустынникъ книгу предо мною,
И въ чолнъ обратною стезёю.

3.

Когда послѣдній взмахъ весла
Мелькнулъ надъ сонными водами;
Мнѣ грусть на сердце налегла,
И слезы брызнули струями.

Давно ль я въ нѣгѣ утопалъ?
Давно ль мнѣ жизнь была услада?
Давно ль я шумно пировалъ
Съ веселыми Друзьями Сада?...

И вотъ теперь я какъ въ гробу!..
Кругомъ безжизненныя степи.
Кого винить? людей? судьбу?
Но не они ковали цѣпи;
Я самъ сковалъ ихъ для себя.
Кипучей страстію любя
Прелестную Изиды жрицу,

Для ней въ безбрежную темницу
Степей себя я заключилъ;
Для ней, изгнанникъ добровольной,
Отъ жизни я бѣжалъ привольной
И свѣтъ забылъ... И чтожъ купилъ
Цѣною жертвы столь великой?
Пріютъ въ пустынѣ мрачной, дикой!

За чѣмъ мнѣ было прибѣгать
Къ безплодной хитрости, къ обманамъ?
Я прибавлялъ лишь раны къ ранамъ.
Когда бъ я могъ ее видать,—
Все бъ легче, все бъ отраднѣй было;
Но будущее не сулило
И этого душѣ моей,—
Я думать только могъ о ней.

Но заглянувъ въ пріютъ мой новый,
Угрюмый, пасмурный, суровый,
И, волю давъ моимъ слезамъ,
Пошелъ бродить я по степямъ
Безъ думъ настроенныхъ, безъ цѣли.

Передо мной пески бѣлѣли
Да кой-гдѣ блёклая трава;

Ни гдѣ живаго существа;
Надъ мною неба сводъ мѣдяной
И солнца шаръ, какъ пламя, рдяной.
Казалось, то́ была,—гроза
Нечестья,—страшная комета,
Предтеча разрушенья свѣта...
Въ испугѣ я закрылъ глаза.

Но поздно; солнце заходило
За выси отдаленныхъ горъ.
Я въ свой пріютъ спѣшу унылой;
Гляжу,—и, смутный прежде, взоръ
Зажегся радостью живою,—
Въ пещерѣ разливался свѣтъ.
«Такъ есть еще здѣсь жизни слѣдъ!»
Проговорилъ я самъ съ собою.

Вхожу,—въ пещерѣ пустота
Безжизненная разлита;
Въ ней тускло теплится лампада
Предъ книгой, вскрытой на столѣ.
Я къ книгѣ съ грустью на челѣ;
Гляжу,—нежданная отрада:
На вскрытой книгѣ крестъ лежитъ,

Тотъ самой, что́ въ завѣтной кельѣ
Съ такимъ я жаромъ лобызалъ.

Я понялъ, кто на новоселье
Мнѣ этотъ даръ святой принесъ;
Въ восторгѣ, тронутый до слезъ
Заботливымъ ко мнѣ вниманьемъ,
Я жаркимъ осыпалъ лобзаньемъ
Знакомый крестъ, живой символъ
Святой любви, надежды, вѣры,—
И не пугался ужь пещеры;
Казалося, какъ садъ разцвѣлъ
Пустынный край передо мною.

Я слился съ Зоею мечтою
И вспомнилъ данный ей обѣтъ;
И совѣсть у меня проснулась,
Сошелъ на душу горній свѣтъ,—
Тревожной благодать коснулась.

И повторивши про себя
Обѣтъ свой, я рѣшился твёрдо,
О бренныхъ благахъ не скорбя,

От самости отречься гордой...
И чтó безъ Зои было въ нихъ?

Какъ памятенъ мнѣ этотъ мигъ!
Въ немъ зрѣло сѣмя возрожденья
Для ржавѣвшей въ грѣхахъ души.

Взявъ книгу съ чувствомъ умиленья,
Я нáчалъ чтеніе въ тиши
И, не сводя съ ней взоровъ жадныхъ,
Далёко зá полночь читалъ.
Какъ много мѣстъ я въ ней встрѣчалъ,
Для сердца и ума отрадныхъ!

Къ чему мнѣ было проникать
Въ Египетскія пирамиды?
Я истины искалъ, какъ тать,
Хотѣлъ сорвать покровъ съ Изиды;
Но тщетно,—истина не тамъ,
Она невѣдома жрецамъ;
Она—въ предвѣчной Книгѣ жизни,—
Вотъ гдѣ къ ней вѣрный путь и ближній!

Я жаждалъ тайну разгадать

Безсмертія,—и съ ней печать
Снята; мнѣ все святая книга
Открыла; и съ души моей,—
Печальной плѣнницы страстей,—
Сомнѣнье спало, какъ верига.

И сонъ опять на мысль мнѣ вспалъ.
«Такъ вотъ зачѣмъ на берегъ Нила
Меня таинственная сила
Влекла!» я самъ себѣ сказалъ.
Забывшися дремотой краткой
Предъ занимавшейся зарёй
За книгою заповѣдной,
Я пробужденъ былъ пѣснью сладкой;
Ту пѣснь я помню наизусть;
Она на слезы вызывала;
Въ ней плѣнныхъ Іудеевъ грусть
Невыразимая дышала.

Я съ ложа жосткаго вскочилъ
И слухомъ трепетнымъ ловилъ
Отзывы пѣсни заунывной.
О, какъ хотѣлось отличить

Мнѣ въ хорѣ Зои голосъ дивной
И сердца зной имъ прохладить,
Какъ прохлаждаетъ зной кипучій
Степей вечерняя роса,
Иль сѣнь раскинувшейся тучи!
Но скоро стихли голоса
И замерли въ зыбяхъ эѳира.
Свѣтало; я за книгу вновь,
И полонъ былъ святаго мира;
Спокойнѣй билась въ сердцѣ кровь;
Оно, казалось, растворилось;
Въ немъ что-то дивное творилось,
Чего постигнуть я не могъ;
Ему тогда сказался Богъ.
Глубоко погрузившись въ чтенье,
Я чувствовалъ перерожденье.
Часы бѣгутъ, часы летятъ;
И близокъ солнца былъ закатъ.
Я всталъ; задумчивые взоры
Окинули каналъ и горы.
Смотрю, — наставникъ мудрый мой
Плыветъ въ ладьѣ съ своей сайгóй,
Впивавшей вѣтерокъ вечерній.

Я къ старцу межъ кустами терній;
Онъ сходитъ нá берегъ съ ладьи.
Мы, какъ родные, какъ свои,
Въ восторгѣ отъ нежданной встрѣчи.
Мы поднялися на утесъ,
И тамъ, подъ кровомъ у небесъ,
Потокомъ полилися рѣчи.
Его бесѣда мнѣ была
Бесѣдой ангела отрадной;
Я взоровъ отъ его чела
Не могъ отвесть, внимая жадно
Восторженнымъ его рѣчамъ,
Вэносившимъ душу къ небесамъ.
Разговорившійся о вѣрѣ,
Наставникъ мой въ своей былъ сферѣ;
Окинувъ взоромъ дикій край
И указавъ мнѣ на Синай,
Едва виднѣвшійся въ туманѣ,
Какъ островокъ на океанѣ:

« Всмотрись, сказалъ онъ, въ эту даль!
Тамъ Іудейскому народу
Дана заповѣдéй скрижаль. »

И, давши полную свободу
Своимъ рѣчамъ, онъ предо мной
Развилъ законъ обрядово́й.
Коснувшися его значенья,
Онъ приподнялъ слегка покровъ
Съ глубокой тайны искупленья.

« Богъ есть премудрость и любовь,
Онъ продолжалъ, и нѣтъ имъ мѣры.
Мой сынъ, какъ умъ твой ни далёкъ
Въ Божественномъ ученьи вѣры;
Но все еще ты мотылёкъ,
Не вышедшій изъ хризолиды.
Настанетъ лучшая пора,—
Съ очей твоихъ спадетъ кора;
И ты, презрѣвъ земные виды,
Душою къ небу воспаришь.
Не даромъ ты пустыни тишь
Избралъ убѣжищемъ на время.
Здѣсь разовьется вѣры сѣмя
Въ очищенной душѣ твоей
И благотворнѣй и прочнѣй.
Трудись въ Христовомъ вертоградѣ,

Не мысля о земной наградѣ, —
Она въ твоемъ трудѣ святомъ!»

Тутъ, осѣнивъ меня крестомъ,
Онъ далъ мнѣ поцѣлуй прощальный;
И я назадъ, въ свой гротъ печальный.
Вхожу, — лампада тихій свѣтъ
По прежнему въ немъ разливала,
И книга передъ ней лежала;
Та книга — Новый былъ Завѣтъ;
На ней знакомое распятье.
Я понялъ, кто её принесъ,
И вновь растрогался до слезъ,
И вновь душѣ моей занятьѐ.

Вся ночь по прежнему безъ сна
За чтеніемъ проведена.
Забывшись легкою дремотой,
Я просыпаюсь на зарѣ,
И къ книгѣ съ сладкою заботой;
И вновь душа паритъ горѣ.

Такъ проводилъ я дни и ночи;
И новый міръ передо мной

Разоблачался той порой,
Чаруя умственныя очи.
Какъ прежде при закатѣ дня
Мелетій навѣщалъ меня;
Бесѣдуя съ Анахоретомъ,
Я райскимъ озарялся свѣтомъ.

Ужь болѣ мѣсяца прошло,
Какъ заключился я въ пустынѣ,
А Зои не было въ поминѣ;
Мнѣ становилось тяжело.
Однажды я Анахорета
Отважился спросить о ней.
Онъ нé далъ на вопросъ отвѣта;
Но кроткій свѣтъ его очей
Съ надеждою меня освоилъ
И духъ тревожный успокоилъ.
Еще два долгихъ дня прошло,—
Опять мнѣ стало тяжело.

Былъ вечеръ; солнце догарая,
Златило коймы небокрая.
Я передъ гротомъ отдыхалъ

И воздухъ вечера прохладный,
Разширивъ грудь, въ себя впивалъ.
Вдругъ слышится призывъ отрадный:
«Аполлодоръ! Аполлодоръ!»

Я взоръ простёръ на выси горъ,
И что же? На вершинѣ стоя,
Наставникъ добрый мой и Зоя
Меня и кличутъ и манятъ.
Я къ нимъ, они ко мнѣ спѣшатъ;
Минута,—мы сошлись всѣ трое.

Приникнувъ страстнымъ взоромъ къ Зоѣ,
Я таю, млѣю и дрожу
И словъ при ней не нахожу.
Она какъ роза покраснѣла
И дѣтской радости своей
Скрывать предъ старцемъ не хотѣла.

Я не сводилъ съ нея очей....
Какъ шло и бѣлое къ ней платье,
И золотое на рукѣ
Кольцо, и лиліи въ вѣнкѣ,
И на груди въ лучахъ распятье!

«Ты, вижу, сынъ мой, удивлёнъ...
Она въ одеждѣ обновленья;
Надъ ней сегодня совершёнъ
Таинственный обрядъ крещенья.
Наступитъ часъ,—и надъ тобой
Свершитъ его Христовъ служитель,»
Промолвилъ мнѣ пустынножитель.

О, я готовъ, отецъ святой!
Отвѣтъ мой былъ Анахорету;
Я вѣренъ своему обѣту.
Была сомнѣнія пора,
Когда блуждалъ я въ тьмѣ грѣховной;
Но спала съ глазъ моихъ кора;
Мнѣ въ душу свѣтъ проникъ духовной...
Да! я готовъ, отецъ святой!—

Тутъ бросилъ взоръ я огневой
На Зою; Зоя оробѣла,—
Она блѣднѣла и краснѣла;
И свѣтлою росой у ней
Восторга сладостныя слёзы
Катились тихо изъ очей
На лиліи ланитъ и розы.

« Пора любовь вамъ увѣнчать !
Сказалъ растроганный Мелетій;
Скорѣй мнѣ руки ваши, дѣти !
Да осѣнитъ васъ благодать !
Вы обручилися сердцами;
Я обручаю васъ кольцомъ
И повершу союзъ вѣнцомъ,
Когда, Аполлодоръ, струями
Крещенья освятишься ты.
Не вамъ въ роскошномъ жизни цвѣтѣ
Въ пустынѣ жить,—вамъ рвать цвѣты
Невинныхъ наслажденій въ свѣтѣ. »

О, какъ тогда былъ счастливъ я!
Въ какомъ восторгѣ утопала
Свѣтлѣвшая душа моя!
Я пилъ изъ полнаго фіала
Блаженства чистую струю.
Кругомъ дышало все святыней;
И, пересозданный, въ пустынѣ
Я жилъ какъ въ Божіемъ раю.

По вечерамъ въ своей пещерѣ
Я довоспитывался въ вѣрѣ ;

Но лишь раждающійся день
Снималъ съ небесъ ночную тѣнь,—
И объ руку съ Анахоретомъ
Невѣста въ мой являлась гротъ ;
И милыхъ мнѣ гостей приходъ
Свѣтилъ душѣ эдемскимъ свѣтомъ.

Бывало, сидя на горѣ
И мыслію носясь горѣ,
Святому старцу мы внимаемъ,
Не сводимъ съ устъ его очей
И ловимъ каждый звукъ рѣчей
И въ глубь сердецъ переливаемъ.

VIII.

**

Аполлодоръ вступаетъ въ бракъ съ Зоею. Оркъ, верховный Египетскій жрецъ, испрашиваетъ у римскаго правительства указъ на преслѣдованіе христіанъ въ Египтѣ. Смерть Мелетія. Зоя, до окончательнаго приговора, отведена въ темницу съ вѣнкомъ изъ корольковъ на головѣ, который въ подобныхъ случаяхъ возлагался на обвиняемыхъ въ христіанствѣ. Оркъ, чтобы вѣрнѣе погубить ее, напитываетъ вѣнокъ ядомъ. Аполлодоръ у Зои въ темницѣ. Смерть Зои. Аполлодоръ посѣщаетъ Аѳины, раздаетъ свое имущество бѣднымъ христіанамъ и возвращается на Саидскія горы. Арета разсказываетъ ему исторію своего обращенія въ христіанство.

1.

Я былъ у пристани своей...
Женихъ невѣсты христіанки,
И самъ христіанинъ, при ней
Забавы свѣта и приманки
Я съ памяти своей стиралъ.

Я все нашелъ, чего искалъ.
Забывши суету земную,
Запрялъ я новой жизни нить
Изъ шелка съ золотомъ свитую;
О чемъ же было мнѣ грустить?

Но что́ такое счастье въ мірѣ?
Мгновенный метеоръ въ эѳирѣ;
Мелькнетъ, — и слѣдъ его изчезъ.
Удѣлъ безгорестныхъ небесъ —
Оно въ юдоли слезъ мятежной
Не долговѣчно, не надежно.

Межъ тѣмъ, какъ бракъ насъ ожидалъ,
По временамъ я посѣщалъ
Сосѣдній городъ Антиною.
Однажды утренней порою
Я прихожу туда, и чтожъ?
Въ тревогѣ застаю весь городъ.
По жиламъ пробѣжала дрожь,
И о́бдалъ страхъ меня какъ холодъ....
И было отъ чего, мой другъ:
По го́роду носился слухъ,
Что христіанамъ угрожало
Гоненье. Я стрѣлой назадъ
Несусь; дыханье замирало,
Катился потъ по мнѣ какъ градъ.

Я понялъ, по чьему навѣту
Готовилася вѣрнымъ казнь.

От Зои скрывъ свою боязнь,
Я все открылъ Анахорету.
Онъ не смутился. Взоровъ ясность
И миръ души его святой
Закрыли отъ меня опасность.
Мы всѣ вечернею порой
Сошлись по общему условью
Въ мой гротъ; украшенный любовью,
Для насъ онъ съ Зоей былъ въ тотъ разъ
Пышнѣй, роскошнѣе чертога.

« Во имя Трисвятаго Бога
Благословляю, дѣти, васъ!
Съ сихъ поръ не вѣдайте разлуки
Ни на землѣ, ни въ небесахъ!
Союзъ сердецъ—вѣнецъ всѣхъ благъ, »
Соединивши наши руки,
Сказалъ отшельникъ, и обрядъ
Надъ нами совершилъ вѣнчальный.

Онъ счастью нашему былъ радъ;
Но взоръ его, въ тотъ разъ печальный,
Не предвѣщалъ отрады намъ.
Я опечалился и самъ

От непонятнаго испуга;
А Зоя, а моя супруга....
Она вся—счастіе была,
Живой восторгъ и упоенье,
Когда, принявъ благословенье,
Мнѣ первый поцѣлуй дала;
И все на свѣтѣ позабыла,
Все, кромѣ счастья—быть моей;
И, разступись подъ ней могила,
Она бъ не думала о ней.

Исполнились мои надежды!
Она моя! она моя!
Чего же болѣ мнѣ?... и я,
Закрывъ на будущее вѣжды,
Благословилъ свою любовь
И былъ на все для ней готовъ.

На небѣ темно-бирюзовомъ
Сіяла полная луна;
Кругомъ дышала тишина.
Мы, подъ таинственнымъ покровомъ
Росистой ночи, на скалѣ
Сидѣли—каждый полонъ думы.

Все, все—и видъ степей угрюмый,
И грусть у старца на челѣ—
Встревожило мнѣ душу снова.
Отшельникъ долго ни полслова...
Вотъ, взоръ остановивъ на насъ,
Онъ говорливѣй сталъ немного.

« Разлуки нашей близокъ часъ;
Мы скоро жизненной дорогой
Разрознимся, онъ молвилъ намъ....
Что́ нужды? мы сойдемся тамъ,
На небесахъ, въ селеньяхъ рая....
Что́, дѣти, наша жизнь земная?
Жилище горестей и слёзъ:
Въ ней много терній, мало розъ,—
И розы въ ней не лучше терній;
Въ ней мало свѣта, много тьмы...
Тамъ будемъ сча́стливѣе мы,—
Тамъ свѣтъ сіяетъ невечерній...
Да, дѣти, мы сойдемся тамъ
И будемъ невечернимъ свѣтомъ
Дѣлиться,—я увѣренъ въ этомъ. »

Тутъ взоръ поднявши къ небесамъ,

Святымъ восторгомъ оживленный,
Свелъ рѣчь благочестивый мужъ
На сочетанье въ небѣ душъ
И говорилъ какъ вдохновенный.
Мы съ Зоей въ слухъ одинъ слились,
Безмолвные ему внимали,
Другъ другу руку пожимали
И будто въ рай перенеслись....

«Но поздно, дѣти; время къ гроту;
Да осѣнитъ васъ благодать!...
О завтрешнемъ не помышлять!
Оставимъ дню его заботу!»
Вздохнувъ, сказалъ Анахоретъ,
Предчувствовавшій близость бѣдъ.
«Господь все къ лучшему устроитъ;
Онъ васъ утѣшитъ, успокоитъ...
Пріосѣни васъ мирный сонъ
Въ святомъ пріютѣ мѣстъ пустынныхъ,
Какъ нашихъ праотцевъ невинныхъ
Пріосѣнялъ въ Эдемѣ онъ!»

Но не сбылись его желанья;
Не полелѣялъ сонъ меня,

На ложе брачное маня:
Мнѣ снились муки, истязанья
И кровь текущая изъ ранъ
Казнимыхъ смертью христіанъ.

Вставъ рано и простясь съ женою,
Я въ челнъ скорѣй и—въ Антиною
Несусь по лону водъ. И вотъ
Въ предмѣстьи я; тамъ все спокойно;
И вотъ у городскихъ воротъ.
Вдругъ слухъ мой гамъ и крикъ нестройной
Свирѣпой черни поразилъ;
Какъ ножъ онъ въ сердце мнѣ вонзилъ.

Я къ площади спѣшу народной
И—путь себѣ пробилъ свободной.
Передо мною трибуналъ,
Кругомъ толпа необозрима;
И вотъ прочтенъ указъ изъ Рима.

О, что́ я слышалъ, что́ узналъ!
Поклонникамъ Христа гоненье
Объявлено, и ужъ мечи
Точили молча палачи...

Ужасно вѣроизступленье!
Я видѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ
Влеклися къ трибуналу жертвы;
Я слышалъ, ни живой, ни мертвый,
Подъ пыткой адскою ихъ стонъ
И хохотъ черни раздраже́нной,
Коварнымъ Оркомъ подожженной.

Онъ самъ, какъ Фурія, сидѣлъ
Подъ балдахиномъ трибунала,
И радость злобная сіяла
Въ его глазахъ; злодѣй глядѣлъ,
Какъ тигръ ливійскихъ странъ пустынныхъ,
На истязанья жертвъ своихъ,
Какъ агнцы, кроткихъ и невинныхъ.

Опомнившись, я въ тотъ же мигъ
Назадъ горячею стопою,
Какъ обезумѣвшій, бѣгу.
Я былъ уже на берегу
Предъ легкою своей ладьёю
И, задыхаясь, заносилъ
Въ нее трепещущую ногу;
Какъ вдругъ мнѣ всадникъ заградилъ

Мечемъ сверкающимъ дорогу.
Всѣмъ, всѣмъ его я заклиналъ
И умолялъ; но непреклонной
Мнѣ не внималъ и отослалъ
Назадъ меня подъ стражей конной.

Какъ все невѣрно здѣсь для насъ!..
Еще бы часъ,—и я бы спасъ
Жену,—мы отъ погони грозной
Сокрылись бы въ степяхъ.... Но поздно!...

Меня къ трибуну отвели;
Онъ, какъ нарочно, отлучился.

Я ожиданіемъ томился;
Минуты медленно текли,
И каждая изъ нихъ вонзала
Мнѣ въ сердце острее кинжала.

При мысли—въ горы отряжёнъ
Съ когортою центуріонъ—
Я цѣпенѣю,—дыбомъ волосъ.

Проходитъ часъ, другой,—и вотъ
Мнѣ говорятъ: трибунъ идётъ!

Дверь настежь, и раздался голосъ:
« Аполлодоръ! »
Я поднялъ взоръ,
И улыбнулась мнѣ отрада;
То́ былъ адептъ мой съ давнихъ поръ,
Усердный посѣтитель Сада,
Богатый римскій гражданинъ,
Прибывшій прямо изъ Аѳинъ
Въ Египетъ.
Я съ нимъ объяснился,
Простился и къ ладьѣ пустился;
Какъ обезумѣвшій, бѣгу,
И скоро былъ на берегу.
Я сѣлъ въ ладью, запѣнилъ влагу,
Проплылъ чрезъ Нилъ; спѣшу къ оврагу;
Вступилъ въ каналъ и былъ у скалъ
И взоромъ свой пріютъ ласкалъ.

Но вдругъ, — о, ужасъ! предо мною
Широкодонная ладья
Съ вооруженною толпою....

О Боже, Боже мой!... и я
Остался живъ, увидѣвъ Зою

Съ Мелетіемъ между толпою?...
О, сколько разомъ въ сердце мукъ!

Я, помертвѣлый, весь страданье,
Едва перевожу дыханье,—
И веслы выпали изъ рукъ,
Душа отъ тѣла отдѣлялась.
Но только-что моя ладья
Съ ладьей враждебной поравнялась,—
И, призванный для бытія
Какой-то силой непонятной,
Какъ вихрь вторгаюсь въ кругъ я ратной
И, мечъ схвативши изъ ноженъ
У первовстрѣчнаго, безстрашно
Готовлюсь къ битвѣ рукопашной.

Что̀ пользы? я былъ пораженъ,
Обезоруженъ, брошенъ въ волны.

Испуганной супруги крикъ,
Невыразимой муки полный,
Глубоко въ сердце мнѣ проникъ....
Не разъ я въ волны погружался,
Не разъ всплывалъ изъ-подъ воды, —

За мной кровавые слѣды.
Но, какъ до берега добрался,
И долго ли на берегу
Лежалъ, припомнить не могу.

Очнувшись, обвожу я взоры
Кругомъ себя; вездѣ уборы,
Какъ во дворцѣ; и тамъ и сямъ
Въ альковахъ вазы; по мѣстамъ
И группы статуй и картины
Напоминали мнѣ Аѳины
И мой роскошный домъ въ саду.

На все смотрѣлъ я какъ въ бреду;
Но, на чело занесши руку,
Воспоминанія бужу
И растворяю въ сердцѣ муку:
У друга въ домѣ я лежу,—
Онъ спасъ меня, зачѣмъ, не знаю;
Мнѣ съ Зоей жизнь была красна,—
Безъ ней она, какъ адъ, мрачна. .

Межъ тѣмъ какъ я припоминаю
Былое, входитъ въ мой покой

Услужливый хозяинъ мой,
Трибунъ, мой другъ, мой добрый генiй.
« Что́ съ бѣдной Зоею моей?
Жива ль? избѣгла ли мученiй?
Спросилъ я; о, скажи скорѣй!»
—Она жива! отвѣтъ былъ друга. —
« Жива! »
И съ ложа я привсталъ,
Не помня своего недуга.
— Спокойся, другъ! онъ продолжалъ;
Ее спасти еще возможно....—
« Возможно!... Что́ ты говоришь?»
— Ей сто́итъ помириться лишь
Съ своею совѣстью тревожной
И жертву принести богамъ,
Отрекшись отъ Христовой вѣры. —
« Нѣтъ, это не возможно намъ!»
— Другой къ спасенью нѣтъ ей мѣры. —
« А что, скажи, Анахоретъ?»
— Его уже на свѣтѣ нѣтъ!—
Я зарыдалъ; мнѣ было больно
Услышать роковую вѣсть.

Онъ разсказалъ, какъ жрецъ крамольной,
Давно питавшій въ сердцѣ месть,
Кровавой пыткой наслаждался,
И какъ спокойно разставался
Съ земною жизнью мужъ святой.
« Давно, прибавилъ другъ, съ войной
Я свыкся и, въ бояхъ жестокихъ,
Видалъ всѣ образы смертей,
Недосягаемо высокихъ;
Но благороднѣе, святѣй,
Возвышеннѣй его кончины
Не видывалъ; хоть бы единый
Изъ устъ его исторгся вздохъ.
Иной бы вынести не могъ
И зрѣлища подобныхъ пытокъ;
А онъ,—весь чувствъ святыхъ избытокъ,
Самъ жертва мукъ,—спокоенъ былъ...
Не умеръ онъ, а сномъ почилъ. »
— А Зоя? а моя супруга?—
Спросилъ я торопливо друга.
« Ты слишкомъ нѣжныхъ сердца струнъ
Коснулся, мнѣ въ отвѣтъ трибунъ;
Она, какъ женщина, сначала

Въ мучительной съ собой борьбѣ
Терзалась, плакала, рыдала—
Не о себѣ, но—о тебѣ;
Но только-что ей палачами
О вѣрѣ предложёнъ вопросъ,—
И нѣтъ въ очахъ ни капли слёзъ;
Она слилася съ небесами.
Съ какимъ спокойствіемъ она
Произнесла: Я христіанка!
Ея прелестная осанка,
Роскошной юности весна
И рѣчь, какъ ручейка журчанье,
Всѣхъ тронули до слезъ; и крикъ:
« Спасите милое созданье!»
Какъ гулъ валовъ, въ толпѣ возникъ.
Лишь Оркъ, несчастныхъ жертвъ мучитель,
Настаивалъ на казнь ея,
На смерть; но, какъ одна семья,
Народъ и самъ градоправитель
Рѣшилися ее спасти.
Теперь она пока въ темницѣ;
Чтó будетъ съ завтрашней денницей,
Не знаю ? »

— О, скорѣй свести
Меня туда—къ моей супругѣ!...
Не откажи мнѣ, другъ, въ услугѣ. —

Израненный, я изнемогъ,
И двухъ шаговъ ступить не могъ;
Меня въ носилки посадили
И до темницы проводили.
При мнѣ мой другъ, мой ученикъ;
И безъ труда я съ нимъ проникъ
Межъ стражей въ глубину темницы.

Была ужь ночь; жена моя,
Закрывши томныя зеницы,
Въ какомъ-то мракѣ забытья
Главой склонилася на ложе.
Я взоры къ ней... о Боже, Боже!
Какъ измѣнилася она!
Гдѣ эти на ланитахъ розы?
Гдѣ эта лилій бѣлизна?
Подумалъ я,—и градомъ слёзы
Изъ глазъ моихъ; въ устахъ нѣтъ словъ.

На полумертвой, тяготѣя, —

Насмѣшка адская злодѣя, —
Лежалъ вѣнецъ изъ корольковъ.

Занесши на́ голову руку:
«Здѣсь боль! Здѣсь чувствую я муку!»
Чуть внятно говоритъ она...

— Ты ль это, милая жена? —
Воскликнулъ я.
И крикъ испуга
Изъ груди вырвался у ней.

«Тебя ли, милаго супруга,
Въ темницѣ вижу я своей?...
Ты живъ!... О, я такаго чуда
Не ожидала.... Убѣжимъ,
Скорѣе убѣжимъ отсюда!...
О, будь спасителемъ моимъ!»

И, смолкнувъ, въ забытьи припала
На грудь она ко мнѣ главой
И судорожно указала
Мнѣ на вѣнецъ свой роковой.
«Что́, Зоя, что́, мой другъ, съ тобою?
Испуганный, воскликнулъ я.

И, пробудясь отъ забытья,
Она дрожащею рукою
Вкругъ шеи обвилась моей
И наклонилась къ изголовью.
Казалося, одной любовью
Душа еще держалась въ ней.

« Такъ это не мечта, мой милый ?
Ты живъ еще, безцѣнный другъ ?...
Пока не всѣ изсякли силы
И не убилъ меня недугъ,
Дай мнѣ съ тобой наговориться
И наглядѣться на тебя !...

Я, другъ, не узна́ю себя;
Не знаю, что́ со мной творится...
Вотъ этотъ на челѣ вѣнецъ
Пророчитъ близкій мнѣ конецъ....
Увидимъ ли хоть разъ мы горы,
Гдѣ озарилъ насъ Божій свѣтъ ?...

Къ чему ?... Мелетія тамъ нѣтъ;
Вступившій въ ангельскіе хоры,
Онъ ждетъ, зоветъ и насъ туда...

Придетъ и наша, другъ, чреда...
Такъ что же? мы съ тобой готовы;
Не даромъ же вѣнецъ терновый
Лежитъ на головѣ моей...
Онъ жжетъ... Но какъ его сниму я!
Съ нимъ въ рай вступлю я торжествуя.»

Тутъ замеръ гласъ въ устахъ у ней.

Вперивши взоръ въ нее печальной,
Я руку приложилъ къ коральной
Повязкѣ, къ этому вѣнцу.
Отъ ней какъ будто жаромъ пышетъ,
И грудь дыханьемъ смерти дышетъ;
По синеватому лицу
Холодный потъ и пятна съ кровью.
И, вздрогнувши, я къ изголовью
Страдалицы упалъ безъ силъ,
Безъ чувствъ въ припадкѣ огневицы.

2.

Свѣтало; первый лучъ денницы
Страданья наши освѣтилъ.
Павъ на колѣна, я на ложе
Облокотился предъ женой
И, самъ недужный, на сторожѣ
Стоялъ у ней полуживой....
Она проснулася, взглянула
И, взоръ остановивъ на мнѣ:
« Когда жъ отсюда мы? шепнула;
Скажи,—мы здѣсь наединѣ, —
Скажи одно несчастной слово,
Дадутъ ли ей увидѣть свѣтъ?»
— Дадутъ ли? О, сомнѣнья нѣтъ,
Когда съ рѣшимостью готовой
Исполнишь ты, чего хотятъ.—

« Чего хотятъ ?... Нѣтъ! невозможно ! »
Воскликнула она тревожно.

— Чтó значитъ, другъ, пустой обрядъ?
На торжищѣ стоятъ кумиры ;
Брось въ жертву имъ полгорсти мирры,
И ты отъ смерти спасена.—

« На что же клятва мной дана
Быть вѣчно вѣрной Іисусу?...
Не подвергай меня искусу,—
Не буду вѣроломной я. »

— Но совѣсть передъ Нимъ твоя
Чиста, а за обрядъ ничтожной
Передъ жрецами вѣры ложной
Нашъ Богъ, нашъ милосердый Богъ,
Не будетъ на судѣ къ намъ строгъ. —

« Но для чего же къ лицемѣрью
Постыдному намъ прибѣгать ?
За чѣмъ давать торжествовать
Надъ чистой вѣрой суевѣрью ? »

— Но имъ ты жизнь свою спасёшь.—

« Чѣмъ ? лицемѣрьемъ ? Ложь, все ложь,
Все грѣхъ, измѣна Іисусу.

Не подвергай меня искусу!
Нѣтъ, милый другъ! обѣтъ мой святъ!
Не принуждай меня напрасно
Постыдный совершить обрядъ...
Мнѣ быть измѣнницей!... ужасно!...
Ты говоришь: я жизнь спасу,
Какъ скоро въ жертву принесу
Кумирамъ мирру... Боже, Боже!
Что̀ слышу я?... и отъ кого?..
Я жизнь спасу!... и для чего?..
Для міра!... Въ мірѣ мнѣ дороже
Всѣхъ благъ одна любовь твоя;
Но и ее такой цѣною
Купить не соглашуся я...»

— И ты безроднымъ сиротою
Меня покинешь на земли?—

«Покину? нѣтъ! и тамъ, въ дали,
Въ предѣлахъ радостнаго рая,
Однимъ тобою мысль питая,
Не разлучусь съ тобою, другъ;
И тамъ ты будешь мой супругъ...
Всмотрися въ эти два залога,—

Въ два обручальныя кольца...
Пріявши ихъ во имя Бога,
Въ одно сліяли мы сердца,
И нѣтъ уже для нихъ разлуки
Ни на землѣ, ни въ небесахъ....
Но меркнетъ свѣтъ въ моихъ очахъ...
Здѣсь, подъ вѣнцомъ, слились всѣ муки...
Мнѣ смерть въ темницѣ суждена,
Вздохнувъ прибавила она...
Не поведутъ меня на плаху...
А поведутъ, и тамъ безъ страху,
Не посрамивши христіанъ,
Какъ первомученикъ Стефанъ,
Предамъ я духъ мой Богу въ руки.»

Тутъ замеръ гласъ въ ея устахъ,
Какъ замираютъ арфы звуки
На опустившихся струнахъ.
Она мнѣ на́ руки упала,
И, какъ лампада, догорала
Страдальческая жизнь ея.
Челомъ приникши къ изголовью,
Искалъ въ слезахъ отрады я;

*

Но сердце обливалось кровью,
И ни одной слезы не могъ
Я выдавить изъ груди сжатой.
Вотъ вижу, — ужасомъ объятой,
Ко мнѣ трибунъ черезъ порогъ.

« Все кончено! вздохнувъ глубо́ко,
Сказалъ онъ мнѣ, — твоя жена...
Боюсь сказать... отравлена́.»

Тутъ умыселъ жреца жестокой
Онъ предо мной разоблачилъ:
Убійца ядомъ напоилъ
Вѣнецъ страдалицы коральный.

Дослушавши разсказъ печальный,
Я за вѣнецъ; снимаю, рву;
Все тщетно! впившися въ главу,
На перекоръ моихъ усилій
Не отдѣлялся онъ отъ ней,
Не слушался руки моей.

Страданья Зою пробудили;
Она въ наземной сторонѣ,
До перехода къ жизни новой,

Въ послѣдній разъ хотѣла мнѣ
Завѣтное повѣрить слово
И—не могла; ея уста
Молчаніе запечатлѣло;
Взыскалась своего креста
Рукой полуоцѣпенѣлой,
Нашла, съ груди его сняла
И мнѣ, вздохнувъ, передала
Съ сомнѣніемъ и упованьемъ.

Святой залогъ, какимъ лобзаньемъ
Я осыпалъ тебя предъ ней!
Она восторженныхъ очей
Съ моихъ движеній не сводила,
И міръ и муки позабыла,
Смотря съ улыбкой на меня
И будто въ рай съ собой маня
Неизмѣняемымъ обѣтомъ.
Она, казалось, разцвѣла
Въ часъ смерти и небеснымъ свѣтомъ, —
Какъ авреолъ вокругъ чела
Лучи разлившимъ,—просіяла;
Когда жъ налегъ на сердце хладъ,—

Изъ устъ повѣялъ ароматъ,
Какъ изъ Маріина фіала.
На грани новой бытія
Незримо Ангелы къ ея
Страдальческому изголовью
Приникли съ братскою любовью.

3

Я съ Зоей все похоронилъ,
Чѣмъ свѣтъ мнѣ красенъ былъ и милъ;
Душа все къ ней рвалась, летѣла
Изъ мрачнаго земли предѣла.
Добыча жалкая скорбей,
Съ денницы до другой денницы
Я плакалъ у ея гробницы,
Не отирая слезъ съ очей
И не сходя съ ея могилы.

Но скоро истощились силы,
И посѣтилъ недугъ меня.
Въ бреду, въ приливѣ огневицы,
И ночью и при свѣтѣ дня
Являлись страшныя мнѣ лицы:
У трибуналовъ палачи,—

Въ рукахъ сѣкиры и мечи, —
И самъ Египта жрецъ верховный,
Какъ Фурія, сухой, безкровный.

Откинувъ жреческій покровъ,
Зубами въ жертвы онъ впивался
И запекавшуюся кровь
Высасывалъ.
Я отвращался,
Но призракъ былъ неотразимъ;
И на землѣ и въ самомъ адѣ
Встрѣчался взорамъ онъ моимъ
Съ змѣиной злобою во взглядѣ.

По́рою, — былъ ли это бредъ
Разстроеннаго воображенья,
Душевнаго страданья слѣдъ
И слѣдъ тѣлеснаго мученья, —
Порой заглядывалъ я въ адъ
И видѣлъ длинный, безконечной,
Неисчислимый грѣшныхъ рядъ
Въ жилищахъ муки вѣковѣчной.

Порой, когда недугъ слабѣлъ,

Носился въ райскій я предѣлъ
И видѣлъ тамъ однажды Зою.
Она, прекрасная и здѣсь,
Цвѣла тамъ новою красою;
И живы у меня по-днесь
Ея черты въ сіяньи рая.
Святымъ рѣчамъ ея внимая,
Я забывалъ земную грусть;
Онѣ блаженство навѣвали
И скорби сердца врачевали,—
И помню ихъ я наизусть.

«Мой другъ! она мнѣ говорила,
Ты все еще грустишь о мнѣ.
Ты знаешь,—я тебя любила
И тамъ, въ наземной сторонѣ;
И здѣсь, гдѣ счастье безмятежно,
Люблю тебя все также нѣжно.

О чемъ грустить? утѣшься, другъ!
Когда бъ ты зналъ, какъ здѣсь мнѣ сладко!
Теперь не плоть, теперь я духъ;
И то́, что́ было тамъ загадкой

Неразрѣшимою для насъ,
Раскрылось здѣсь передо мною.

О чемъ грустить? Наступитъ часъ, —
И ты, какъ я, простясь съ землёю,
Перенесешься въ міръ духовъ,
И вѣковѣчная любовь,
Любовь невинная, святая,
Въ одно сольётъ насъ въ царствѣ рая..»

— Ахъ, Зоя, отвѣчалъ я ей,
Ты Ангелъ, какъ тебѣ не вѣрить?
Но если бъ ты могла измѣрить
До дна всю глубину скорбей,
Мое блаженство погубившихъ
И цвѣтъ надеждъ моихъ убившихъ! —

«А что́ Господь намъ завѣщалъ?...
Терпѣнье, добрый другъ, терпѣнье!
Допей свой на землѣ фіалъ,
И—вступишь въ райское селенье.
Не ввѣрь зерна землѣ, —оно
Безплодно пролежитъ одно;
Повѣрь его браздѣ холодной, —
И не умретъ оно безплодно....

Ты вѣришь сочетанью душъ?..
Не даромъ праведный намъ мужъ
Твердилъ о немъ передъ разлукой;
Нашъ бракъ, свершенный имъ, порукой
Надеждъ на вѣчный нашъ союзъ...
Не расторгай священныхъ узъ,
Соединившихъ насъ съ тобою,
И съ незапятнанной душою
Иди къ предъизбранной метѣ.»

Она умолкла и сокрылась
Въ недостижимой высотѣ.

Уже денница золотилась;
Я пробуждаюся; душа,
Святынею небесъ дыша,
Очистилась и просвѣтлѣла;
Страданія души и тѣла
День ото дня слабѣй, слабѣй,—
И скоро одръ болѣзни брошенъ.

Я къ жизни возвращенъ .. Чтó въ ней ,
Когда у ней такъ рано скошенъ
Прелестный, лучшій изъ цвѣтовъ, —
Моя жена,—моя любовь?

Покинувши Саида горы,
Я долго по́ свѣту бродилъ;
Мои Аѳины навѣстилъ,
Мой садъ, пріютъ Дріадъ и Флоры.
Въ саду, какъ прежде, все цвѣло;
Въ Аѳинахъ все, какъ прежде, шло;
Какъ прежде, страсти волновались,
Какъ прежде, люди упивались
На шумномъ пиршествѣ земномъ
Съ увитымъ розами челомъ.
А я?... я,—какъ сосудъ разбитый,
Заброшенный и позабытый,—
Я лишній былъ въ пиру людей;
Смирилися страстей порывы,
И ласки славы и зазывы
Не трогали души моей.

Друзья день ото дня рѣдѣли,
Бесѣдки сада сиротѣли
И опустѣли наконецъ.
Я былъ не прежній ихъ мудрецъ,
Не проповѣдникъ сладострастья;
На новой грани бытія

Не принималъ ужь болѣ я
Въ веселыхъ пиршествахъ участья;
Стократъ пріятнѣй было мнѣ,
Въ тѣни деревъ, наединѣ
Бесѣдовать съ самимъ собою;
Или, занявшися судьбою
Моихъ собратій по Христу,
Сыскать, пристроить сироту,
Утѣшить горькую вдовицу
И щедродатную десницу
Бездомной нищетѣ открыть,
Не дать ей умереть безъ крова,
И жаждущихъ Христова Слова
Струями жизни напоить.

Дарами счастія богатый,
Я двери отворилъ для нихъ
Въ роскошныя мои палаты;
И каждый часъ и каждый мигъ
Мнѣ какъ-то легче становилось;
И сердце радостію билось,
Какой я прежде не знавалъ,
Когда съ друзьми пировалъ.

И скоро всѣ мои богатства
Я расточилъ на пользу братства;
И не жалѣю,—ихъ Христу,
Руками нищихъ, я передалъ, —
Онъ, милосердый, заповѣдалъ
Намъ призирать на нищету.

Я все сказалъ тебѣ, Арета.
Не нужный болѣе для свѣта,
Покинулъ я свой край родной,
И доживаю сиротой
Здѣсь, передъ урной погребальной,
Остатокъ дней моихъ печальной.»

4.

Дни шли; друзья между собой
Вели по прежнему бесѣды.
Арета, жизни боевой
Коснувшись, про свои побѣды
Разсказывалъ; его разсказъ
Живой, но скромной, безъ прикрасъ,
Невольно увлекалъ вниманье.

« И мзда за все тебѣ—изгнанье!...
И это свѣтъ! и это Дворъ! »
Вздохнувъ, сказалъ Аполлодоръ,
Когда окончилъ рѣчь Арета.

— Не обвиняй Двора и свѣта!
Ареты скромный былъ отвѣтъ;
Не ими изгнанъ я изъ Рима;
Я самъ оставилъ Дворъ и свѣтъ.

**

Ты знаешь, другъ, что діадима
Лежитъ на лучшемъ изъ царей,
Что не она, а онъ для ней,
Краса и слава; Маркъ Аврелій,
Рожденный для высокой цѣли,
Необычайный человѣкъ...
Да! если бы по немъ былъ вѣкъ,
Чего бы намъ не доставало?
Теперь густая всюду тьма,
Тогда бы солнце возсіяло
Для омраченнаго ума;
Пришло бы царство благодати,
На міръ дохнула бы любовь;
И мы бы, усмиривъ враговъ,
Облобызали ихъ какъ братій.
Душа Аврелія чиста,
Онъ самъ—живая правота,
И дышетъ только благомъ Рима;
А между тѣмъ повсюду зрима
Несправедливость; Римъ—вертепъ
Грабительства, любостяжанья,
И честность—проситъ подаянья,
У ней насущный о́тнятъ хлѣбъ.

Нашъ Императоръ не по вѣку,
Какъ жалкій вѣкъ нашъ не по нёмъ;
И суждено мнѣ, какъ обре́ку,
Пройти путь жизни подъ крестомъ.—

« За чѣмъ тебѣ, Арета, было
Бѣжать отъ свѣта и Двора?
Ты много могъ принесть добра
Съ своей при Государѣ силой;
Вы другъ для друга рождены,—
Вы доблестьми души равны. »

— О, можетъ быть; но Маркъ Аврелій,
Какъ я, какъ ты, какъ всѣ мы, плоть.
Когда бъ судилъ ему Господь
Сойти въ струи святой купѣли;
У насъ сочувствія сердецъ
Ни самъ бы адъ не уничтожилъ.
Онъ, міра дольняго мудрецъ,
Для горней мудрости не о́жилъ;
Высокій доблестью земной,
Разрозненъ вѣрой онъ со мной.
Не намъ, а Богу, въ дѣлѣ вѣры
Судить людей; мы лицемѣры,—

И судъ нашъ, можетъ быть, не правъ;
Но за нее въ немилость впавъ
У Государя по навѣту,
Я и плоды моихъ трудовъ,
И все, что̀ принялъ отъ отцовъ,
Отдалъ завистливому свѣту.

Былъ годъ несчастный,—три бича:
Зараза, голодъ, саранча,
По волѣ неба, поражали
Италію. Во дни печали
Упалъ еще надъ Римомъ бичъ:
Сарматы, Маркоманны, Квады
Опустошали наши грады.

« На брань! На брань! » раздался кличъ;
И, вырываясь изъ объятій
Супругъ, дѣтей и матерей,
И старъ и младъ къ знамёнамъ рати
Спѣшатъ, летятъ на пиръ мечей.
Монархъ, ввѣряя мнѣ дружину,
Ввѣрялъ отчизны мнѣ судьбину;
И смѣло я врагамъ въ отпоръ...
Не скоро ласковый къ намъ взоръ

На битвахъ счастіе склонило;
И Римъ смотрѣлъ на насъ уныло.
Упавшій духомъ, онъ смягчалъ
Боговъ обрядомъ лектистерній.
Въ то время свѣтъ мнѣ невечерній
Съ небесъ таинственно сіялъ:
Въ моей дружинѣ было много
Новокрещенныхъ христіанъ,
Извѣстныхъ мнѣ по жизни строгой,
И красенъ ими былъ мой станъ.
Они, бывало, передъ битвой,
Какъ пищей, укрѣпясь молитвой,
Выходятъ въ строй,—и врагъ дрожитъ,
Волнуется, бѣжитъ, разбитъ,—
И приближался день побѣды.
Въ досуги съ ними я въ бесѣды
Медоточивыя вступалъ
И въ душу рай перезывалъ.

Ты знаешь самъ, какъ Божье Слово
Небесно-сладко для души;
И, напитавшись имъ въ тиши,
Дышалъ и жилъ я жизнью новой.

Но въ Римѣ ожидало насъ —
Меня и лучшихъ изъ дружины —
Не торжество, не славы гласъ...

Мой другъ, ты видывалъ картины
Гоненія на христіанъ...
Онѣ живописались снова
На радость злобную Римлянъ.
Ужь казнь для насъ была готова
По наущенію жрецовъ:
Несчастье Рима намъ вмѣняли,
Не чтившимъ жертвами боговъ;
Аврелій, робкій въ дни печали,
Поколебался, и — указъ
Опалой поражаетъ насъ.
Монархъ меня не пре́далъ въ руки
Неумолимымъ палачамъ,
Я избѣжалъ кровавой муки;
Но братьямъ, но моимъ друзьямъ,
Сіявшимъ доблестью высокой,
Другое суждено: одни
Окончили въ мученьяхъ дни,
Другіе странствуютъ далёко.

Покинувъ Дворъ, оставивъ свѣтъ,
Подъ скромный скрылся я наметъ
Съ дѣтьми и доброю женою,
Дѣлившей радости со мною,
Дѣлившей и печаль мою;
И жилъ я съ нею какъ въ раю.
Но Господу угодно было
Насъ искушеньемъ посѣтить,—
И вотъ одинъ передъ могилой
Я жизни допрядаю нить.

IX.

Въ Александріи, по прекращеніи гоненія на христіанъ, все пришло въ прежнее положеніе; Лелій и Делія занялись богоугодными дѣлами. Молва о ихъ христіанскихъ подвигахъ далеко распространяется, и братія ихъ по вѣрѣ при невзгодѣ находятъ подъ кровомъ ихъ надежное убѣжище. Обстоятельства приводятъ въ домъ ихъ Лидію, скрывавшую свое имя. Черезъ нѣсколько времени являются къ нимъ ея дѣти. Полидоровы приключенія.

1.

Въ Александріи все смирилось;
Не возстаютъ на христіанъ, —
И сердце ихъ покойнѣй билось;
Имъ долгій, сладкій отдыхъ данъ,—
И Лелій выступаетъ снова
На проповѣдь Христова Слова;
И разливается оно
Потокомъ смертному на благо;
И много душъ напоено
Его спасительною влагой.

Съ друзьями и женой своей
Въ свободныя отъ дѣлъ минуты
Для бѣдныхъ, старцевъ и дѣтей
Устроиваетъ онъ пріюты.

Но христіанская любовь,
Пріемля страждущихъ подъ кровъ,
Благотвореньемъ не играла
И лѣни пищи не давала;
Она вступающимъ въ пріютъ
По силамъ назначала трудъ:
Вдова ходила за больными,
Глядѣвшій въ гробъ—училъ дѣтей,
И лаской взоровъ и рѣчей
Питалъ къ наукамъ страсть межъ ними.

Благочестивая чета
Трудилася неутомимо
Во славу имени Христа,
И Ангелы надъ ней незримо,
Въ ночи, подъ кровомъ тишины,
Віяся, навѣвали сны,
Дышавшіе отрадой рая.

Однажды, солнце догарая,

Склонялося на лоно водъ.
Все тихо; вѣтръ не колыхнётъ
Вздремнувшей подъ росою вѣтки,
Не встрепенется листъ на ней;
Одинъ лишь звонкій соловей,
Надъ розой сидя у бесѣдки,
Поетъ счастливую любовь
И убаюкиваетъ пѣньемъ,
Переполнявшимъ сердце млѣньемъ,
Неоперившихся птенцовъ.

Супруги—Делія и Лелій—
Наслушавшися соловья,
Благоговѣньемъ къ Богу млѣли,
И благодарныхъ слезъ струя
Кропила теплыя ланиты.
Былыя горести забыты;
Лишь настоящее одно
Имъ памятно,—оно полно́
Какой-то сладости небесной.

«О, какъ въ природѣ все прелестно!
Промолвилъ Лелій; о, мой другъ,
Какъ возвышается нашъ духъ,

Когда, ее мы созерцая,
Въ ней видимъ отпечатокъ рая!...

И есть же люди на земли
Холодные!... для нихъ природа —
Все зримое вблизи, вдали:
И звѣзды, украшенье свода
Шатромъ раскинутыхъ небесъ;
Моря и горы и долины;
Цвѣтущіе сады и лѣсъ—
Всѣ эти дивныя картины —
Одинъ безжизненный хаосъ...
И могутъ же они безъ слёзъ,
Безъ этой дани сердца Богу,
Смотрѣть на міръ!... »
Межъ тѣмъ къ порогу
Подходитъ путница; она
Блѣдна, томна, изнурена;
Въ чертахъ проглядываетъ нѣга,
Оттѣнокъ прежней красоты.
« Откуда? Лелій ей; кто ты? »
— Я странница, — ищу ночлега, —
Вздохнувъ, она въ отвѣтъ ему.

« Переночуй у насъ въ дому,
Прервала Делія; мы рады
Тебѣ, какъ гостьѣ дорогой,
И намъ хоть каплею отрады
Пріятно духъ спокоить твой.
Переночуй у насъ сегодня;
А завтра, если хочешь ты,
И воля есть на то Господня,
Мы отъ сердечной полноты
Тебѣ, и какъ и чѣмъ лишь можемъ,
Во имя Господа поможемъ. »
— Вы христіане, вижу я....—
« О, да! мой другъ, къ чему скрываться?
Теперь намъ нечего бояться.
И мужъ и я, и вся семья—
Омылись мы въ святой купѣли,
И сердце въ насъ обновлено...
А ты, мой другъ, ты неужели
Язычница ?... намъ все равно,
Спокойся,—только лицемѣры,
Сроднившіеся съ духомъ тьмы,
Враги терпимости, а мы
Не смотримъ на различье вѣры,

Гдѣ нужно ближнему помочь,
Гдѣ крова ждетъ отъ насъ бездомный....
Прости, забудь вопросъ нескромный!
Но поздно; наступаетъ ночь;
Усни до утра безмятежно.»

И вотъ съ заботливостью нѣжной,
Съ величьемъ ангельскимъ чела
Она подъ кровъ ее ввела.

Уходятъ дни во слѣдъ за днями;
Гостепріимная чета
Благотвореньемъ занята;
Всѣ домочадцы за трудами.
У каждаго въ душѣ свѣтло;
Не прояснялось лишь чело
У странницы новоприбывшей,
Всѣ радости похоронившей.
Въ дому не знали, кто она
И отъ чего всегда грустна.
Пришедшая съ клюкой, съ котомкой,
Она, какъ прежде, незнакомкой
Таинственной для всѣхъ была.
И Делія у ней и Лелій,

Какъ ни хотѣли, не успѣли
Свести унынія съ чела.

Ухаживая за больными,
Она заботами своими,
Терпѣньемъ, кротостью души,
Молитвами въ ночной тиши
Всѣхъ въ умиленье приводила.
О новой вѣрѣ говорила....
Не говорила, нѣтъ, — она
Была ей дѣтски предана,
И свято чтимой многословью
Не приносила въ жертву, нѣтъ;
Она живой къ добру любовью
Въ дни счастья и въ годину бѣдъ
Свою оправдывала вѣру.

Въ желанную вступивши сферу,
Въ семейный кругъ Христовыхъ чадъ,
Она душою отдохнула.
Тоска по милымъ не уснула
Еще у ней, порой, какъ градъ,
Изъ сердца выжатыя слёзы
У ней катилися изъ глазъ.

Она рвала когда то-розы;
Но наступилъ невзгоды часъ,—
И не осталося ни тѣни
Былаго счастья, и, одна—
Безъ мужа, безъ дѣтей,—она
Идетъ по терньямъ искушеній....
И скоро ли ей суждено
Ступить на лучшую дорогу?...
Какъ знать грядущее? оно
Единому извѣстно Богу.
Нашъ долгъ—на горній зовъ идти
И, не щадя склоненной выи,
Къ своей Голгоѳѣ крестъ нести.

2.

Ночь. Тихо все въ Александріи;
Нѣтъ говора; смолкъ шумъ заботъ.
Луна задумчиво плывётъ
По небу темно-голубому.

Вотъ кто-то къ Леліеву дому
Подходитъ; подошелъ къ дверямъ;
Тихонько стукнулъ въ нихъ.
«Кто тамъ?»
Спросилъ привратникъ полусонной.
— Бездомный странникъ,—былъ отвѣтъ.
«Такъ поздно! Полночь.»
— Нужды нѣтъ!
И въ полночь Лелій благосклонно
Принять несчастнаго готовъ
Подъ свой гостепріимный кровъ. —

Привратникъ болѣе ни слова;
Открыты двери пришлецу;
Бездомный, сирый не безъ крова, —
И слезы перломъ по лицу.

На утро,—только день румяный
Разсѣялъ росу и туманы,
И засверкали, какъ кристалъ,
Разоблачившiяся воды, —
Пришлецъ предъ Лелiя предсталъ.

Его краса, младые годы,
И свѣтлый взоръ и свѣтлый умъ,
И не по лѣтамъ зрѣлость думъ—
Все было въ немъ необычайно;
И Лелiй съ Делiей, дивясь,
Съ пришельца не сводили глазъ;
И много, много голосъ тайной
О немъ душѣ ихъ говорилъ;
На мысль Арета приходилъ:
Осанка, поступь, рѣчи,
И мышцы крѣпкiя и плечи,
И благородныя черты,
И всѣ наружныя примѣты,

Казалось, были отлиты
Природой съ образца Ареты.
«Ты помнишь своего отца?»
У молодаго пришлеца
Спросила Делія.
— О, Боже!
Отца не помнить мнѣ?.. кого же
Я помнить буду?—онъ въ отвѣтъ.

Мнѣ шолъ десятый годъ, а брату
Исполнилось двѣнадцать лѣтъ,
Когда для нихъ я безъ возврату
Погибъ.... Не знаю, гдѣ они,
И живъ ли кто изъ нихъ, иль оба
Давно добычей стали гроба,
И вмѣстѣ ль, розно ль шли ихъ дни...

Я помню страшный часъ разлуки,—
И заглушить сердечной муки
Еще доселѣ не могу.

Однажды мы на берегу
Какой-то рѣчки безъимённой
Остановилися; для насъ,

Дѣтей, она была бездонной.
Я помню тотъ ужасный часъ,
Когда отецъ, собравши силы,
Взялъ на́ руки меня и—въ бродъ.
О, если бъ зналъ онъ, вѣчно милый,
Къ чему спасенъ я имъ отъ водъ!»

Тутъ онъ, закрывъ глаза руками,
Вздохнулъ, заплакалъ, зарыдалъ.
И Делія и Лелій сами
Растрогались и, какъ кристалъ,
Въ очахъ ихъ слезы заблистали.

«Ты сынъ Ареты, Полидоръ!»
Супруги радостно вскричали.....
Какъ вдругъ ихъ пре́рванъ разговоръ
Таинственною незнакомкой.
Она къ нимъ въ дверь, рыдая громко:
Два имени безцѣнныхъ ей
Влетѣли въ слухъ ея случайно.

«Ты здѣсь, любовь души моей!..
Не даромъ сердца голосъ тайной
Мнѣ говорилъ, что этотъ кровъ,
Что вы, мои по вѣрѣ братья,

Повѣсте мнѣ жизнью вновь.»
Она умолкла и въ объятья
Любимца сердца приняла.

Какъ умилительна была
Картина этого свиданья!
Забыты прежнія страданья,
И мать на сына, сынъ на мать
Въ безмолвьи сладостномъ смотрѣли;
И долго, долго словъ сыскать
Они въ восторгѣ не умѣли.

Восторги первые прошли;
И стала рѣчь у нихъ развязнѣй,
Живѣй, полнѣй, разнообразнѣй.

« Мнѣ и не снилось на земли
Сойтись съ тобою, сынъ мой милый....
О, какъ похожъ ты на отца!...
Увижу ли я до могилы
Другаго милаго птенца?
Прижму ли къ груди Каллимаха?
Сказала Лидія въ слезахъ.
Гдѣ онъ съ отцемъ? въ какихъ странахъ?
Не дай между надеждъ и страха

Мнѣ колебаться, Полидоръ?...
Но ты молчишь, потупивъ взоръ;
Знать смерть ихъ отняла у свѣта!»

— О, успокойся, добрый другъ!
Рѣчь на́чалъ Лелій; твой супругъ,
Недавній гость нашъ, твой Арета—
Онъ живъ.....—
«Онъ живъ!... А Каллимахъ?»
Спросила Лидія рыдая,
И замеръ гласъ въ ея устахъ.

Настала тишина нѣмая,
Какъ будто Ангелъ пролетѣлъ
И всѣмъ уста запечатлѣлъ.
Прошла минута; всѣ молчали
Вотъ тихо дверь отворена,
И вотъ два гостя имъ предстали,
Какъ сладкое видѣнье сна.

«Что́ вижу я, воскликнулъ Лелій;
Элеодоръ!... Какъ! неужели
Ты это?»
— Я.—

«А гдѣ Теонъ,
Твой добрый, старый твой родитель?»
— Родитель мой переселёнъ
Туда, въ небесную обитель. —
«О, успокой его Господь!
Онъ, бренную оставивъ плоть,
Счастливѣй тамъ, въ странѣ духовной!...
А это кто? не братъ ли кровной?»
— Нѣтъ, это другъ мой, Каллимахъ,
Одинъ изъ сыновей Ареты....—
«Мой Каллимахъ!! мой Каллимахъ!...
Исполнились мои обѣты!
Проговорила мать въ слезахъ.
Благодарю Тебя, мой Боже!
О, какъ Ты къ намъ ничтожнымъ благъ!...
Не даромъ я кропила ложе
Слезами скорби по ночамъ
И, простираясь у распятья,
Душой носилась къ небесамъ.»

Она умолкла и въ объятья
Другаго сына приняла.

Какъ изумительна была

*

Картина новаго свиданья!
Къ обыкшей знать однѣ страданья
Упало счастье какъ съ небесъ...

И мы, какъ древле Іудеи,
Какъ лицемѣры Фарисеи,
Отъ Бога требуемъ чудесъ!....
Не просимъ, требуемъ насильно,
Тогда какъ, въ благости обильной,
И каждый день и каждый часъ
И даже каждую минуту,
Онъ окружаетъ ими насъ.

Сегодня нѣтъ у насъ пріюту;
Сегодня корки хлѣба нѣтъ;
И мы и дѣти безъ одежды;
Не свѣтятъ въ будущемъ надежды;
Надъ головою тучи бѣдъ.
Но минетъ ночь, но день настанетъ,—
И къ намъ отрада вновь проглянетъ
И освѣжитъ насъ, какъ роса
Въ дни лѣта освѣжаетъ нивы;
И, отстрадавъ, мы вновь счастливы.

Насъ окружаютъ чудеса,
А мы, какъ древле Іудеи,
Какъ лицемѣры Фарисеи,
Мы, люди съ сердцемъ ледянымъ,
Ихъ видимъ и—не вѣримъ имъ.

3.

Въ алеяхъ Леліева сада
Дышала легкая прохлада;
Уснулъ на розѣ мотылёкъ
И благовонный вѣтерокъ
Его въ цвѣточной колыбели
Укачиваетъ, какъ дитя,
Легонько въ листьяхъ шелестя.
Въ алеяхъ Делія и Лелій
И гости и друзья сидятъ;
Надъ ними вьется виноградъ,
Спуская наливные грозды.

Ужь поздно; выплыла луна;
Зазолотились въ небѣ звѣзды
И воцарилась тишина.
Вдали, подъ тѣнію росистой

Густой акаціи душистой,
Журча журчаніемъ ручья,
Стихала пѣсня соловья
И чувства сердца волновала:
Она то радость, то печаль
Въ него волной переливала
И думы уносила въ даль.

Но смолкли сладостныя трели
Напѣвшагося соловья.

« Теперь начнется пѣснь твоя,
Сказалъ съ улыбкой легкой Лелій,
На Полидора взоръ склоня.»

— Ахъ, Лелій, не стыди меня!
Мнѣ ль распѣвать здѣсь Филомелой?—

« Но шутки въ сторону,—за дѣло!
Докончи утренній разсказъ.»

—Я помню тотъ ужасный часъ,
Какъ мой отецъ на берегъ вышелъ,
И снова—въ волны; какъ послышалъ
Мой крикъ, когда со мною левъ
Стрѣлой помчался въ чащу древъ....

О бѣдный, бѣдный мой родитель!
Чтó чувствовалъ ты въ этотъ мигъ?

Левъ далѣ; зовъ отца затихъ....
Я погибалъ.... Но мой Спаситель,
Господь мой, заградилъ уста
Свирѣпому недавно звѣрю...
Я вѣрилъ этому и вѣрю,
И этой вѣры простота
Со мной—благодаренье Богу!—
Сжилась, сроднилася, слилась;
Я съ нею и въ предсмертный часъ,
И занося въ могилу ногу,
Не разлучусь; безъ ней бы я
Погибъ въ разцвѣтѣ бытія.

Вотъ вижу я себя въ пещерѣ;
Вотъ львица лапу подняла.
Я вздрогнулъ, но, прибѣгнувъ къ вѣрѣ,
Творящей дивныя дѣла,
Скрѣпился.
Львица отъ занозы
Страдала, и, казалось, слёзы

Сверкали на ея глазахъ,
И сердце билося тревожно.

Я подавляю въ сердцѣ страхъ
И вынимаю осторожно
Занозу; и свирѣпый левъ,
Мгновенно стихнувъ, присмирѣвъ,
Не прикоснулся мнѣ; а львица,
Привставъ, меня, какъ сына мать,
Была готова обнимать.

Такъ Бога дивная десница
Спасла меня въ пещерѣ львовъ!...
И вспомнилъ я о Даніилѣ,
Какъ онъ, сошедшій въ львиный ровъ,
Былъ обреченъ уже могилѣ;
Казалось, смерть его ждала...
Но чистаго душой спасла
Въ часъ гибели живая вѣра.

Мрачна, тѣсна у львовъ пещера,
И могъ я задохнуться въ ней;
Закрадывалась въ грудь тревога.

Но я, предавшись волѣ Бога,
Жду первыхъ утреннихъ лучей.

Проходитъ ночь; зажглась денница;
Проснувшися, и левъ и львица
Выходятъ на обычный ловъ.
Я покидаю логовище
И пробираюсь межъ дерёвъ;
Иду и—вижу пепелище,
Пріютъ смиренный пастуховъ.
Я къ нимъ; они меня радушно
Ввели подъ свой печальный кровъ.

Мнѣ было между ними душно...
Я къ нуждамъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ:
Въ оазисѣ мы жили скудно,
Достатокъ нашъ былъ не великъ;
Но тамъ все было какъ-то чудно:
Тамъ, чѣмъ-то неземнымъ дыша,
Жила, цвѣла, росла душа;
А здѣсь ее все убивало,
И я по цѣлымъ днямъ бывало, —
И мать, и брата и отца,
И все, чтó было мнѣ любезно,

Припоминая,—плачу слезно,
И въ двѣ недѣли спалъ съ лица.

Хозяйка добрая, простая
Меня,—малютку сироту,—
Какъ мать, лаская, обнимая,
Вздохнетъ бывало, и мечту
Во мнѣ о матери пробудитъ.
Кто сердце позабыть принудитъ
Родныхъ по крови и душѣ?
Живи мы въ бѣдномъ шалашѣ,
Иль въ раззолоченномъ чертогѣ;
Все будутъ памятны они,
И милы лишь они одни.

Однажды всадникъ въ римской тогѣ
У нашей кущи проѣзжалъ
И—такъ случилось—въ это время
Коня уздою придержалъ,
Сошелъ съ сѣдла, поправилъ стремя
И снова вспрыгнулъ на коня.
Я, прислонясь, стоялъ у двери;
Онъ, взоромъ обѣжавъ меня:

« Я думалъ,—здѣсь живутъ лишь звѣри,
А не́-люди, сказалъ шутя.
« Кто ты, прелестное дитя?
Откуда? Неужели здѣшній?»

Я разгорѣлся; день былъ вешній,
Къ тому же стыдно стало мнѣ
Отъ похвалы излишне льстивой.
— Нѣтъ, я не въ здѣшней сторонѣ
Родился, отвѣчалъ я живо.—

Я былъ дитя, но отгадалъ,
Что онъ участье принималъ
Въ моей судьбѣ; мнѣ вобразилось,
Что онъ возьметъ меня съ собой;
И сердце у меня забилось
Струею крови огневой.
« Но ка́къ ты очутился въ кущѣ?
Тебѣ бы жить не здѣсь, мой другъ.»

Что́ слово, то́ отрада въ слухъ,
И сердце разыгралось пуще.
Я торопливо разсказалъ
Событья дней моихъ, какъ зналъ.
Онъ слушалъ, онъ былъ весь вниманье,

И въ навернувшихся слезахъ
Высказывалось состраданье.
Сосредоточась въ небесахъ,
Я втайнѣ Господу молился
И ожиданіемъ томился.
«Нѣтъ, не разстанусь я съ тобой,
Сказалъ мнѣ всадникъ молодой;
Не знаю только, ты готовъ ли
Въ мой домъ изъ-подъ пастушьей кровли?»
— О, я готовъ отъ всей души.
Чего мнѣ въ этой ждать глуши? —
Въ отвѣтъ я, прикоснувшись къ тогѣ.
Вотъ показался на порогѣ
Пастухъ и съ нимъ его жена.
«Ахъ, Полидоръ мой, что́ я слышу?
Ты покидаешь нашу крышу!»
Въ слезахъ промолвила она.
— Да, да! сказалъ я и смутился;
На се́рдце что-то налегло.
Межъ пастухами я томился, —
У нихъ мнѣ было тяжело;
Но не они ль ввели радушно
Меня бездомнаго въ свой кровъ?

И не умѣлъ сыскать я словъ
Предъ женщиной великодушной.

Прошло дней семь, и Алетей,
Спаситель мой, женѣ своей,
Прелестной, юной Теодорѣ,
Меня представилъ въ Акоторѣ.
Я въ ней нашолъ вторую мать
И провидѣніе второе.

О, какъ пріятно вспоминать
Мнѣ это время золотое!
Я снова óжилъ и разцвѣлъ.
Меня всѣ въ домѣ и ласкали
И нѣжили.
День зá день шолъ;
Я прежнія забылъ печали.
Одна тяжелая печаль
На сердцѣ у меня лежала,
Одна она меня снѣдала,
Какъ ржавчина снѣдаетъ сталь:
Я потерялъ отца и брата
И мать... Ужасная утрата!
И чѣмъ ее вознаградишь?

Бывало, лишь ночная тишь
Надъ спящимъ міромъ воцарится,
Я стану Господу молиться
И слезы пламенныя лью,
И дѣтски чистая молитва
Взволнованную грудь мою
Спокоитъ; но на утро битва
Съ скорбями снова возстаетъ.

Бывало въ мой покой войдетъ
Заботливая Теодора,
И лаской словъ и лаской взора
И состраданіемъ своимъ,
Дышавшимъ чувствомъ огневымъ,
Меня утѣшитъ, успокоитъ
И поцѣлуями покроетъ
Мое горячее чело;
И я при доброй Теодорѣ
Позабывалъ на время горе
И улыбался ей свѣтло,
Какъ небомъ посланному другу....
Она, на свѣтъ смѣнивши тьму,
Въ соблазнъ язычнику—супругу,
Молилась Богу моему.

**

4.

Промчались отрочества годы,
И юношей уже я сталъ;
Но все внушенію природы
Оземлененной не внималъ;
Порывы бурные любови
Моей не распаляли крови.

Видалъ плѣнительныхъ я дѣвъ,
Слыхалъ волшебный ихъ напѣвъ;
Но взоръ мой ими не плѣнялся,
Но слухъ въ напѣвъ ихъ не влюблялся.

Не презиралъ я красоты;
Она, какъ райскіе цвѣты,
Обворожаетъ сердце наше ;
Какъ въ чистомъ зеркалѣ, въ ней краше
Душа рисуется для глазъ;

Она перерождаетъ насъ
И, чѣмъ-то неземнымъ сіяя,
Возноситъ духъ въ предѣлы рая.

Я красоты не презиралъ;
Мила была мнѣ Теодора;
Бывало, не отвелъ бы взора
Отъ ней; но я, какъ сынъ, питалъ
Любовь къ ней чистую, святую.
Бывало я ее цѣлую;
Но каждый поцѣлуй былъ чистъ,
Какъ дѣвственной лилеи листъ,
Какъ вѣнчикъ розы благовонной,
Росою рая окроплённой...

Не навѣщай меня тоска
Съ восходомъ дня и на закатѣ
О матери, отцѣ и братѣ,
Не наводи, какъ облака,
На сердце свѣтлое мнѣ тѣни;
И былъ бы я счастливъ вполнѣ.
Меня лелѣялъ добрый геній
Въ наземной темной сторонѣ,
Звѣздой душѣ моей свѣтившей

И къ Господу руководившей,
Какъ, мира вѣстница, звѣзда,
Свѣтившая волхвамъ съ Востока.

Но здѣсь всему своя чреда,
Печаль и радость—все до срока.
По утру на душѣ свѣтло,
Къ полудню радость наша блёкнетъ,
А въ ночь—отъ слезъ подушка взмокнетъ.

Есть въ мірѣ нравственное зло,
Есть съ черною душой въ немъ люди;
Змій зависти приросъ къ ихъ груди
И въ сердце льетъ по каплѣ ядъ;
И, вѣчно блѣдные, сухіе,
Они тревожатся, скорбятъ
И мучатся, какъ духи злые,
При видѣ счастія другихъ.
Мнѣ было суждено ихъ видѣть,
Жить съ ними и страдать отъ нихъ.
Я не могу ихъ ненавидѣть,
Не долженъ,—я христіанинъ;
Но, юной церкви юный сынъ,
Простивъ, любить ихъ не умѣю.

Однажды входитъ къ Алетею
Любимецъ, давній рабъ въ дому,
И шепчетъ на́ ухо ему.
«Ты лжешь; неправда; невозможно!»
Воскликнулъ господинъ тревожно.

— А если ясно докажу,—
Въ отвѣтъ ему слуга коварный.
«Какъ! Полидоръ неблагодарный
Дерзнулъ!... о стыдъ!... Я накажу,
Я накажу его жестоко.....
И Теодора, и жена,
Забывшись, пала такъ глубоко!...»

— Виновенъ онъ, а не она.—
И снова между ними шопотъ.
У Алетея на устахъ
То вспыхнетъ, то затихнетъ ропотъ.
То слезы заблестятъ въ глазахъ,
То радость злобная проглянетъ;
Онъ то усядется, то встанетъ.

Но вотъ онъ стихнулъ и сказалъ:
«Чтобъ не дожить мнѣ до позора,
Избавь меня отъ Полидора.

Вода, веревка, ядъ, кинжалъ—
Мнѣ все равно,—одно условье:
Исполнить дѣло и молчать
Какъ гробъ, чтобъ даже изголовье
Про тайну не могло узнать.»

Есть люди странные на свѣтѣ,—
Они не злы и не добры;
Они бываютъ до поры
Предъ совѣстiю не въ отвѣтѣ.
Въ другое время нѣтъ для нихъ—
Вспылившихъ—ничего святаго;
И часто, часто губитъ мигъ
Плоды труда ихъ годоваго.
Они не скупы на добро;
Сегодня полными горстями
Они вамъ сыплютъ серебро;
Сегодня съ вами, какъ съ друзьями,
И ласковы и хороши;
А завтра холодъ ихъ души
Отъ нихъ отгонитъ васъ невольно.

За благодѣтеля мнѣ больно;
Но онъ, къ несчастью, былъ таковъ.

Вступивъ подъ кровъ гостепріимной,
Я Алетею за любовь
Платилъ любовію взаимной;
И чтожь? ревнивецъ, въ слѣпотѣ,
Повѣривъ черной клеветѣ,
Обидной для супружней чести,
Обрекъ меня на жертву мести;
И гибель надъ моей главой
На тонкомъ волоскѣ висѣла,
И смерть ужь мнѣ въ глаза глядѣла....
Но не дремалъ спаситель мой.

На утро, помню, день былъ чудной.
Я, Теодора, Алетей
Подъ склономъ пальмовыхъ вѣтвей
На луговинѣ изумрудной
Усѣлись мирною семьёй.

Плѣненный дивной красотой
Разоблачавшейся природы,
Я взоры погрузилъ свои
Въ лазоревые неба своды,
И благодарныхъ слезъ струи
Кропили теплыя ланиты.

Душою съ небесами слитый,
Я весь благоговѣнье былъ
И землю на землѣ забылъ.

Безмолвно Алетей угрюмый
Сидѣлъ, нахмуривши чело;
Въ немъ душу волновали думы,
На сердцѣ было тяжело,—
Не тѣшилъ онъ природой взора.

«Ты вѣришь, обратясь ко мнѣ,
Спросила живо Теодора,
Ты вѣришь снамъ?»
—Нѣтъ, не вполнѣ,—
Я, вслушавшись въ вопросъ, отвѣтилъ.
И на глазахъ ея замѣтилъ,
Какъ перлъ, двѣ крупныя слезы.

«Тебѣ не избѣжать грозы,
Произнесла она печально.
Мнѣ снилось въ нынѣшней ночи,
Что я въ одеждѣ погребальной
Шла за тобою...»
«Замолчи!»
Сказалъ ей мужъ и чуть не вспыхнулъ;

Но вдругъ опомнился и стихнулъ.

Мы вздрогнули.
Тутъ разговоръ,
Коснувшись новаго предмета,
Шолъ вяло.
«Слушай, Полидоръ!
Ты завтра съ Давомъ до разсвѣта
Отправишься въ недальній путь;
У насъ дѣла въ Геліополѣ,»
Прибавилъ Алетей, и болѣ
Ни слова. Эта вѣсть на грудь
Легла тяжелой мнѣ горою.

Мы разошлись. Остатокъ дня
Прошолъ печально для меня.

Простяся съ вечера со мною
Она—моя вторая мать—
Ушла въ тиши погоревать,
Поплакать въ свой пріютъ завѣтный.

Мнѣ не спалося,—сномъ ея
Невольно былъ встревоженъ я.

Насталъ и часъ передразсвѣтный,—
Я въ путь съ предателемъ моимъ.
Проходитъ день,—и мы у Нила
Тиховолнистаго стоимъ,
Гдѣ мнѣ готовилась могила.

Вступивши въ челнъ вдвоемъ съ рабомъ,
Мы по́плыли, держась низовья.

Челомъ коснувшись изголовья,
Я тонкимъ забываюсь сномъ.

Вотъ, чуткимъ надо мною слухомъ
Склонясь, злодѣй собрался съ духомъ
И—на́ бокъ челнъ; и я ужъ волнъ,
Зіявшихъ гибелью, коснулся.
Но, встрепенувшися, за челнъ;
Челнъ пошатнулся, Давъ споткнулся
И—въ воду; но его спасло
Въ рукахъ широкое весло.
Онъ съ нимъ ко мнѣ; какъ вдругъ изъ Нила
Сверкнули зубы крокодила
И—на него, и—въ лонѣ волнъ
Злодѣй нашолъ свою могилу.

Я вздрогнулъ и скорѣе въ чолнъ,
Схватилъ весло и—внизъ по Нилу.

Мнѣ было не́ зачѣмъ теперь
Въ Геліополь, и къ Алетею
На вѣкъ мнѣ затворилась дверь.
Не даромъ хитрому злодѣю
Повѣрилъ онъ мою главу.
И вотъ я далѣе плыву;
И вотъ ужь я въ Александріи;
И вотъ... Но длинный мой разсказъ
Оконченъ,—я сижу межъ васъ,
По крови и душѣ родные.»

У слушателей на очахъ
Сіяли слезы умиленья
И сладкаго благоговѣнья
Къ Непостижимому въ судьбахъ.

Но поздно; пѣтелъ встрепенулся
И полночь сонную пропѣлъ;
Всѣ разошлись; садъ опустѣлъ.

X.

Каллимахъ разсказываетъ событія своей жизни съ той минуты, какъ разлучился съ отцомъ. Элеодоръ, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ Александрію для искупленія изъ неволи Ареты, по неосторожности открываетъ сердечную тайну друга своего Каллимаха. Лидія благословляетъ его на бракъ. Приключенія Лидіи со дня ея разлуки съ мужемъ и дѣтьми. Арета возвращается вмѣстѣ съ Аполлодоромъ въ Александрію, гдѣ ожидали его жена, дѣти, Лелій, Делія и всѣ Александрійскіе христіане. Торжество христіанскаго училища въ Александріи.

На утро, день едва проснулся,
А мать уже среди дѣтей
Сидитъ, не сводитъ съ нихъ очей,
Глядитъ на нихъ,—не наглядится;
То къ жаркой груди ихъ прижметъ,
И словъ въ восторгѣ не найдетъ,
То ласточкой разговорится.

Она узнала отъ дѣтей,
Что́ было съ ними съ той минуты,

Когда, взятые изъ каюты,
Они въ слезахъ разстались съ ней.

Вотъ наступаетъ вечеръ новой,—
И тѣ же гости и друзья
Въ осыпанной росой перловой
Тѣни́, при пѣсняхъ соловья,
Сидятъ, и Каллимахъ межъ ними,
Какъ между близкими родными.
Они съ него не сводятъ глазъ,
И начинаетъ онъ разсказъ:

« На помощь бросясь къ Полидору,
Отецъ изъ глазъ моихъ пропалъ;
Я ждалъ его, я долго ждалъ
И горько плакалъ. Въ эту пору
Мелькнула не вдали змія;
И я, въ испугѣ, отъ нея
Бѣгу, несусь, лечу стрѣлою.
Змія, казалось, все за мною;
Я далѣ,—вотъ и лѣсъ; я въ лѣсъ.
Вдругъ, вижу, кустъ зашевелился;
Я прочь было́, но оступился
И— свѣтъ въ глазахъ моихъ изчезъ.

Подмостки, рухнувъ подо мною
Надъ звѣроловной западнёю,
Меня съ собою увлекли;
И я, коснувшися земли,
Упалъ безъ чувствъ какъ трупъ бездушной.

Что́ было послѣ, долго ль въ душной
Я западнѣ безъ чувствъ лежалъ,
Не знаю,—помню только живо,
Что я, очнувшися, привсталъ
И, осмотрѣвшись торопливо,
Не вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

«О Боже, Боже милосердый!
Вскричалъ я, волю давъ слезамъ,
Ты помощь наша, щитъ нашъ твердый;
Ты спасъ трехъ отроковъ въ печи....»

И слышу голосъ я отрадный:
«Кто бъ ни былъ ты, не трепещи!»

Я напрягаю слухъ мой жадный.
Вотъ кто-то, голову склоня
Надъ западнёй, спросилъ меня:

«Кто ты? какою здѣсь судьбою?»

— Дитя, испуганный зміёю;
Я отъ нея, что́ было силъ,
Бѣжалъ, бѣжалъ и—оступился, —
И вотъ я здѣсь, отвѣтъ мой былъ. —

Невѣдомый перекрестился,
Снялъ поясъ, опустилъ ко мнѣ;
И я уже не въ западнѣ.

« Благодарю, мой избавитель!
Невѣдомому я сказалъ;
Ты вновь мнѣ видѣть небо далъ....
Но гдѣ мой братъ? гдѣ мой родитель?»

— Не знаю, милое дитя,
Сказалъ онъ, посмотрѣвъ мнѣ въ очи
И руки на груди скрестя...
Пойдемъ ко мнѣ; ужъ время къ ночи;
Дорогой перескажешь мнѣ,
За чѣмъ ты въ этой сторонѣ,
Кто и откуда твой родитель.—

« А ты кто?» робко я спросилъ.

—Кто я, мой другъ?... пустынножитель,—
Съ улыбкой онъ проговорилъ.

И я, оправившись немного,
За нимъ, и разсказалъ дорогой
Про наше горе. Онъ вздохнулъ,
Перекрестился и взглянулъ
На небеса благоговѣйно.

Идемъ. Повѣялъ тиховѣйной —
Предтеча ночи—вѣтерокъ;
Мы все впередъ; вотъ огонёкъ
Мелькнулъ, сверкнулъ изъ подземелья.
Мы далѣ; передъ нами келья.

« Вотъ твой пріютъ до лучшихъ дней,
Вотъ скромная моя обитель! »
Склоняся подъ навѣсъ вѣтвей,
Промолвилъ мнѣ пустынножитель.

Отрясши прахъ съ усталыхъ ногъ,
Переступилъ я за порогъ.
Все въ кельѣ просто, но опрятно;
Кругомъ душистые цвѣты;
Мы атмосферой ароматной
Охвачены и облиты;
Въ сторонкѣ на столѣ распятье.

Мой избавитель Софронимъ
Склонилъ колѣна передъ нимъ.

«Молися, давъ мнѣ рукожатье,
Молись, дитя, промолвилъ онъ;
Ты нашимъ Господомъ спасёнъ...
Да! нашимъ Господомъ съ тобою;
И ты, какъ я, христіанинъ,
Я знаю; но скажи, мой сынъ!...
Нѣтъ, нѣтъ! пора тебѣ къ покою;
Ты, полусонный, призатихъ;
Не пересиливай дремоты.
Вотъ зелень, хлѣбъ и меда соты
На укрѣпленье силъ твоихъ!
Трапеза скудная, конечно,
Но голодъ утолитъ она.
А вотъ возглавница для сна, —
Усни, дитя, на ней безпечно.»

Минута, — и крестомъ меня
Съ молитвой теплой осѣня,
Онъ указалъ мое мнѣ ложе
Изъ свѣжихъ пальмовыхъ листовъ
И, воплощенная любовь,

Прилегъ, какъ будто на сторожѣ,
У двери своего жилья.

Проснувшись утромъ, вижу я,—
Предъ нимъ Евангеліе вскрыто;
Съ нимъ слйтый взоромъ и душой,
Весь, весь онъ помыслъ былъ святой,
И все земное имъ забыто.

Я былъ тогда еще дитя,
Но душу съ самой колыбели
Евангеліемъ освятя,
Когда мы съ братомъ чуть умѣли
Молитвы первыя читать—
Ты, ангелъ нашъ, ты, наша мать,
Тѣхъ дней блаженныхъ не забыла,
Съ млекомъ ты Словомъ насъ поила,—
Я самъ святымъ восторгомъ млѣлъ
И, умилившися, смотрѣлъ
Въ безмолвіи на Софронима,

. . . .

Окончивъ чтенье, Софронимъ
Вступаетъ въ разговоръ со мною.
Я не дичился, я душою
Какъ будто породнился съ нимъ.

« Вчера, сказалъ онъ, ты немного,
Не все мнѣ разсказалъ дорогой
И объ отцѣ и о себѣ
И о постигшей васъ судьбѣ;
Напуганный, ты былъ разстроенъ;
Теперь ты, кажется, спокоенъ.»

И я, не измѣнивъ лица,
Ему съ начала до конца
Пересказалъ, чтó зналъ о жизни,
О бѣгствѣ нашемъ изъ отчизны.

« А кто, дитя, отецъ твой былъ?
Онъ, выслушавъ меня, спросилъ;
Кто мать твоя?» и ждалъ отвѣта.

— Мать—Лидія, отецъ—Арета....—

« Чтó слышу!.. Боже, Боже мой!

Арета!.. Лидія!.. Постой!
Постой!» сказалъ пустынножитель,
Дай мысли мнѣ собрать въ одно.
Арета!.. онъ!.. мой предводитель!..
Я разлучился съ нимъ давно;
Но, сердцемъ и душой высокой,
Онъ въ памяти моей глубоко,
Глубоко, другъ, запечатлѣнъ:
Мы съ нимъ знакомы отъ пеленъ.
Друзья по вѣрѣ и по сѣчѣ,
Мы не разлучны были съ нимъ.
Гонимый, я оставилъ Римъ....
Я, видно, былъ ему предтечей....
За что и кто вашъ миръ смутилъ?»

— Не знаю, я ребенкомъ былъ,
Когда изъ Рима мы бѣжали;
Чуть помню, какъ мы всѣ рыдали,
Катились слезы какъ ручьи.... —

«Приди въ объятія мои,
Сынъ друга моего Ареты!
Тебѣ ли знать людей навѣты?...
Съ сихъ поръ ты сыномъ будешь мнѣ,

Пока въ безвѣстной сторонѣ
Отца мы твоего не сыщемъ...

Какъ горько! лучшій изъ людей
Скитается по свѣту нищимъ!
Дождемся ли мы красныхъ дней,
Когда, ликуя, добродѣтель
Сотрётъ порокъ съ лица земли?»
Вздохнувъ, сказалъ мой благодѣтель.

И вотъ мы по́ свѣту пошли
И много, много исходили
Степей и селъ и городовъ;
Но тщетны поиски всѣ были.

«Знать милыхъ намъ, какъ изъ гробовъ,
Не вызвать!» мы себѣ сказали,
И болѣ ихъ искать не стали.

Оставивъ келью, Софронимъ
Въ нее уже не возвращался.
Въ Геліополѣ онъ моимъ
Довоспитаніемъ занялся.
Нежданно встрѣтивъ друга тамъ,

Онъ въ домъ къ нему вступилъ со мною,
И сладко въ немъ жило́ся намъ.
Эвдоръ съ угодливой женою,
Съ своею Клеліей, давно
Омылися въ струяхъ купѣли;
Стремясь къ одной высокой цѣли,
Сердцами мы слились въ одно.

Владѣя родовымъ богатствомъ,
Эвдо́ръ считаетъ святотатствомъ
Не помогать избыткомъ благъ
Въ житейскихъ ближнему дѣлахъ.

Однажды, годъ тому, не болѣ,
Является въ Геліополѣ
Честно́й, искусный ювелиръ;
Не богачемъ пришелъ онъ въ міръ,
Но выдетъ богачемъ изъ міра
Съ своимъ искусствомъ и умомъ.

Узнавъ случайно ювелира,
Эвдоръ участье принялъ въ нёмъ;
И вотъ теперь, счастливый долей,
Въ кругу семьи, въ Геліополѣ

Живетъ онъ... Остальное самъ
Элеодоръ разскажетъ вамъ.»

И взоры всѣхъ къ Элеодору
Въ собраніи устремлены.

«Готовъ,—но лишь не въ эту пору;
Огни вездѣ погашены,
Безпечно спитъ Александрія,
Смутясь, сказалъ Элеодоръ.
Зачѣмъ на совѣсть братъ укоръ?
Зачѣмъ минуты золотыя
Мнѣ похищать у сна, у васъ?
Еще два слова: мой разсказъ
Незанимателенъ.»

— Нѣтъ нужды,
Сказала Делія; мы чужды
Всѣхъ притязаній. Начинай! —

2.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я съ отцомъ покойнымъ,
Жить въ памяти людей достойнымъ,
Покинувъ васъ, въ родной мой край
Съ благимъ даяньемъ возвратился,
Домашній бытъ нашъ улучшился;
Я принялся за ремесло,—
Оно довольство принесло
Съ радушной помощью Эвдора.
Есть тайна...»
Тутъ на Полидора
И Каллимаха онъ взглянулъ.
Послѣдній взоръ потупилъ скромно
И, ставъ, изчезъ въ алеѣ тёмной.

На утро,—только лучъ блеснулъ
Зазолотившейся денницы,

И въ гнѣздахъ встрепенулись птицы,—
Вновь Лидія среди дѣтей
Сидитъ, и вновь потокъ рѣчей
Разлился между нихъ широкой.

« Послушай, Каллимахъ, глубоко
Вздохнувъ, проговорила мать,
Ты чистъ душой отъ колыбели,
И если тайна есть,—тебѣ ли
Ее отъ матери скрывать?
Элеодоръ вчера не даромъ
Тебя въ собраніи смутилъ. »

—Есть тайна, сынъ въ отвѣтъ ей съ жаромъ,
Но я до времени хранилъ
Ее во глубинѣ сердечной.—

« И ты откроешь мнѣ ее ? »

— Открою,—все мое—твое.
Я поклялся любовью вѣчной
Элеодоровой сестрѣ;
Она—прелестное созданье —
Въ послѣднее со мной свиданье,
При вечерѣющей зарѣ,

Любовью мнѣ клялась взаимной ;
И вотъ Элеодоръ и я
Сюда,—подъ кровъ гостепріимной,
Гдѣ всѣ и братья и друзья,—
Летимъ на крыльяхъ нетерпѣнья:
Я, чая здѣсь найти отца,
Хотѣлъ для брачнаго вѣнца
Просить его благословенья ;
Признательный Элеодоръ,
Устроившій съ недавнихъ поръ
Дѣла свои въ Геліополѣ,
Спѣшилъ, не отлагая болѣ,
Его изъ рабства извести.

Но Божіи для насъ пути
Неизслѣди́мы; нашъ родитель
Оставилъ мирную обитель,
Его въ Александріи нѣтъ,—
И не свершился нашъ обѣтъ.
Но возвра́тится незабвенной
Нашъ утѣшитель, нашъ отецъ,
И дастъ,—я вѣрю несомнѣнно,
Благословенье на вѣнецъ.

Я тайну въ глубинѣ сердечной
Таилъ; но мой нескромный другъ
Ее, извѣстную межъ двухъ,
Въ порывѣ живости безпечной
Открылъ, и не таюсь я болѣ.
Теперь, твоей покорный волѣ,
Всего жду отъ тебя одной.
Дай приговоръ услышать твой!
Не заставляй меня томиться,
Пока отецъ мой возвратится!
Не порицай моей любви!
Моя любовь—любовь святая. —

« Господь тебя благослови! »
Сказала Лидія рыдая.

Не вѣря счастью, Каллимахъ
Бросается въ ея объятья.
У братьевъ слезы, рукожатья,
И разыгралась кровь въ сердцахъ.

При легкой утренней прохладѣ
На ложѣ, въ пышной колонадѣ,
Полузаросшей въ цвѣтникахъ,
Безмолвно Делія и Лелій

Вдвоемъ, рука съ рукой, сидѣли,
Теряясь взоромъ въ небесахъ,—
Они лишь помолились Богу.

Вотъ тихо Лидія къ порогу
Подходитъ,—съ нею сыновья;
И вотъ вступила въ колонаду.

« Я рада вамъ, мои друзья.
Какъ сладко въ грудь впивать прохладу,
Когда, сочувствіемъ дыша,
Въ одно сливается душа;
Когда, сроднившися сердцами,
Мы каждую ихъ нить введемъ
Въ одинъ утокъ и ткань точёмъ!....

Но что́, скажите мнѣ, что́ съ вами?
Спросила Делія; у васъ
Еще не стерты слезы съ глазъ. »

— Да, другъ мой, Лидія сказала;
Но это слезы не скорбей,
А радости твоихъ друзей.—

«Что́ съ вами? разскажи съ начала.»

— Мой Каллимахъ, она въ отвѣтъ,
Женихъ сестры Элеодора...

Давно ли былъ не милъ мнѣ свѣтъ?
Давно ль объ немъ я безъ укора
Промолвить слова не могла?
Несправедлива я была...

Я долго, долго, другъ, страдала,
И на землѣ не ожидала
Отрады болѣ для себя,
И думала, что въ гробъ, скорбя,
Сойду я сиротой... и что́ же?
Я сча́стлива!... о Боже, Боже!
Прости мнѣ! я супруга, мать;
Прости мнѣ, что въ бѣдахъ роптать
Порой я на Тебя дерзала.
Не Ты ль, мой Богъ, спасалъ меня
Невидимо и отъ кинжала
И отъ воды и отъ огня?—

« Скажи,—мы знать съ женой хотѣли,
Спросилъ нетерпѣливый Лелій,
Скажи намъ, какъ ты спасена,

Когда неслыханнымъ злодѣйствомъ,
Казалось, навсегда съ семействомъ
Была своимъ разлучена. »

— Вы знать хотѣли, — и готова
Я снять съ былаго часть покрова.

3.

— Я и теперь еще дрожу,
Когда на память привожу,
Наставшую за днемъ печальнымъ,
Ту ночь,—покровомъ погребальнымъ
Подернувшую неба сводъ,—
Какъ мы среди безбрежныхъ водъ
Застигнуты грозою были.

Надъ нами страшно громъ гремѣлъ,
Подъ нами страшно волны выли.
Пиратъ блѣднѣлъ и цѣпенѣлъ,
Нежданнымъ ужасомъ объятый.
Трещали мачты и канаты...
Вдругъ набѣжалъ девятый валъ;
На кораблѣ, какъ гулъ межъ скалъ,
И вопль и крикъ раздался громкій.

Но мигъ, и вотъ отъ корабля
Осталися одни обломки.
Я судорожно часть руля
Хладѣвшими уже руками
Прижала къ груди. Что̀ потомъ
Со мной, со всѣми было нами,
Не знаю. Вотъ очнулась я
На берегу отъ забытья.

Величественно восходило
На небо солнце, и на пиръ
Сзывало пробужденный міръ
И радость шумную сулило....
Сулило радость, но не мнѣ.
Одна въ пустынной сторонѣ,
Очнувшись, простираю взоры
На даль,—въ дали пески да горы,
Да, какъ сиротка, кое-гдѣ
Задумчивая пальма клонитъ
Главу къ землѣ, и вѣтеръ гонитъ
Былинку по степямъ къ браздѣ,
Да дымъ, синѣющій у кущи,
И жаворонокъ въ небесахъ,

Въ струистыхъ воздуха зыбяхъ,
Свой гимнъ Создателю поющій.

« Счастливецъ! вспо́рхнувъ отъ земли,
Оставилъ скорби ты въ дали,—
Тамъ у тебя малютки дѣти...
Быть можетъ, имъ готовы сѣти,
И нѣтъ тебѣ о нихъ заботъ,—
Отецъ Небесный ихъ блюдётъ. »

Такъ я подумала съ собою
И, вставъ, Небесному Отцу
Молилась теплою мольбою;
И слезы градомъ по лицу
Катилися....

О, слёзы, слёзы,
Какъ много сладкаго есть въ васъ!
Когда порой находятъ грозы
И громъ готовъ упасть на насъ;
Не къ вамъ ли въ страхѣ прибѣгаемъ?
Не вами ль очи мы кропимъ?
Когда предъ заключеннымъ раемъ
Стоялъ на стражѣ Херувимъ;
Не вы ль изгнанника Адама,

Какъ врачеванiе бальзама,
Утѣшили во дни скорбей
И мракъ свели съ его очей?

Я успокоилась немного
И на синѣющiй дымокъ,
Изъ кущи вьющiйся убогой,
Иду; мой путь былъ недалёкъ;
Пришла, и, какъ своя, родная,
Введенная подъ мирный кровъ,
Живу я между пастуховъ.

Прошла недѣля и другая;
И вотъ я, силы укрѣпивъ,
Какъ на божественный призывъ,
Таинственно меня ведущiй
Къ чему-то лучшему, изъ кущи
Иду, иду. Кругомъ песокъ,
Какъ будто саванъ погребальной,
Надъ степью стелется печальной.
Я далѣе; вотъ городокъ
Вскрывается передо мною;
И, съ теплой къ Господу мольбою,
Напрягши силы, я впередъ;

Прошу, вымаливаю крова, —
Никто мнѣ крова не даётъ.

И плакать я была готова;
На се́рдце налегла тоска.

Межъ тѣмъ какъ, грустная, блуждая,
Касалась я другаго края
Безжалостнаго городка,
И время приближалось къ ночи,
Вдругъ пламя мнѣ сверкнуло въ очи.
Я крикъ невольный издаю
И, слабость позабывъ свою,
Несуся на пожаръ; за мною
Народъ, какъ волны за волною.

Мы прибѣжали; домъ въ огнѣ;
Я вверхъ взглянула и, въ окнѣ
Дитя увидѣвъ, ощутила
Въ душѣ отважности порывъ
И, объ опасности забывъ,
На помощь первая спѣшила,
Летѣла и—спасла дитя.
Цѣлуя нѣжно и крестя,

Я матери его полмертвой
Передала; но въ тотъ же мигъ
Едва сама не стала жертвой
Усердья и враговъ моихъ.

Межъ тѣмъ какъ все еще толпился
Народъ у стихшаго огня,
Вдругъ говоръ; кто-то протѣснился,
Держа кинжалъ и—на меня.
Но мать спасеннаго дитяти,
Исторгшись изъ моихъ объятій,
Къ нему—и отвела кинжалъ;
Онъ повернулся и бѣжалъ.

Кто былъ злодѣй необычайной,
Зачѣмъ явился на пожаръ,
За что́ готовилъ мнѣ ударъ,
А не другимъ,—осталось тайной,
Неразрѣшимою досель.
Чрезъ нѣсколько потомъ недѣль
Въ народѣ слу́хъ носился странной,
Что это смѣлый былъ пиратъ,
Избѣгшій гибели нежданно,
Грабитель селъ и хищникъ стадъ,

Что городъ онъ обрекъ пожару,
Что, упрежденный мною, онъ
На мнѣ хотѣлъ обрушить кару.

Ужь поздно; всѣхъ лелѣетъ сонъ,
Не спимъ лишь мы съ хозяйкой дома.
Она блѣдна, въ глазахъ истома,—
Минувшихъ страховъ слѣдъ живой.
Склоняся надъ дитятей соннымъ,
Едва отъ гибели спасённымъ,
Она заводитъ рѣчь со мной.

«Могу ли я, она сказала,
Пожавши нѣжно руку мнѣ,
Могу ль тебѣ воздать вполнѣ?»
И, смолкнувъ, слезы отирала
Съ полупомеркнувшихъ очей.

— За что?—я возразила ей. —

«Не ты ль дитя мнѣ возвратила».

— Но наши подвиги равны;
За жизнь ты жизнью заплатила,
И мы другъ другу не должны.—

«Скажи,— въ то страшное мгновенье,
Какъ домъ и мой ребенокъ въ нёмъ

Уже охваченъ былъ огнёмъ,
Какое тайное влеченье
Тебя подвигло? Кто внушилъ
Тебѣ не женскую отвагу?»

— Меня Господь мой научилъ
Всѣмъ жертвовать собратій благу....
Еще,—когда ты хочешь знать,—
Еще скажу тебѣ: я мать;
Мнѣ чувство матери святое,
Взлелѣянное, развитое,
Напомнило дѣтей моихъ;
Въ тотъ роковой, ужасный мигъ,
Когда, охваченный пожаромъ,
Ребенокъ твой стоялъ въ окнѣ,
Оно проснулося во мнѣ
И, слава Господу! не даромъ...—

« Ты христіанка, вижу я.»

— Да, да! я не хочу скрываться....—

О, дай мнѣ, дай съ тобой обняться!
Мы сестры, мы съ тобой друзья.»

Какъ голосъ арфы сладкозвучной,
Слова ея въ мой слухъ впились.

Мы крѣпко, крѣпко обнялись
И—жили съ нею неразлучно,
Пока Господь не повелѣлъ
Идти намъ розною дорогой.

Мы вмѣстѣ пожили немного;
Прошло семь лѣтъ, и опустѣлъ
Ея пріютъ гостепріимной,
Пріютъ добра, любви взаимной.
Ее,—печальную вдову, —
Къ себѣ родные перезвали;
И я не знала, гдѣ главу
Мнѣ приклонить; но мнѣ сказали,
Что есть въ Александріи домъ,
Что въ немъ, дыша однимъ добромъ,
Супруги—Делія и Лелій—
Не одного уже призрѣли,
Устроили...—
« Довольно другъ!
Къ чему хвалой ласкать нашъ слухъ,
Цѣня высоко щедрость нашу ?
Подъ кровъ бездомнаго ввести,
Пришельцу жаждущему чашу

Воды студеной поднести
И алчущему, ради Неба,
Подать кусокъ насущный хлѣба —
Заслуга, другъ, не велика́,»
Прервавши Лидію, сказала
Хозяйка, и рукой слегка
Ей руку жаркую пожала.

«Прости мнѣ, Делія, прости!
Ты знаешь, на земномъ пути
Я много испытала горя
На сушѣ и на лонѣ моря...
Я пристань мирную нашла
Подъ вашимъ кровомъ и—счастли́ва.
Когда же радость не была
И нескромна и говорлива?...

Да! я счастли́ва наконецъ!
Не даромъ горечь изъ фіала
Я терпѣливо допивала;
За все мнѣ воздаетъ Творецъ....
Да, я счастли́ва, говорила,
Счастли́ва, снова повторила,
До слезъ растроганная мать.

Теперь бы мужа мнѣ дождаться,
Съ дѣтьми и съ нимъ не разлучаться,
И болѣ не́чего желать.»

— Терпѣніе! промолвилъ Лелій;
Наступитъ часъ, и онъ межъ насъ,
И ты его услышишь гласъ,
И всѣ мы у желанной цѣли.

Ты знаешь, — есть у христіанъ
Училище въ Александріи,
Куда стекались въ дни былые,
И въ наши дни изъ разныхъ странъ
Приходятъ ищущіе свѣта.
Еще недавно въ немъ Арета
Христово Слово возвѣщалъ
И мудрыхъ міра посрамлялъ.

Возставшее на насъ гоненье
Его исхитило у насъ;
Оно, какъ сонное видѣнье,
Прошло, и скоро сладкій гласъ
Ареты мы услышимъ снова
Во славу имени Христова;

Мы встрѣтимъ, обоймемъ его
И, можетъ быть, не одного;
Тогда Училище святое
Въ невозмущаемомъ покоѣ
И возрастетъ и процвѣтётъ
И дастъ благословенный плодъ.

4.

Луна, какъ дѣва молодая,
Улыбкой дольній міръ лаская,
Плыветъ по синимъ небесамъ;
Въ Александріи по домамъ
Лампада гаснетъ за лампадой,
И говорливый городъ стихъ.
Усталый отъ заботъ дневныхъ
И убаюканный прохладой,
Навѣянною вѣтеркомъ,
Онъ спитъ безпечнымъ, сладкимъ сномъ,
Какъ спитъ младенецъ въ колыбели;
Не спятъ лишь Делія и Лелій.

Разставленные тамъ и сямъ
По бѣломраморнымъ стѣнамъ
Роскошно-пышной колонады,

Какъ звѣзды, искрятся лампады.
Къ радушнымъ гости и друзья
Стеклися, какъ одна семья,—
Все близкіе, все дѣти свѣта:
Съ женою и дѣтьми Арета,
И два маститыхъ старца съ нимъ—
Аполлодоръ и Софронимъ,
И обѣ руку съ Элеодоромъ
Сестра, прелестная, какъ май.

Женихъ съ невѣстой, слившись взоромъ,
Казалось, уносились въ рай.
Арета, Лидія и Лелій
И Делія на нихъ глядѣли
И любовалися четой.

Аполлодоръ, живой мечтой
Былое въ сердцѣ обновляя,
И самъ былъ на предѣлахъ рая.
« Счастливцы! онъ четѣ сказалъ,
Я принимаю въ васъ участье
И понимаю ваше счастье:
Я самъ любилъ и счастье зналъ...
Ея не стало,—Зои милой,—

Но, доживая вѣкъ унылой,
Я все еще ее люблю
И, часто, сномъ забывшись краткимъ,
Ея улыбку я ловлю,
Сливаюсь съ ней лобзаньемъ сладкимъ.

Какъ свой, я радуюсь за васъ;
Напоминайте каждый часъ
Любовью чистою мнѣ Зою,—
И обновлюся я душою....
Да, дѣти! здѣсь, въ кругу друзей,
Полета дней я не замѣчу,
И смерть веселіемъ очей
Межъ братьями по вѣрѣ встрѣчу.

Благодарю тебя, мой другъ,
Благодарю тебя, Арета!
Едва не разлюбилъ я свѣта;
Но ты душевный мой недугъ
Уврачевалъ, и скитъ печальной,
Гдѣ передъ урной погребальной
Я далъ обѣтъ—дожить свой вѣкъ,
Покинутъ мной.... Я человѣкъ;
Зачѣмъ же умирать мнѣ было

Для человѣчества живымъ?
Хочу собратіямъ моимъ
Полезнымъ быть и предъ могилой».

«И можешь, Лелій отвѣчалъ;
Твой разумъ, чистота началъ,
Твои познанія, даръ слова—
Все, все въ движенье приведи
Во славу имени Христова
И жатвы благодатной жди.
Положимъ твердое начало,—
Конецъ Всевышняго рука
Положитъ.... Жатва велика́,
А дѣлателей жатвы мало.»

«Благодарю Тебя, мой Богъ,
За все, за самыя лишенья!
Въ нихъ зрѣло сѣмя утѣшенья
И, благости Твоей залогъ,
Созрѣло для меня и свѣта....
Благодарю Тебя, мой Богъ...»
И болѣ вымолвить не могъ
Въ избыткѣ чувствъ святыхъ Арета.

И всѣ до одного за нимъ
Въ слезахъ упали на колѣни,
И прослезился Серафимъ,
Слетѣвшій къ нимъ изъ райской сѣни.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Оконченъ мой завѣтный трудъ!...
Быть можетъ, болѣ вдохновенья
Не зазывать мнѣ въ свой пріютъ,
Не жить, какъ жилъ, для пѣснопѣнья!...
А можетъ быть, наступятъ дни, —
И вновь повѣетъ мнѣ отрада;
И я, покояся въ тѣни
Лелѣемаго мною сада,
Въ пріютъ свой скромный зазову
Поэзію какъ въ дни былые,
Склоню на грудь ея главу
Въ часы досуговъ золотые
И, вдохновенье ощутя,
Какъ беззаботное дитя;
Предамся вновь ея влеченью....

Но, чтобы ни́ было со мной,
Оканчивая путь земной,
Я весь—покорность Провидѣнью
И весь—признательность къ Нему
За прежнія ко мнѣ щедроты.
Дастъ чувству жаръ и свѣтъ уму,—
И я, воспрянувъ отъ дремоты
И въ сердцѣ небо ощутивъ,
За пѣсни вновь и—вновь счастли́въ.

Инымъ просторный, міръ мнѣ тѣсенъ;
Но я знавалъ блаженство въ нёмъ,—
Оно мнѣ вѣяло отъ пѣсенъ
Въ укромномъ уголкѣ моёмъ.
Я забывалъ всѣ блага міра,
Когда, сочувствуя мнѣ, лира
Бывала о́тзывомъ живымъ
Завѣтнымъ помысламъ моимъ,
И звуки, съ струнъ ея слетая,
Таинственное что-то мнѣ,
Дышавшее отрадой рая,
Нашептывали въ тишинѣ.

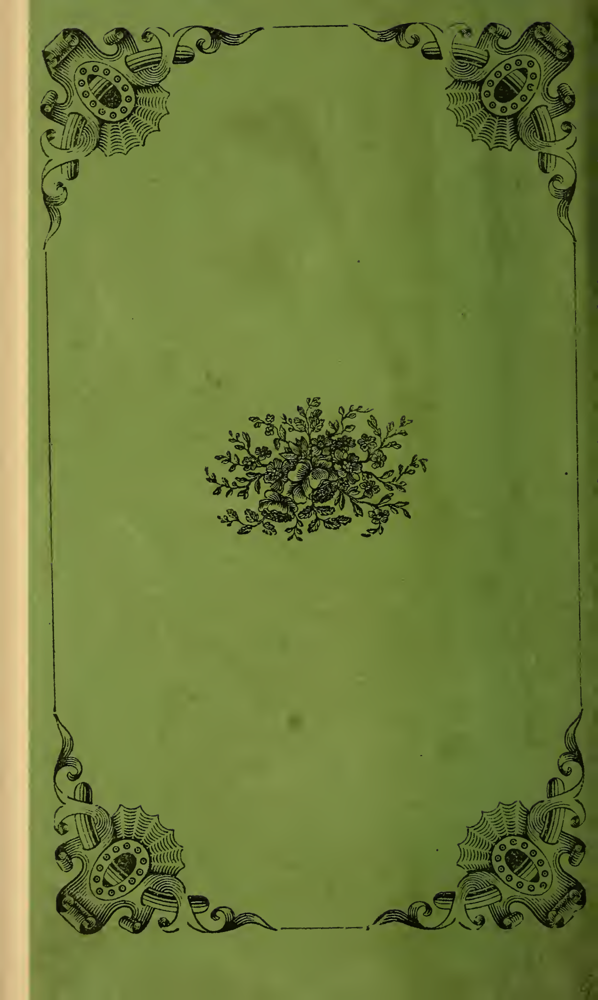
ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

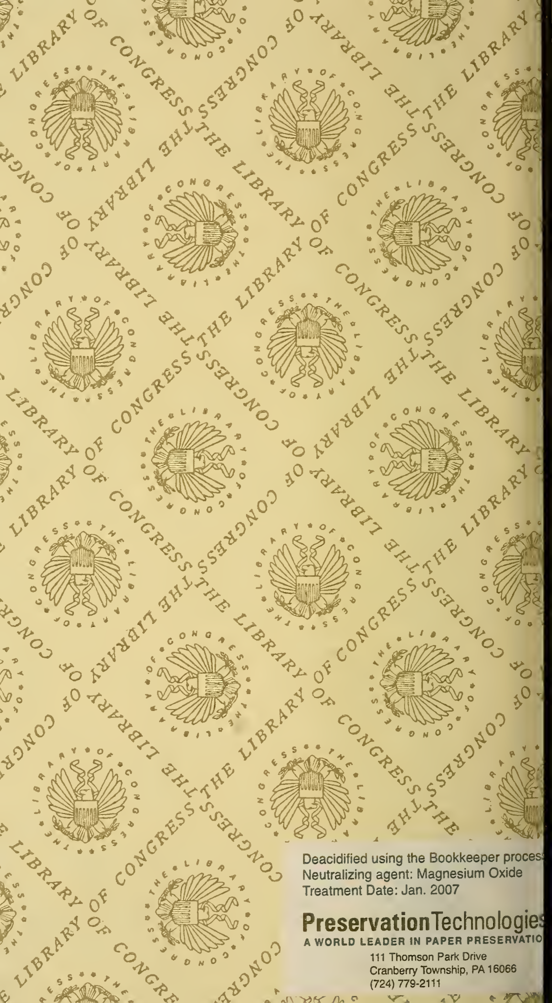
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

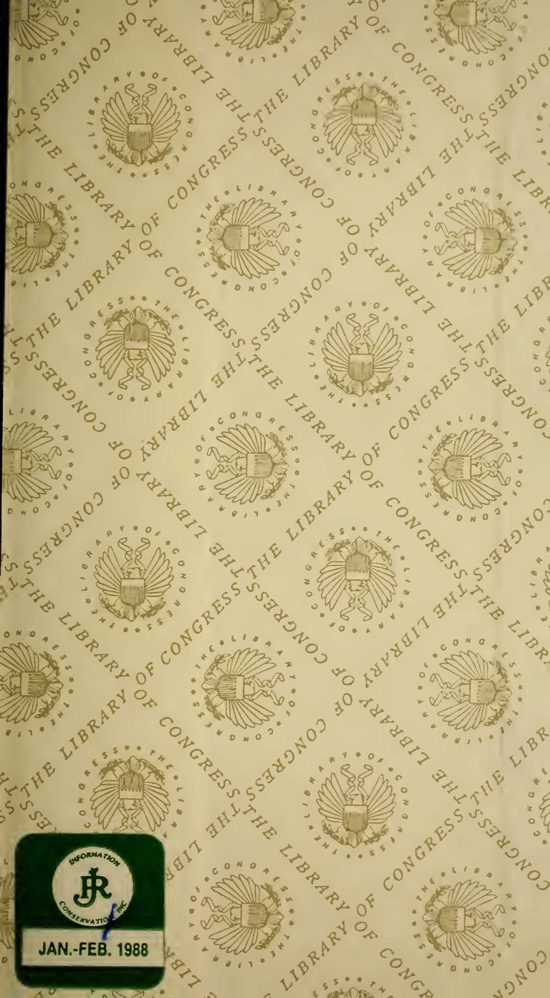
Напечатано:			*Исправлено*:
стран.	*стр.*		
14	3	болѣ.	болѣ, —
	4		Міръ заживо его отпѣлъ.
66	20	дало —	дало́. —
87	10	нап*а*ять	напоять
101	11	вообраҗенія	воображенія

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

41	5	об*л*овится	обновится, —
68	17	изумленный?	изумленный.
112	1	дл*а*	для
117	13	Мелетій?	Мелетій?»
200	14	молчали	молчали.
—	18	Что́ вижу я,	Что́ вижу я?

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
INFORMATION CONSERVATION INC
JAN.-FEB. 1988